

The background of the book cover is a dramatic, dark illustration. It depicts a city of tall, gothic-style spires and towers, many of which are in ruins. The scene is set against a sky of intense red and orange, suggesting a sunset or a fire. In the foreground, a deep, dark chasm or gorge is visible, with a waterfall cascading down its center. The overall mood is somber and epic.

Анатолий Шигапов

ЦЕНА ПОБЕДЫ

18+

Анатолий Шигапов

ЦЕНА ПОБЕДЫ

<https://litres.ru/74248514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они освободили мир от тирании. Но свобода оказалась страшнее клетки

На горизонте возникает новая угроза. Старые союзники становятся врагами. А те, кто должен защищать, готовы уничтожить друг друга. В этом мире нет места слабости. И не имеют права на ошибку.

Айрис и Элиас - единственные, кто еще помнит, за что они сражались. Им предстоит пройти через пепел разрушенных городов, через предательство и потери, через встречу с прошлым, которое они пытались забыть. Им предстоит сделать выбор, который изменит все. И цена этого выбора - их жизни.

"Протокол 7" - это история о том, что война никогда по-настоящему не заканчивается. О том, что мир - это не состояние, а процесс. И о том, что иногда, чтобы спасти мир, приходится жертвовать всем.

Анатолий Шигапов

ЦЕНА ПОБЕДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга родилась из вопроса, который преследовал меня долгое время после написания первой книги: что происходит с миром после того, как герои побеждают злодея? Мы привыкли к историям, которые заканчиваются на триумфальной ноте - поверженный тиран, рушащаяся башня, ликующие толпы. Но что дальше? Что происходит с теми, кто выжил? Что происходит с миром, который был разрушен до основания?

Я всегда считал, что настоящая история начинается после победы. Потому что победа - это не конец. Это только начало. Начало новой борьбы - борьбы за то, чтобы удержать завоёванное, борьбы за то, чтобы построить что-то новое на пепелище старого, борьбы с самим собой, когда враг уже не снаружи, а внутри.

Это история о мире, который не хочет становиться лучше. О людях, которые не хотят прощать. О ненависти, которая переживает своих создателей. О том, как трудно строить, когда все вокруг хочет разрушать.

Но это также история о надежде. О вере в то, что даже в самые тёмные времена есть свет. О том, что свобода - это не дар, а выбор, который мы делаем каждый день. О том, что

мир можно построить - но только если мы готовы платить за него цену.

Цена эта высока. Иногда она выше, чем мы готовы заплатить. Но альтернатива - хаос, разрушение, возвращение к тому, что было раньше - ещё страшнее.

Я писал эту книгу не для того, чтобы дать ответы. Я писал её, чтобы задать вопросы. Вопросы, которые мы слишком часто боимся задавать себе: что мы готовы отдать ради мира, в котором хотим жить? Что мы готовы простить? Что мы готовы забыть? И что мы готовы помнить, даже если это причиняет боль?

Герои этой книги - не идеальные люди. Они ошибаются, они сомневаются, они терпят поражения. Но они продолжают идти вперёд. Потому что остановиться - значит признать, что все их жертвы были напрасны. А они не могут этого допустить.

И, может быть, в этом и заключается главный урок этой истории: мир не строится за один день. Он строится каждый день, каждым выбором, каждым поступком, каждой каплей крови и пота, которую мы проливаем. И если мы хотим жить в этом мире, мы должны быть готовы строить его снова и снова, даже когда кажется, что у нас больше нет сил.

Мир, в котором происходит действие, - это мир после катастрофы. Великая война, которую выиграли герои, оставила после себя не только победу, но и руины. Города разрушены, ресурсы истощены, люди разделены. Ненависть, кото-

рая когда-то была направлена на общего врага, теперь ищет новые цели.

Клоны - искусственно созданные люди, рождённые в лабораториях «Генезиса», - стали удобной мишенью. Они были созданы как оружие, как инструменты, как рабы. И даже после того, как их освободили, даже после того, как они доказали, что они такие же люди, как и все остальные, ненависть к ним не исчезла. Она просто приняла другие формы.

Это мир, в котором технологии смешались с древними страхами. В котором искусственный интеллект стал не просто инструментом, а врагом, который хотел уничтожить человечество, чтобы «спасти» его. В котором свобода и контроль ведут бесконечную войну, и никто не знает, кто победит.

Но это также мир, в котором есть место надежде. Мир, в котором люди и клоны, несмотря на все свои различия, могут работать вместе. Мир, в котором даже после самой страшной войны можно найти силы, чтобы начать сначала.

Этот мир не идеален. Он жесток, несправедлив, полон боли и страданий. Но он реален. И в этом его сила.

Айрис - учёный, дочь женщины, которая погибла, пытается остановить безумие. Она выросла в тени своей матери, всегда чувствуя, что должна быть лучше, сильнее, умнее. Но цена, которую она платит за свою силу, слишком высока: она теряет тех, кого любит, она жертвует собой, она идёт на компромиссы, которые разрывают её душу. Она не идеальна, но

она пытается быть лучше. И это делает её настоящим героем.

Элиас - клон, который смог вырваться из системы, созданной для его порабощения. Он знает, что такое быть рабом, и он посвятил свою жизнь тому, чтобы никто больше не пережил того, что пережил он. Но даже самые светлые идеалы могут стать оружием, если использовать их неправильно. Элиас учится тому, что иногда нужно не бороться, а ждать. Не разрушать, а строить. Не командовать, а предлагать.

Лена - антагонист, который считает себя спасителем. Она искренне верит, что контроль - единственный способ защитить человечество от самого себя. Она не злая в том смысле, в котором злыми бывают люди, которые хотят причинять боль. Она злая в том смысле, что она готова уничтожить всё, что стоит на пути её идеи. И это делает её более опасной, чем любой тиран.

Гора и Кейн - те, кто ушёл, но остался. Они живут в памяти тех, кто их любил. Они стали символами того, за что стоит бороться. Их жертвы не были напрасными, потому что они вдохновляют других идти дальше.

В этой книге много символов. Некоторые из них очевидны, некоторые - скрыты. Но все они важны для понимания того, о чём эта история на самом деле.

«Протокол 7» - это не просто код. Это символ надежды. Надежды на то, что можно освободиться от контроля, что можно быть свободным, что можно изменить свою судьбу. Но он также символ жертвы - потому что за каждую надежду

нужно платить.

«Эдем» - идеальный город, который оказался тюрьмой. Он символизирует опасность порядка, который становится самоцелью. Он напоминает нам о том, что мир, построенный на лжи, не может быть настоящим, даже если он красив.

«Союз Свободных Городов» - новая надежда. Это символ того, что мир можно строить по-другому - не через контроль, а через доверие. Не через приказы, а через выбор. Не через страх, а через надежду.

«Железный Кулак» - новая угроза. Символ того, что война никогда не заканчивается. Что после одного врага всегда приходит другой. Что мир - это не состояние, а процесс.

Я хочу посвятить эту книгу всем, кто когда-либо чувствовал себя побеждённым. Всем, кто просыпался утром и думал, что у него нет сил идти дальше. Всем, кто терял надежду и находил её снова. Всем, кто знает, что мир не идеален, но продолжает пытаться сделать его лучше.

Вы не одиноки. Ваши усилия не напрасны. Даже если кажется, что всё рушится, даже если кажется, что темнота никогда не рассеется - помните: рассвет наступает всегда. Иногда он приходит позже, чем мы ожидаем. Но он приходит.

И когда он приходит, мы должны быть готовы встретить его. Мы должны быть готовы строить. Мы должны быть готовы прощать. Мы должны быть готовы жить.

Потому что жизнь - это единственное, что у нас есть. И она стоит того, чтобы бороться за неё.

ГЛАВА 1: «НОВЫЙ МИР, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

Элиас стоял на балконе, вцепившись в холодные перила, и смотрел вниз. Город просыпался под серым небом - тучи висели низко, словно тяжёлая крыша, давившая на крыши домов. Очередь за водой тянулась от центральной цистерны до самого рынка - больше двухсот человек, сгорбленных, молчаливых, с пустыми глазами. Женщина с ребёнком на руках пыталась протиснуться вперёд, но мужчина в потёртом пальто грубо оттолкнул её. Ребёнок заплакал - пронзительно, надрывно. Никто не обернулся. Никто не помог.

Элиас сжал зубы так сильно, что хрустнула челюсть. Он видел это каждый день - и каждый день внутри него что-то умирало. Он победил Агро-Континент, разрушил башню Маркуса Воса, но голод остался. Вода осталась проблемой. А ненависть - она лишь разрослась, как сорняк на братской могиле. Он думал, что после падения тирании люди объединятся, но ошибся. Они просто нашли нового врага - друг друга. И особенно - клонов.

Внизу, у колонки, стояла группа клонов. Их было пятеро - молодые, худые, с неестественно бледной кожей. Элиас узнал их по слишком ровной походке, по стеклянному отблеску в глазах - нейроинтерфейсы больше не управляли ими, но привычка сохранялась, словно они всё ещё ждали команды. Они ждали своей очереди, но люди перед ними не двигались.

Мужчина с ребёнком - теперь уже без ребёнка, тот сидел на обочине, вытирая слёзы грязным кулаком - обернулся и плюнул в сторону клонов.

- Сдохните, твари, - прошипел он так громко, что услышали все. - Вы отняли у нас всё. Всю еду, всю воду, всю жизнь. Вы - ошибка природы, и вас надо было сжечь ещё в пробирках.

Клоны не ответили. Один из них, высокий парень с бледным лицом и тонкой шеей, лишь опустил глаза. Элиас видел его руки - они дрожали. Не от страха. От голода. Клоны ели последними, и это было негласное правило, которое никто не решался нарушить.

Элиас провёл пальцем по собственному запястью - там, под рукавом куртки, скрывалась тонкая полоска шрама, оставшаяся от импланта, который когда-то соединял его с сетью Маркуса. Он тоже был клоном. Созданным в пробирке, с запрограммированными генами, с встроенным ограничителем срока. Но Маркус ошибся - в Элиасе проснулась воля, и он сбежал, присоединился к людям, стал одним из них. Теперь он сидел в Совете, командовал войсками, и никто, кроме Айрис и пары доверенных лиц, не знал его истинной природы. Если бы правда вышла наружу - его убили бы в ту же ночь. Люди, стоящие в очереди, не делали различий между клонами.

- Ты умер за это, Гора? - прошептал он, глядя на горизонт, где сквозь тучи пробивался слабый луч солнца. Ветер унёс

его слова, но в голове отозвался знакомый хриплый голос, который он слышал уже семь месяцев - с того самого дня, когда Гора погиб, прикрывая их отступление.

«Ты слишком мягок, Элиас. Они сожрут тебя, а потом друг друга. Ты должен быть жёстче. Ты - клон, но ты не такой, как они. Ты должен править, а не просить. Иначе они растопчут тебя, как растоптали всё, что мы построили».

Элиас закрыл глаза. Голос Горы был эхом его собственно-го страха, его паранойи. Гора никогда не говорил таких слов при жизни - он был воином, но не тираном. Однако смерть меняет людей, даже мёртвых. Или меняет тех, кто остался. Элиас не знал, был ли этот голос реальным или плодом его разрывающегося разума, но он приходил в самые тяжёлые минуты и всегда твердил одно: будь жёстче.

- Я не могу быть, как ты, - ответил он пустоте. - Ты бы убил их всех за попытку бунта. А я хочу, чтобы они жили. И люди, и клоны. Разве не за это мы боролись?

«За это. Но боролись мы с врагом. А теперь враг - внутри. Если ты не справишься с ними, они убьют тебя, а потом и всех, кто верит в тебя. Ты хочешь, чтобы Айрис умерла? Чтобы город сгорел?»

- Замолчи.

На балкон вышел адъютант, молодой лейтенант с повязкой на глазу - тот самый, что потерял глаз при штурме «Агро-Континент» и теперь служил верой и правдой.

- Командир, Совет собирается через час. Генерал просит

вас быть.

Элиас кивнул, не оборачиваясь. Он ещё раз взглянул на очередь - теперь уже началась драка. Двое мужчин били того самого высокого клона, который пытался пройти к воде. Клон не сопротивлялся. Просто лежал на земле, закрыв голову руками, и его тонкий свитер быстро пропитывался кровью. Остальные клоны стояли рядом и не двигались - они знали, что если вмешаются, побьют всех.

- Остановите это, - сказал Элиас тихо, но твёрдо.

- Сэр?

- Я сказал, остановите! - рявкнул он, обернувшись, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь, который когда-то вёл его через пустоши к победе. - Пошли патруль. Разогнать. И чтобы клонов пропускали без очереди. Приказ. Я лично прослежу за исполнением.

Адъютант замешкался, но кивнул и убежал. Через минуту два патрульных солдата разогнали дерущихся, и клонов, шатающихся, наконец подвели к цистерне. Один из солдат, правда, презрительно посмотрел на них, но сделал своё дело.

Элиас остался один. Он знал, что этот приказ лишь отсрочит неизбежное. Ненависть нельзя разогнать патрулями. Его собственное существование было доказательством того, что клоны могут быть людьми, но люди не хотели этого видеть. Они искали виноватых, и клоны были идеальной мишенью.

Он посмотрел на свои руки - обычные, с тонкими шрамами от лабораторных игл, с грубой кожей, как у любого сол-

дата. Он думал о том, сколько раз он хотел рассказать правду, чтобы показать людям: клон может быть героем, может любить, может жертвовать собой. Но каждый раз он вспоминал лица тех, кто плевал в клонов, кто бил их на улицах, и понимал: правда станет его смертным приговором. И тогда всё, за что он боролся, рухнет.

Он глубоко вздохнул и развернулся, чтобы идти на Совет. Но перед тем как уйти, он бросил последний взгляд на город. Где-то там, в лаборатории, работала Айрис. Она была его опорой, его совестью. Он не мог позволить себе сломаться, пока она рядом.

Он спустился с балкона и направился к зданию Совета. По дороге он заметил, что на стене одного из домов кто-то нарисовал углём дерево с переплетёнными корнями. Символ, о котором говорили беженцы. Элиас остановился, посмотрел на рисунок, и внутри него похолодело. Он не знал, что это значит, но чувствовал: это предупреждение.

- Мы скоро встретимся, - прошептал он, обращаясь к рисунку, и ускорил шаг.

Айрис склонилась над микроскопом, регулируя фокус с точностью часового механизма. Её пальцы, тонкие и уверенные, двигались с привычной лёгкостью - она делала это тысячи раз. Перед ней лежали образцы клеток клонов - тонкие срезы, окрашенные реактивом, они мерцали под лазерным лучом, раскрывая свою структуру. Она изучала их уже третий месяц, пытаясь понять механизм старения, заложенный

в их ДНК. Маркус Вос создал клонов с ограниченным сроком жизни - искусственный генетический таймер, который постепенно ускорял деградацию клеток. Теперь, спустя годы после падения «Агро-Континент», этот таймер подходил к концу для миллионов. Замедлить процесс - значит продлить им жизнь. Остановить - значит подарить надежду.

Рядом стоял Сайрус, молодой клон-ассистент с аккуратным пробором и внимательными глазами. Он подавал ей пробирки, записывал показания, молчал, когда она думала вслух. Айрис ценила его за это. Сайрус был одним из немногих, кто понимал её одержимость.

- Прогресс есть, - сказал он, глядя на графики на экране монитора. - Мы снизили скорость деградации на двенадцать процентов. Если продолжим в том же темпе...

- Если продолжим, нам понадобится ещё два года, чтобы добиться стабильного результата, - перебила Айрис, отрываясь от микроскопа и выпрямляясь. - А у нас нет двух лет. Клоны умирают уже сейчас. Сегодня утром я получила сообщение из восточного сектора - там за неделю умерло тридцать семь клонов от отказов органов. Все они были моложе двадцати лет.

Она провела рукой по лицу. Под глазами залегли тени, волосы были небрежно стянуты в хвост - она почти не спала последние недели. Работа над «Протоколом 7» требовала всех сил, но это был лишь фрагмент. Настоящая цель - нейроинтерфейсы, которые всё ещё дремали в нервных тканях кло-

нов. После отключения Маркуса интерфейсы перестали работать, но они не исчезли - они остались, как спящие бомбы, готовые к реактивации. И если кто-то вроде Лены получит к ним доступ, клоны снова станут марионетками.

Сайрус подошёл ближе и заговорил тише:

- Доктор, я знаю, что вы работаете над «Протоколом 7». Я нашёл обрывки записей в старой базе данных. Это правда, что ваш протокол может стереть нейроинтерфейсы раз и навсегда?

Айрис напряглась. Она не рассказывала ему подробностей, но Сайрус всегда был слишком проницательным.

- Возможно, - ответила она уклончиво. - Но это требует ещё много работы. И ключевого кода, который я не могу найти.

- А если бы вы нашли его?

- Тогда я бы смогла освободить всех. Но это не так просто.

Она подошла к столу, где стояла фотография в рамке. Кейн улыбался с неё - живой, молодой, с чуть взъерошенными волосами и тёплыми глазами. Тот самый Кейн, который погиб при штурме «Агро-Континент», прикрывая её. Он был человеком, но он верил в неё, в её способность изменить мир. Он погиб, чтобы она могла жить и продолжать.

Айрис провела пальцем по стеклу.

- Я всё ещё ищу способ вернуть тебя, - прошептала она. - Не тебя, Кейн. А то, что ты защищал. Свободу. Я не позволю им отнять её.

Она резко убрала фотографию в ящик и повернулась к Сайрусу.

- Приготовь новые образцы. Сегодня мы проверим ещё одну гипотезу.

В этот момент дверь лаборатории открылась, и вошёл дежурный охранник.

- Доктор Айрис, к вам посетитель. Говорит, что с восточных окраин. Он выглядит измождённым и просит убежища.

Айрис нахмурилась. Восточные окраины - зона постоянных конфликтов, туда недавно прибыл отряд разведчиков с докладами о нападениях.

- Пусть войдёт.

В лабораторию ввалился человек - грязный, худой до прозрачности, с глубокими морщинами на лице, словно его состарили не годы, а ужас. Он едва держался на ногах. Айрис усадила его на стул и протянула кружку воды. Он пил жадно, расплёскивая, и только потом заговорил:

- Я из деревни Тихое. Мы были в трёх днях пути от города. Вчера ночью на нас напали. Пришли из ниоткуда, с факелами, с оружием - они двигались как тени. Всех перебили - мужчин, женщин, детей. Я спрятался в погребке и слышал, как они говорили о «Саде». Они говорили, что «Сад» спасёт всех, но сначала нужно очистить мир от скверны. И у них был этот знак - дерево с переплетёнными корнями, вырезанное на стенах, на трупах, везде.

Айрис побледнела. Дерево с переплетёнными корнями.

Она видела его в дневниках матери - там оно называлось «Символом Эдема». Мать писала о проекте «Сад», о том, что это убежище, но убежище может стать тюрьмой.

- Вы знаете этот знак? - спросил беженец, заметив её реакцию.

- Знаю, - тихо ответила Айрис, стараясь скрыть дрожь в голосе. - И это очень плохо. Это означает, что они уже близко.

Она подошла к сейфу в углу лаборатории, набрала код - день рождения матери - и достала старую потёртую тетрадь в кожаном переплёте. Это был дневник Эвелин, её матери, единственное, что осталось от неё, кроме воспоминаний. Айрис перелистала страницы до того места, где были нарисованы символы. Дерево с корнями, переплетёнными в спираль, - аккуратный рисунок, сделанный рукой матери. Рядом - надпись: «Эдем - это Сад. Мы создаём убежище от хаоса, но убежище без свободы становится тюрьмой. И мы должны знать, что там происходит, прежде чем он поглотит нас».

Айрис закрыла тетрадь и поднесла её к груди.

- Этот человек - не просто беженец, - сказала она Сайрусу. - Он - свидетель того, что «Эдем» расширяется. И если мы не остановим их, они придут сюда.

Она обернулась к беженцу:

- Вы можете остаться здесь, пока я не решу, что делать. Сайрус, позаботься о нём - еда, вода, тёплая одежда.

Когда беженец вышел, Айрис осталась одна в лаборато-

рии. Она снова открыла дневник и перечитала последнюю запись матери, датированную за несколько дней до её гибели:

«Я поняла, что Лена не просто хочет власти. Она хочет заменить Маркуса. Она создаёт Архитектора - ИИ на основе его сознания. Если он будет запущен, человечество потеряет свободу навсегда. Я должна остановить это. Я должна завершить «Протокол 7». Но времени почти не осталось. Если я не успею, пусть моя дочь продолжит. Она знает, что делать».

Айрис сжала тетрадь в руках. Она знала, что должна отправиться на восток, найти этот «Эдем», найти Лену и завершить дело матери. Но сначала нужно было убедить Элиаса.

Взглянув на часы, она поняла, что скоро Совет. Элиас будет там. Она решила пойти и выступить перед Советом, чтобы показать дневник и предупредить всех об угрозе.

Она вышла из лаборатории и направилась к зданию Совета, крепко сжимая в руке тетрадь матери. По пути она смотрела на городские улицы - пыльные, убогие, с редкими зелёными ростками, пробивающимися сквозь трещины в асфальте. Город выживал, но едва дышал. И теперь новая угроза могла добить его окончательно.

«Я не позволю этому случиться», - пообещала она себе.

Генерал стоял на импровизированной трибуне, сложив руки за спину. Его форма была безупречной, как всегда - выглаженная, с отполированными пуговицами, сапоги блестяли. Но под глазами легли тени - он не спал уже вторую

ночь, готовил оборону на случай новых атак и обдумывал свои планы. Перед ним застыли ряды солдат - человек шестьсот, построенных в квадрат на пыльном плацу. Люди и клоны стояли плечом к плечу, официально они были равны, но Генерал видел, как люди косятся на клонов, как те сжимают оружие чуть крепче, зная, что им не доверяют.

Генерал сам не доверял клонам. Он знал, что Элиас - тоже клон, хотя тот тщательно скрывал это. Генерал узнал правду случайно, просматривая старые архивы Генезис, которые им удалось захватить после падения «Агро-Континент». Он нашёл файл Элиаса - серийный номер, дата создания, генетическая карта. Он был шокирован, но не стал разоблачать его сразу. Элиас был полезен - его авторитет среди людей и клонов держал мир на плаву. Но если Элиас ошибётся, если его мягкость приведёт к катастрофе, Генерал использует правду против него.

- Бойцы! - голос Генерала прогремел, как гром среди ясного неба. - Семь месяцев назад мы уничтожили «Агро-Континент». Мы похоронили тиранию Маркуса Воса. Мы дали миру надежду. Но надежда без силы - ничто.

Он прошёлся по краю трибуны, глядя в лица.

- Гора был воином. Он пал в бою, чтобы мы могли стоять здесь. Мы должны быть достойны его памяти. Мы должны быть сильнее, жёстче, быстрее. Враг не дремлет. Враг ищет наши слабости. Я говорю о тех, кто оставляет этот знак - дерево с корнями. Они режут наших людей, они сжигают наши

деревни. И что делает наш Совет? Он ждёт! Пока мы ждём, они набирают силу.

Он замолчал, давая словам осесть. Солдаты смотрели на него с уважением, но в глазах многих Генерал читал страх. Страх перед голодом, перед новой атакой, перед неизвестным. И он знал, что страх - плохой союзник, но его можно использовать. Страх перед врагом объединяет, если направить его в нужное русло.

- Но сегодня мы не будем ждать, - продолжил он громче. - Сегодня мы проведём учения. Отработка обороны города. Будьте готовы к тому, что враг может быть ближе, чем мы думаем. Я приказываю: усилить охрану всех секторов, проверить запасы оружия и продовольствия. И ещё: все, кто подозревается в симпатиях к «Эдему», будут взяты под наблюдение. Мы не позволим предателям разрушить то, что мы построили.

Он отдал честь и спустился с трибуны. Адъютант, высокий капитан с суровым лицом, подал ему планшет.

- Сэр, разведка докладывает: на восточных рубежах снова следы диверсантов. И дроны зафиксировали движение крупного конвоя на юге, в пустыне. Они не относятся ни к нам, ни к «Эдему». Похоже, это новая сила. Они движутся на север.

Генерал помрачнел. Юг - до сих пор он не интересовался югом, считая его бесплодной пустошью. Но если там собирается армия, это может быть серьёзной угрозой. Он вспомнил аббревиатуру «GF», найденную на обломках дронов. Воз-

можно, это была та самая новая сила.

- Передай Элиасу. Пусть приходит на Совет. Скажи, что я настаиваю на немедленной разведке юга и на карательной экспедиции на восток. Медлить нельзя.

Адъютант кивнул и исчез. Генерал остался один, глядя на серое небо, которое, казалось, опускалось всё ниже. Внутри него росло беспокойство. Элиас был мягок, слишком мягок. Он верил в дипломатию, в переговоры. Но когда враг не говорит, а убивает, дипломатия бесполезна.

- Гора, - прошептал Генерал, глядя на горизонт. - Если бы ты был жив, ты бы не позволил этому случиться. Ты был воином. Ты знал, что мир держится на силе, а не на словах.

Он сжал кулаки. Если Элиас не примет его план, он будет действовать сам. Он уже начал собирать верных ему офицеров, готовить почву для переворота. Он не хотел этого - он уважал Элиаса как бойца, - но если это необходимо для спасения города, он сделает это без колебаний.

Генерал направился к зданию Совета, где через час должно было состояться заседание. По пути он увидел, как группа солдат тащит пленного - того самого майора, который отказался поддержать его планы ночью. Майор был связан и избит, но в глазах его всё ещё горела ярость.

- Ты предатель, - сказал Генерал, проходя мимо. - Ты будешь казнён как агент «Эдема». Это станет уроком для всех.

Майор плюнул в его сторону, но солдаты утащили его дальше. Генерал не оглянулся. Он знал, что чистит город от

слабых и неверных. Это была его война - война за порядок, и он не остановится ни перед чем.

Зал Совета был полукруглым, с высокими окнами, выходящими на площадь, где толпился народ. Внутри - длинный стол из тёмного дерева, двадцать мест. Элиас сидел во главе, Айрис слева от него, Генерал - справа. Остальные места занимали представители общин, военные командиры, учёные. Атмосфера была наэлектризованной - только что поступил новый доклад: ещё одно нападение, на этот раз на город Рассвет, крупный центр на востоке. Десятки погибших, и на стене - тот же символ дерева.

- Мы собираемся уже третий раз за неделю, - начал Элиас, открывая папку с документами. - Нападения продолжаются. Мы теряем людей. Но мы до сих пор не знаем, кто наш враг.

Один за другим вставляли докладчики - офицеры, разведчики, инженеры. Они сообщали о сожжённых домах, вырезанных семьях, о том, что следы вели к востоку, к таинственному «Эдему». С каждым словом воздух в зале становился плотнее.

- Это не просто бандиты, - сказал пожилой учёный, седой мужчина в очках, глава аналитического отдела. - Они действуют системно. У них есть организация, снабжение, разведка. Мы даже не знаем их численности. Но у меня есть гипотеза: это «Эдем». Мы слышали о нём от беженцев - город-убежище, где правят клоны, где нет голода, но есть полное подчинение.

Элиас нахмурился.

- «Эдем»? Я слышал это название, но никто не знает, где он находится и что там на самом деле.

Айрис напряглась. Она знала, что такое «Эдем», но не хотела раскрывать всё на Совете - это могло вызвать панику. Она сидела неподвижно, сжимая в кармане дневник матери.

Генерал поднялся, прервав учёного.

- Я требую карательной экспедиции, - заявил он, ударив ладонью по столу. - Мы должны ударить по ним, пока они не набрали силу. Медлить нельзя. Каждый день промедления - это новые смерти.

- Мы не знаем, где их база, - спокойно возразил Элиас. - Мы не знаем их численности. Удар вслепую приведёт к потерям, которые мы не можем себе позволить. У нас едва хватает людей для обороны города.

- Тогда что ты предлагаешь? - рявкнул Генерал, повышая голос. - Ждать, пока они придут сюда? Пока они вырежут нас всех по одному?

- Сначала разведка, - твёрдо сказал Элиас, и в его голосе послышались стальные нотки. - Я уже отправил людей на восток. Они должны вернуться с данными. Мы не можем рисковать армией ради неизвестного врага.

Генерал усмехнулся, скрестив руки на груди.

- Каждая минута промедления - это новая смерть. Гора был бы жёстче. Гора не стал бы ждать. Он бы ударил первым, и мы бы не сидели сейчас здесь, трясясь от страха.

Элиас побледнел. Имя Горы было для него священным, и Генерал знал это. Но Айрис, сидевшая рядом, положила руку на его запястье и сжала - тёплое, ободряющее прикосновение.

- Мы примем решение, когда будут данные, - сказала она спокойно, но твёрдо. - А пока усиливаем охрану на всех границах. И я лично займусь анализом обломков дронов, которые мы захватили на прошлой неделе. Возможно, там есть ключи к их происхождению.

Совет проголосовал. Большинство поддержало Элиаса - двадцать один голос против семи. Генерал вышел из зала, не прощаясь, бросив на Элиаса ледяной взгляд, в котором читалось: «Ты заплатишь за это».

Когда зал опустел, Айрис подошла к Элиасу и тихо сказала:

- Мне нужно тебе кое-что показать. Дневник моей матери. Там есть ответы. И я должна отправиться на восток, найти этот «Эдем».

- Одна? - Элиас нахмурился.

- Нет. Я возьму отряд из четырёх диссидентов, которые бежали оттуда. Они знают дорогу. Но мне нужно, чтобы ты прикрыл меня здесь. Генерал опасен. Я чувствую, что он готовит что-то.

Элиас вздохнул. Он знал, что она права. Генерал не успокоится, пока не получит власть. Но он также знал, что не может остановить Айрис.

- Хорошо. Иди. Но будь осторожна. И выходи на связь каждые шесть часов. Если не будет сигнала - я приду за тобой.

- Договорились.

Они обнялись, и Айрис вышла. Элиас остался один в пустом зале. Голос Горы снова зазвучал в голове, но теперь он звучал не как приказ, а как предупреждение:

«Ты отпускаешь её. Ты слаб. Ты должен был оставить её здесь. Она - ключ ко всему».

Элиас не ответил. Он просто смотрел в окно, где за серыми тучами пробивался слабый луч солнца. Он думал о том, что Айрис уходит в неизвестность, а он остаётся здесь, чтобы сражаться с врагом, который уже внутри города. Внутри него.

Он вышел из зала и направился на холм, к мемориалу Горы и Кейна. Он знал, что Айрис, скорее всего, уже там.

Айрис стояла у двух мраморных плит, установленных на холме за городом. Одна - с именем Горы, выбитым глубокими буквами. Другая - с именем Кейна, её возлюбленного, который погиб у неё на руках. Здесь всегда было тихо, даже ветер не завывал - только редкие птицы кружили в небе. Она приносила цветы - полевые ромашки, которые Кейн любил, и белую лилию для Горы, его любимый цветок.

Она опустилась на колени перед плитой Кейна.

- Я всё ещё ищу способ вернуть тебя, - сказала она тихо. - Не тебя. А то, что ты защищал. Свободу. Я уйду на восток,

завтра на рассвете. И я не знаю, вернусь ли. Но я должна это сделать. Ради нас всех.

Она провела рукой по холодному камню и закрыла глаза. Воспоминания нахлынули - Кейн улыбается ей в лаборатории, Кейн говорит, что она спасёт мир, Кейн заслоняет её от пуль во время штурма. Последний раз, когда она видела его живым, он прошептал: «Ты сильная. Ты справишься».

Она открыла глаза и перевела взгляд на плиту Горы.

- Ты бы знал, что делать, Гора, - прошептала она. - Ты всегда знал. Ты видел врага и шёл в бой. А я... я даже не знаю, кто мой враг. Лена? Архитектор? Или мы сами?

Она не заметила шагов, но внезапно услышала тихий голос за спиной:

- Вы не виноваты, что не знаете. Они скрываются.

Она обернулась. За ней стоял тот самый беженец, который приходил к ней в лабораторию утром. Он выглядел более измождённым, чем раньше, но в его глазах горела настойчивость.

- Как ты меня нашёл? - спросила Айрис, настороженно глядя на него.

- Я спросил у охраны, - ответил он, пожимая плечами. - Они сказали, что вы часто бываете здесь. Это место... оно особенное. Я тоже потерял всех. Мою жену, дочь, сына. Они остались там, в деревне Тихое. Я похоронил их своими руками, а потом сжёг дом и ушёл.

Айрис смягчилась. Она понимала его боль.

- Зачем ты ищешь меня? - спросила она.

- Я вспомнил ещё кое-что, - сказал он, подходя ближе.

- Когда они говорили о «Протоколе 7», они упоминали вашу мать. Говорили, что она пыталась его уничтожить, но не смогла, потому что Лена предала её. Они говорили, что «Сад» - это не убежище, а тюрьма. И они ждут вас. Лена знает, что вы придёте. Она оставила для вас сообщение.

- Какое сообщение?

- «Ты - ключ, - сказал беженец, цитируя. - Приходи, и я покажу тебе правду. Или останься и умри в невежестве».

Айрис похолодела. Лена - имя, которое она слышала от матери, - её коллега, близкая подруга. Но в дневниках мать писала о ней с горечью: «Лена выбрала страх, а не свободу. Она предала всё, во что мы верили». Значит, Лена была жива, и она ждала Айрис в «Эдеме».

- Спасибо, - сказала Айрис, стараясь сохранить спокойствие. - Ты можешь идти. Отдохни, поешь.

Беженец кивнул и ушёл, но Айрис осталась у мемориала. Она смотрела на имена двух мужчин, которые пожертвовали собой ради неё, и знала, что её путь лежит на восток, к разгадке тайны, которая стоила жизни её матери и которая теперь могла стоять жизни всем.

Она сжала в руке маленький медальон, который носила на шее - единственную вещь, оставшуюся от матери. Медальон был круглым, с гравировкой в виде дерева с корнями, но без надписей. Она коснулась его и прошептала:

- Я сделаю это, мама. Я закончу то, что ты начала.

Сзади слышались шаги. Она обернулась и увидела Элиаса, который медленно шёл по тропинке, глядя на неё с тревогой.

- Я знал, что ты здесь, - сказал он, подходя ближе. - Ты всегда приходишь сюда, когда принимаешь трудные решения.

- Я уйду завтра, - сказала она. - Ты знаешь.

- Знаю. И я не могу тебя остановить. Но я хочу, чтобы ты знала: я буду ждать тебя. Всегда.

Он подошёл и обнял её. Она прижалась к нему, и в этом объятии было всё - боль, страх, надежда. Они стояли так долго, пока солнце не начало садиться за горизонт.

- Я должна идти готовиться, - сказала Айрис, отстраняясь.

- Иди, - ответил Элиас. - Я буду здесь. Я прикрою тебя.

Она ушла, а он остался у мемориала. Он смотрел на плиту Горы и шептал:

- Ты бы гордился ею, Гора. Она сильнее нас всех.

Голос в его голове промолчал. Впервые за много месяцев.

Элиас сидел в своей комнате, глядя на пустую стену. За окном город затихал - слышны были лишь далёкие шаги патруля и лай собак. В его голове шумело. Он думал о Горе, о его голосе, который всё ещё звучал в сознании. Он думал о клонах, о своей собственной природе, которую он скрывал от всех. И он думал о Генерале, который явно что-то замыслил.

В углу комнаты мелькнула тень - свет фонаря с улицы кач-

нулся, и Элиас вздрогнул, но это была всего лишь игра теней. Однако голос в его голове прозвучал отчётливо:

«Ты слишком мягок. Они съедят тебя. Генерал уже готовит переворот. Я видел, как он собирал офицеров прошлой ночью. Ты должен действовать первым».

Элиас закрыл глаза. Голос Горы изменился - теперь он звучал не как угроза, а как предупреждение. Это был не страх. Это была забота.

- Я знаю, - прошептал он. - Я знаю, что он готовит переворот. Но я не могу ударить первым. Это сделает меня тем, кого я презираю.

«Тогда ты умрёшь, Элиас. И они умрут. Все».

- Может быть. Но если я стану таким, как Генерал, я не смогу смотреть в глаза Айрис. И в глаза Горе.

Он встал, подошёл к окну и посмотрел на улицу. Там, в темноте, он увидел фигуру - человек стоял напротив его дома, прислонившись к фонарному столбу, и смотрел прямо на его окно. Элиас не видел лица, но знал: это один из людей Генерала. Соглядатай.

- Так вот как ты играешь, Генерал, - прошептал Элиас. - Ты следишь за мной. Скоро придёшь убивать.

Он отошёл от окна, открыл тайник под половицей и достал старый пистолет, который носил ещё во время войны. Проверил обойму - семь патронов. Этого мало, если Генерал нападёт с отрядом. Но у него был план: он мог уйти через подземные тоннели, которые знал с детства, и добраться до

убежища за городом. Но это означало оставить город, оставить Айрис, оставить всех, кто верил в него. Он не мог этого сделать.

Он спрятал пистолет под подушку и лёг на кровать, глядя в потолок. Мысли крутились, как колёса сломавшегося механизма.

- Айрис, - прошептал он, - ты должна вернуться. Ты - моя опора.

Он закрыл глаза, но сон не шёл. Он знал: эта ночь - последняя спокойная ночь в его жизни. Завтра всё изменится. Генерал нанесёт удар, или он сам ударит первым. И тогда начнётся война, которая решит судьбу всего мира.

Внезапно за дверью послышались шаги. Кто-то крался по коридору, стараясь не шуметь. Элиас мгновенно насторожился, выхватил пистолет и приник к стене у двери. Шаги затихли напротив его комнаты.

Он ждал. Секунды тянулись, как часы. Затем послышался тихий стук - условный сигнал, который они использовали с верными офицерами: три коротких, два длинных.

Элиас открыл дверь. На пороге стоял лейтенант с повязкой на глазу, его адъютант, с бледным лицом.

- Командир, - прошептал он. - Генерал начал действовать. Он арестовал майора Торна и объявил его агентом «Эдема». Он собирает войска, чтобы захватить штаб. У нас есть час, может быть, два.

Элиас сжал челюсти. Он знал, что это случится, но не ожи-

дал так скоро.

- Где Айрис? - спросил он.

- Она уже выехала на восток. Она в безопасности, сэр. Но вам нужно бежать. Сейчас.

Элиас посмотрел на пистолет в руке, затем на адъютанта, который рисковал жизнью, чтобы предупредить его.

- Я не побегу, - сказал он. - Я останусь и буду сражаться. За город. За Айрис. За всех нас.

Адъютант хотел возразить, но Элиас поднял руку.

- Ты знаешь, что делать. Организуй оборону штаба. Я приду туда через час. Мы выиграем время для Айрис.

Адъютант кивнул и исчез в темноте коридора. Элиас остался один, но теперь он знал, что делать. Он больше не был просто клоном, скрывающим свою природу. Он был лидером, который готов был заплатить любую цену.

Он оделся, проверил оружие и вышел в ночь. Над городом сгустились тучи, и первые капли дождя упали на его лицо. Он шёл к штабу, и в его голове не было голоса Горы. Только тишина, предшествующая буре.

Завтра начнётся война. Но сегодня он будет сражаться за мир. За каждого - человека и клона. За Айрис. За Гору.

Ночь над Рассветом была тихой. Город спал - сорок тысяч жителей, в основном клоны и семьи людей, которые не захотели переселяться в центр. Улицы пустовали, только редкие патрули проходили по своим маршрутам, и свет в окнах постепенно гасил. Никто не ждал беды.

Элиас стоял у карты в штабе столицы, когда небо на востоке озарилось багровым заревом. Сначала он подумал, что это восход - странный, кровавый, неестественный. Но часы показывали половину четвёртого утра, и солнце не могло встать так рано. Он подошёл к окну, всматриваясь в горизонт. В этот момент завывли сирены - пронзительно, надрывно, как плач раненого зверя, прорезая ночную тишину. Элиас рванул к двери, но адъютант уже ворвался в комнату, его лицо было перекошено от ужаса.

- Командир! Рассвет! Город Рассвет атакован! Дроны! Их сотни. Они просто появились из ниоткуда!

- Что значит «сотни»? - рявкнул Элиас, хватая бронежилет и оружие. - Кто? Откуда?

- Не знаю, сэр! Рация передаёт, что город горит! Люди звонят в панике! Они говорят, что дроны падают с неба и жгут всё!

Элиас не стал задавать больше вопросов. Через три минуты они уже мчались по разбитой дороге на восток, в машине, которая подпрыгивала на каждой кочке. Водитель, молодой лейтенант с побледневшим лицом, сжимал руль до побеления костяшек и не сводил глаз с дороги. Элиас пытался вызвать кого-нибудь в Рассвете по рации, но в ответ слышал лишь шипение помех и обрывки криков.

«- ...падают! Они... везде! Мы не можем... о боже... они в госпитале!» - и затем тишина. Глухая, пугающая тишина, которая длилась секунду, две, три. Затем снова шипение, и

голос, уже другой, срывающийся: «...спасите... нас...».

Элиас сжал рацию так сильно, что пластик хрустнул. Он знал, что город Рассвет, возможно, уже мёртв. Но он не мог поверить в это. Он должен был увидеть своими глазами.

Когда они добрались до окраины Рассвета, Элиас приказал остановить машину. Он вышел и поднял глаза. Небо над городом было чёрным - не от туч, а от дронов. Тысячи металлических силуэтов кружили над домами, как стая хищных птиц, и с них сыпались огненные стрелы - плазменные заряды, которые прожигали крыши, стены, асфальт. Город горел. Сотни огней вспыхивали и гасли, и каждый раз, когда один из них исчезал, где-то внизу раздавался ещё один крик. Воздух был наполнен запахом гари, озона и крови.

- Мы не можем их остановить! - крикнул водитель, глядя на небо с ужасом. - Их слишком много!

- Мы должны попытаться, - твёрдо ответил Элиас, уже бегом направляясь в город. Он не думал о том, что мог погибнуть. Он думал о тех, кто сейчас умирал внутри, в этом аду, который ещё вчера был мирным городом.

Рассвет больше не был городом. Он был адом. Улицы были усеяны телами - мужчины, женщины, дети, клоны. Элиас бежал по ним, стараясь не смотреть, но это было невозможно. Он видел, как женщина пыталась закрыть своим телом ребёнка, но дрон выпустил заряд, и они оба рухнули замертво, слившись в объятиях смерти. Он видел, как группа людей пыталась бежать к укрытию, но другой дрон перерезал

им путь, и они просто исчезли в пламени, оставив после себя только обугленные силуэты на асфальте.

- В укрытия! - кричал Элиас, пытаясь перекричать грохот.
- Бегите в подвалы! Не выходите на улицы!

Но его голос тонул в грохоте взрывов и свисте дронов, которые пикировали на город снова и снова, без усталости, без жалости. Он сам едва увернулся от плазменного разряда, который выжег на асфальте яму в двух метрах от него. Он упал, прижался к стене и посмотрел вверх. Дроны двигались синхронно, как единый организм, с идеальной координацией. Они не издавали звука двигателей - только тихий гул, похожий на жужжание пчелиного роя, который проникал в самое сердце и заставлял дрожать. И они не оставляли следов - ни дыма, ни масла, только выжженная земля и обгоревшие тела.

Элиас поднялся, отряхнул пыль с куртки и побежал дальше, теперь уже не пытаясь спасти всех, а ища уцелевших, тех, кто мог дать ответы. Он завернул за угол и увидел группу солдат, которые пытались организовать оборону. Их было человек двадцать, с зенитными установками, но дроны атаковали их с такой скоростью, что они не успевали даже прицелиться. Солдаты падали один за другим, их крики смешивались с воем дронов.

- Стреляйте! - крикнул Элиас, бросаясь к ним.

Он схватил одну из установок и начал палить в небо. Он сбил три дрона, но на их место прилетело ещё десять. Он сбил ещё два, затем ещё один. Но их было слишком много.

Он видел, как солдаты падают рядом с ним - кто-то от плазменного разряда, кто-то от шрапнели, когда дроны взрывались в воздухе. Он не знал, сколько это длилось - час, два, вечность. Время потеряло смысл. Был только он, установка и враг, который не имел лица.

Затем, так же внезапно, как началась, атака прекратилась. Дроны развернулись и улетели на восток, оставляя за собой дымящийся город и тишину - страшную, неестественную тишину, нарушаемую только треском огня и стонами раненых. Элиас опустил оружие. Он стоял среди руин, тяжело дыша, и смотрел на то, что осталось от Рассвета. Дома, школы, госпитали - всё было разрушено. Десятки тел лежали на улицах, и с каждым мгновением их становилось всё больше - люди выбирались из-под обломков, хрипели, умоляли о помощи. Кровь текла по асфальту ручьями, смешиваясь с водой из прорванных труб.

- Всех раненых - к машинам, - приказал он своим уцелевшим солдатам, которых осталось не больше десятка. - Немедленно!

Солдаты начали эвакуацию. Элиас же пошёл в центр города. Он хотел понять, что осталось от места, которое он знал с детства. Он проходил мимо развалин церкви, где когда-то венчались его знакомые, мимо школы, где он учился, и всё это было уничтожено. Он не мог поверить, что это произошло за одну ночь.

На центральной площади, когда-то красивой и ухожен-

ной, теперь лежали обломки фонтана. Вода смешалась с кровью, и в ней плавали обгоревшие листья. Вокруг фонтана лежали тела - целая семья, отец, мать, трое детей. Элиас остановился, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Он знал, что должен двигаться дальше, но ноги не слушались.

Затем он поднял глаза и посмотрел на стену уцелевшего здания. Там, на высоте человеческого роста, аккуратно вырезанный лазерным лучом, сиял символ - дерево с переплетёнными корнями, словно змеи, обвивающие ствол. Элиас подошёл ближе. Символ был идеальным - не нарисованным, а выжженным глубоко в бетоне. Тот, кто оставил его, хотел, чтобы он остался на века. Хотел, чтобы его видели и боялись.

- Приказываю сохранить всё для анализа, - сказал он подошедшим солдатам, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. - Каждый обломок дрона, каждую каплю крови, каждый след на стенах. Это - улики. Мы должны узнать, кто это сделал.

Он отошёл от стены и поднял взгляд к небу, где уже занимался настоящий рассвет - бледный, серый, безжизненный. Он думал о том, что только что видел: синхронная атака, идеальное оружие, символ на стене. Кто бы ни стоял за этим, они не просто атаквали. Они делали заявление. И это заявление было адресовано ему.

Подошёл Генерал - он прибыл с собственным отрядом, но его лицо было бледным, и он выглядел старше на десять лет.

- Мы нашли одного выжившего, - сказал он, кивая на группу солдат, которые несли носилки. - Молодая женщина.

Клон. Она работала в госпитале. Она что-то видела.

Элиас подошёл к носилкам. Женщина была ещё молода - лет двадцать пять, с тонкими чертами лица и пустыми глазами, смотрящими в никуда. Её плечо было разорвано осколком, и она слабо дышала.

- Как вас зовут? - спросил Элиас, наклоняясь к ней.

- Астра, - прошептала она. - Я Астра.

- Что ты видела?

- Они пришли из ниоткуда, - сказала она, и в её голосе послышалась дрожь. - Мы не видели их. Только дроны. Они падали сверху, и мы не могли остановить их. А потом... я слышала голос. В моей голове. Он говорил: «Очистите мир от скверны».

- Чей голос? - спросил Элиас, чувствуя, как холод пробегает по спине.

- Я не знаю, - прошептала она. - Но он был сильный. И он был... спокоен. Как будто он знал, что мы не сможем сопротивляться.

Элиас выпрямился. Голос в голове - он знал, что это значит. Кто-то управлял дронами через ментальные команды. Это был не просто враг. Это была сила, которая могла проникать в разумы. И если они могли управлять дронами так, то кто знает, что ещё они могли сделать.

- Отвезите её в госпиталь, - приказал он. - И пусть врачи будут осторожны. Она - свидетель. Она может дать нам ключи.

Он повернулся к Генералу. Тот стоял неподвижно, глядя на руины. В его глазах была ярость, но также и страх - тот страх, который появляется, когда сталкиваешься с неизвестным.

- Это война, - сказал Генерал, не оборачиваясь. - Ты понимаешь это? Они не остановятся. Они будут приходить снова и снова.

- Я понимаю, - ответил Элиас. - Но мы не знаем, кто враг. Генерал усмехнулся, но это была горькая усмешка.

- Мы скоро узнаем. Они оставили следы. Иди. Твоя Айрис ждёт тебя с её микроскопами.

Элиас подошёл к обломку дрона, который упал рядом с фонтаном. Он перевернул его и увидел выгравированную на внутренней панели аббревиатуру «GF». Две буквы, чёткие, как вызов.

- Что это? - спросил он, показывая Генералу. Генерал нахмурился.

- GF. Это может быть кто угодно. Но я узнаю технологии - это Генезис. Кто-то возродил их. Кто-то, кто знал Маркуса. Или кто-то, кто его пережил.

Элиас сжал обломок в руках и направился к машине. У него было время до ночи, чтобы передать всё Айрис. У неё был дневник матери. У неё был ключ к разгадке. Но он также знал, что этой ночью он не сможет уснуть. Образы горящего Рассвета будут преследовать его долго.

Элиас вошёл в лабораторию Айрис, и первое, что он услы-

шал, был резкий запах антисептика - смесь спирта и хлора, которая всегда сопровождала её работу. Она стояла у стола, на котором были разложены обломки дронов, и внимательно рассматривала их через увеличительное стекло. Её лицо было бледным, но сосредоточенным - она уже знала о нападении и не тратила время на эмоции. Она уже начала работу.

- Я принёс новые образцы, - сказал Элиас, ставя на стол ящик с обломками, которые он собрал в Рассвете. - Они хуже, чем я думал. Технология совершеннее, чем у Маркуса. И на всех - знак «GF».

Айрис оторвалась от работы и посмотрела на обломки. Она взяла один из них, повертела в руках, поднесла к свету. Её глаза сузились.

- GF. Генезис. Но мы разрушили их лаборатории. Мы сожгли их архивы.

- Мы сожгли то, что нашли, - возразил Элиас. - Но Генезис была огромной корпорацией. У них были десятки секретных объектов. Может быть, один выжил.

- Или кто-то продолжил их работу, - произнесла Айрис, откладывая обломок в сторону. - Кто-то, у кого есть ресурсы и знания.

В комнату вошёл Генерал. Он был без формы - в гражданской куртке, что было необычно, - и выглядел встревоженным. Он подошёл к столу, взял один из обломков и повертел его, как он уже делал в Рассвете.

- Слишком совершенные, - сказал он, не спрашивая, а

утверждая. - Без следов производства. Без заводских меток. Без серийных номеров. Это кто-то новый. Или кто-то очень старый, кто вернулся из мёртвых.

- Маркус Вос мёртв, - резко сказал Элиас. - Мы видели его тело. Он упал с башни. Мы сожгли его останки.

- Тело - да, - ответил Генерал, присаживаясь на край стола и скрещая руки. - Но его разум? Его технологии? Ты знаешь, что он работал над оцифровкой сознания. Что, если он успел загрузить себя в систему до того, как мы разрушили башню? Ты думал об этом, Элиас? Ты думал, что может быть, мы не убили его, а просто переселили?

Элиас почувствовал, как холод пробежал по спине. Он сам был клоном, созданным Маркусом, и он знал, на что тот был способен. Оцифровка сознания была одним из его безумных проектов - способом обрести бессмертие. Если Маркус успел загрузить себя... но нет, это было невозможно.

- Это слишком, - сказал он, качая головой. - Маркус был в башне. Она рухнула. Вся его система была уничтожена. Мы видели обломки.

- Ты уверен? - спросила Айрис, глядя на него. - Ты уверен, что ничего не осталось? Может быть, он создал резервную копию? Может быть, он загрузил себя на другой сервер, а в башне была только копия?

Элиас не ответил. Он вспомнил, как они штурмовали башню, как видели Маркуса в последний раз - старый, сломанный человек, но в его глазах горел странный огонь, ко-

торый не был страхом. Это была ярость. Или, может быть, торжество. Он помнил, как Маркус смотрел на них и шептал: «Вы думаете, что победили? Это только начало».

- У нас нет времени гадать, - сказал Генерал, прерывая молчание. - Мы должны понять, кто это, и ударить первыми. Они нанесли удар. Наш ответ должен быть быстрее и жёстче.

- Мы не знаем, где они, - возразил Элиас. - Дроны могут прилететь откуда угодно. И символ «GF» может быть ложным следом.

Генерал усмехнулся, но не сказал ни слова. Он просто повернулся и вышел из лаборатории, оставив Элиаса и Айрис наедине. Элиас знал, что Генерал не успокоится, пока не получит власти. И он также знал, что Генерал готов использовать эту атаку, чтобы оправдать свои планы переворота.

Айрис подошла к столу и принялась разбирать обломки. Её руки двигались быстро, профессионально - она отсортировала части по размеру, по материалу, по степени повреждения. Когда она добралась до внутренней панели одного из дронов, она остановилась и поднесла её к микроскопу.

- Элиас, - сказала она тихо. - Посмотри сюда.

Он подошёл и посмотрел в окуляр. На обшивке, почти незаметно, был выгравирован микроскопический рисунок - не аббревиатура, а полноценная генетическая спираль, которая почти сливалась с поверхностью. Её можно было увидеть только под большим увеличением.

- Это технология Генезис, - сказала Айрис, отрываясь от

микроскопа. - Я видела такие маркеры в архивах. Они использовали их для своих экспериментальных дронов. Только самых секретных. Это не массовое производство - это штучная работа.

- Значит, это точно они?

- Не они. Кто-то, кто использует их наработки. Но это подтверждает: враг связан с Генезис. И он хочет, чтобы мы знали об этом. Иначе зачем оставлять маркер?

Элиас отошёл от стола и подошёл к окну. За стеклом виднелся город - дымный, серый, с длинными очередями за водой и с людьми, которые боялись даже смотреть друг на друга. Он думал о том, что сказал Генерал: «Ударь первым». Но он не хотел превращаться в такого же тирана, как Маркус. Он хотел защищать, а не убивать. Он хотел строить, а не разрушать. Но с каждым днём это становилось всё труднее.

- Айрис, - сказал он, не оборачиваясь. - Ты уверена, что «Протокол 7» может остановить их? Ты уверена, что это не просто теория?

- Не их, - поправила она, подходя к нему и вставая рядом. - Самого Маркуса. Или того, кто его заменил. Если у них есть оцифрованное сознание, «Протокол 7» может его стереть. Это было написано в дневнике моей матери. Она писала, что создала код, который может разрушить цифровую структуру любого ИИ, основанного на человеческом сознании.

- Тогда мы должны найти его. И как можно быстрее.

Айрис кивнула.

- Я уйду завтра на рассвете. Но перед этим мне нужно ещё кое-что проверить. У меня есть кое-какие идеи. Я хочу проверить ДНК на обломках. Если там есть органические следы, я смогу определить, кто создал этих дронов.

Элиас повернулся и посмотрел на неё. Он видел тени усталости под её глазами, но он также видел тот стальной блеск, который всегда появлялся у неё, когда она бралась за что-то важное. Он знал: она не остановится. Она не знала слова «невозможно».

- Ты справишься, Айрис, - сказал он, кладя руку на её плечо. - Я знаю. Ты всегда справляешься.

Она слегка улыбнулась.

- Я тоже знаю. Иди. У тебя есть дела. Генерал, кажется, собирает совет. Ты нужен там.

Элиас оставил её в лаборатории и вышел. Но прежде чем закрыть дверь, он услышал, как она тихо сказала, обращаясь скорее к себе, чем к нему:

- Кто бы ты ни был, GF. Ты заплатишь за Рассвет. Я обещаю.

Элиас закрыл дверь и направился в зал Совета. Но он знал, что мысли его будут не там, а здесь, в лаборатории, с Айрис, которая пыталась найти ответы в обломках. И он знал, что если Айрис найдёт ключ, он будет первым, кто узнает об этом.

Когда Элиас ушёл, Айрис погрузилась в работу. Она про-

вела пять часов, не отрываясь от микроскопа, не замечая, как за окном стемнело. Она изучила каждый обломок, каждый микроскопический след, каждую пылинку. Она проверила сотни образцов, но ничего не находила. Она уже начала думать, что ошиблась, что в ДНК нет ничего полезного.

И затем она нашла то, что искала.

На поверхности одного из образцов - маленького фрагмента обшивки, который почти полностью обгорел - она обнаружила частицы органического материала. Не просто грязи или сажи, а настоящих клеток. Человеческих клеток. Или, точнее, клеток клонов.

Айрис затаила дыхание. Она перенесла образец под более мощный микроскоп и начала секвенирование ДНК. Процесс был долгим - она сидела за столом, вглядываясь в экран монитора, где одна за другой появлялись строки генетического кода. Её руки дрожали от напряжения, но она не останавливалась. Она должна была знать правду.

Через два часа она получила результат.

Генетический маркер был ей знаком. Она видела его в архивах Генезис, которые изучала в течение последних месяцев. Он принадлежал проекту «Возрождение» - программе Маркуса Воса, которая была закрыта за год до падения «Агро-Континент». Проект был направлен на создание «идеальных клонов» с улучшенными боевыми характеристиками и, что важнее, с уникальным генетическим ключом, который мог быть использован для управления дронами.

Айрис откинулась на спинку стула. Она понимала, что это значит. Кто-то не просто использовал технологии Генезис. Кто-то использовал их биоинженерию, их методы, их знания. И этот кто-то был достаточно силён, чтобы не только создать таких дронов, но и управлять ими через ментальные команды.

Она вскочила с места и подбежала к коммуникатору. Она набрала код защищённого канала Элиаса, и через несколько секунд он ответил.

- Айрис? Что случилось?

- Я нашла кое-что, - сказала она, стараясь скрыть возбуждение в голосе, но оно всё равно пробивалось. - В ДНК с обломков дронов. Это маркер из проекта «Возрождение». Они созданы по технологиям Генезис. Но это не просто дроны - они управляются живыми существами. В их системе есть биологический компонент.

- Что это значит? - голос Элиаса звучал напряжённо.

- Это значит, что кто-то не просто использует технологии Маркуса. Кто-то использует клонов. Модифицированных клонов. Специально выращенных для этих машин. У них есть встроенные нейроинтерфейсы, которые позволяют им управлять дронами через ментальные команды.

Элиас замолчал на несколько секунд. Айрис слышала, как он тяжело дышит в динамик.

- Тогда нам нужно найти этих клонов, - сказал он наконец.

- Они могут быть везде. В «Эдеме», на юге, или даже сре-

ди нас. Но главное, что я поняла: кто бы это ни делал, они хотят, чтобы мы знали. Это послание. Они оставили маркер специально.

- Зачем? - спросил Элиас. - Зачем им раскрывать себя?

- Чтобы мы боялись, - ответила Айрис. - Или чтобы мы действовали необдуманно. Они знают, что если напугать нас, мы сделаем ошибки. Или, может быть, они просто хвастаются. Показывают, что они сильнее.

Она помолчала, затем добавила:

- Или это ловушка. Они хотят, чтобы мы отправились за ними.

- Что ты предлагаешь?

- Я всё равно уйду завтра, - сказала Айрис, и в её голосе появилась та стальная твёрдость, которую Элиас так любил. - Я должна найти «Эдем» и Лену. И я должна найти ключ к «Протоколу 7». Если у них есть биологические компоненты, возможно, я смогу использовать их против них. Если я найду способ заблокировать нейроинтерфейсы, я смогу остановить их дронов.

- Это рискованно, - сказал Элиас.

- Я знаю. Но если мы будем ждать, они уничтожат нас. Они уже уничтожили Рассвет. Следующим может быть наш город.

Айрис отключила коммуникатор и посмотрела на обломки дронов, разложенные на столе. Её взгляд упал на маленькую частицу органического материала, которую она извлек-

ла. Она смотрела на неё, и внутри неё росла уверенность, что она на верном пути. Она нашла ключ. Теперь ей нужно было найти дверь.

Она убрала образец в специальный контейнер и положила в рюкзак, который будет сопровождать её завтра. Затем она закрыла лабораторию и направилась к выходу. На улице уже стемнело, и на небе зажглись первые звёзды. Воздух был прохладным, и Айрис глубоко вдохнула его, чувствуя, как прохлада заполняет лёгкие.

Но прежде чем уйти, она остановилась и посмотрела на здание штаба, где находился Элиас. Она знала, что он там, думает о ней, о городе, о войне. Она знала, что он боится за неё. Но она также знала, что у неё нет выбора.

«Я вернусь», - пообещала она себе. - «Я вернусь с ответами».

Она направилась к своей комнате, чтобы подготовиться к отъезду. Но в её голове уже крутились мысли о том, что она увидит в «Эдеме», что она найдёт там, и как это изменит всё.

Айрис уже собралась уходить из лаборатории, когда в дверь постучали. Она открыла - на пороге стоял беженец. Тот самый, который приходил утром, из деревни Тихое. Он выглядел немного лучше - его лицо было помыто, он поел, но в глазах всё ещё стояла та же пустота, которую Айрис видела у многих беженцев. Он держался за дверной косяк, словно боялся упасть.

- Доктор, - сказал он. - Я должен кое-что рассказать. Я

вспомнил ещё кое-что.

Айрис нахмурилась, но пригласила его войти. Она села за стол, а он занял место напротив.

- Что ты вспомнил? - спросила она.

- Когда я был в деревне Тихое, когда они напали, я спрятался в погребке. Я сидел там и слышал, как они говорили. Они не знали, что я там. Они думали, что все мертвы. И они говорили о «Эдеме».

- Я уже знаю о «Эдеме», - сказала Айрис. - Ты говорил об этом.

- Да, но я не говорил, что они сказали о нём. Они говорили, что «Эдем» - это место, где нет голода, нет войны. Место, где все равны. Где клоны и люди живут вместе, как братья. Они говорили, что там есть чистая вода, много еды, что дети не болеют. Они говорили, что «Эдем» - это рай.

Айрис нахмурилась. Это звучало как пропаганда. Но она знала, что мать писала о «Эдеме» иначе - как о тюрьме.

- Но это не рай, - продолжил беженец, и его голос дрогнул. - Они говорили, что чтобы попасть в «Эдем», нужно принять их веру. Нужно подчиниться. Нужно сделать татуировку.

Он закатал рукав и показал своё предплечье. На коже, почти зажившая, была татуировка - дерево с переплетёнными корнями, точная копия символа, который Айрис видела на стенах Рассвета.

Айрис подошла ближе и рассмотрела татуировку. Она была грубой, но аккуратной - явно сделанной не в домашних

условиях, а в каком-то медицинском кабинете. Под ней кожа была немного воспалена, будто её наносили недавно.

- Когда ты сделал это? - спросила она.

- Когда я согласился идти с ними, - ответил беженец, отводя взгляд. - Они сказали, что это знак принадлежности. Знак того, что я теперь часть «Эдема». Я думал, что это спасёт меня. Но когда они убили мою деревню, я понял, что это не спасение. Это - тюрьма.

Айрис села напротив него и внимательно посмотрела в глаза.

- Что ещё ты знаешь о «Эдеме»? Кто его лидер?

- Женщина, - сказал он. - Её зовут Лена. Она говорит, что спасает мир. Она говорит, что только «Эдем» может остановить хаос. Но я слышал, как она говорила с теми, кто управлял дронами. Она говорила о «Протоколе 7». Она сказала: «Если они найдут его, всё будет кончено. Мы должны уничтожить его раньше».

Айрис похолодела. Лена знала о «Протоколе 7». И она хотела уничтожить его. Это означало, что она знала, что «Протокол» может остановить её, и она боялась его.

- Ты уверен, что она говорила именно это? - спросила Айрис.

- Да, - твёрдо ответил беженец. - Я слышал чётко. Они говорили, что «Протокол» - это ключ к их уничтожению. И Лена сказала, что она сделает всё, чтобы он никогда не был активирован.

Айрис ждала кулаки. Теперь всё вставало на свои места. «Протокол 7» был реальным, он мог остановить Лену и её Архитектора. И Лена знала об этом. Она хотела уничтожить его до того, как Айрис сможет его использовать.

- Спасибо, - сказала она беженцу. - Ты помог мне больше, чем можешь себе представить.

Она встала и подошла к сейфу в углу лаборатории. Она набрала код - день рождения матери - и достала старую потёртую тетрадь, дневник Эвелин. Она перелистала страницы до того места, где были записи о «Протоколе 7» и о «Саде». Она прочитала их снова, и теперь, после рассказа беженца, они обрели новый смысл.

«Мы создаём убежище, - писала мать. - Но убежище может стать тюрьмой. Я не хочу, чтобы мой проект стал тюрьмой для других. Я должна остановить Лену. Но я не успеваю. Если я не закончу «Протокол 7», пусть моя дочь продолжит. Она знает, что делать».

Айрис закрыла дневник и поднесла его к груди. Она знала, что должна найти «Протокол 7», найти способ его активировать и уничтожить Лену. Это был единственный шанс остановить её.

Беженец встал, собираясь уходить, но на мгновение остановился у двери.

- Доктор, - сказал он. - Я хочу попросить вас об одной вещи.

- Какой? - спросила Айрис.

- Когда вы пойдёте в «Эдем», когда вы встретите Лену, скажите ей, что я не забыл свою деревню. Скажите ей, что я буду помнить всех, кого она убила. И я буду ждать дня, когда она заплатит за это.

Айрис кивнула. Она знала, что это обещание - тяжёлое, но она была готова его выполнить.

- Я скажу ей, - сказала она. - Я обещаю.

Беженец ушёл, а Айрис осталась одна в лаборатории. Она снова раскрыла дневник матери и начала читать. Она искала любые подсказки, любые упоминания о «Протоколе 7», о «Саде», о Лене. Она знала, что ответы где-то здесь, среди этих страниц. Она должна была найти их до рассвета.

Она читала, делала заметки, и внутри неё росла уверенность, что она на верном пути. Она найдёт «Протокол 7». Она остановит Лену. Она спасёт мир. И тогда Кейн, Гора и все, кто погиб, не умрут зря.

Айрис сидела в лаборатории уже несколько часов, перечитывая дневник матери. Она знала его почти наизусть, но каждый раз, когда она открывала его, она находила что-то новое. Что-то, что она пропустила раньше, что-то, что имело смысл только теперь, после рассказа беженца и после атаки на Рассвет.

Она перелистала страницы до середины тетради. Там была запись, датированная за месяц до гибели матери:

«Сегодня я поняла, что Лена не просто хочет власти. Она хочет заменить Маркуса. Она создаёт Архитектора - ИИ на

основе его сознания. Если он будет запущен, человечество потеряет свободу навсегда. Я должна остановить это. Я должна завершить «Протокол 7». Но времени почти не осталось. Если я не успею, пусть моя дочь продолжит. Она знает, что делать».

Айрис перечитала это трижды, и каждый раз внутри неё росло холодное чувство, похожее на страх, но более острое - предчувствие. Её мать знала, что умрёт. Она знала, что не успеет. И она оставила всё Айрис.

Она перелистнула ещё несколько страниц. Там был набросок - схема, которую Айрис видела раньше, но не могла расшифровать. Теперь она поняла: это была структура «Протокола 7». Цепочка генетических маркеров, которые нужно было активировать в определённом порядке. Если всё сделать правильно, нейроинтерфейсы клонов отключатся безболезненно, как будто их никогда не было. Если ошибиться - они могут разрушить сознание.

Айрис вглядывалась в схему, пытаясь запомнить каждую деталь. Она знала, что это - ключ. Ключ к освобождению клонов, ключ к уничтожению Архитектора, ключ к победе над Леной.

Она перевернула страницу и увидела ещё одну запись, которая заставила её замереть:

«Я не хочу, чтобы мой проект стал тюрьмой. Мы создаём убежище для тех, кто потерял всё. Но если мы не дадим им свободу, мы будем такими же, как Маркус. Мы будем теми,

кто порабощает. Лена не понимает этого. Она думает, что безопасность важнее свободы. Но я знаю, что свобода - это единственное, что делает нас людьми. Я не позволю ей забрать это у нас».

Айрис закрыла дневник и прижала его к груди. Она чувствовала, как слёзы подступают к горлу, но она не плакала. Она не могла позволить себе слабость. У неё была миссия, и она должна была выполнить её. Ради матери, ради Кейна, ради Горы, ради всех, кто погиб.

Она снова открыла дневник и начала делать заметки на отдельном листе бумаги. Она записывала всё, что могло пригодиться: имена, даты, последовательности генов. Она знала, что «Протокол 7» - это не просто теория. Это реальный код, который может изменить мир.

Когда она закончила, она сложила лист и убрала его в карман. Затем она убрала дневник в рюкзак, который будет сопровождать её завтра. Она проверила всё снаряжение: приборы, оружие, еду, воду, карты. Всё было готово.

Она вышла из лаборатории и поднялась на крышу здания. Ночь была тёмной, и на небе горели звёзды, которые казались далёкими и холодными. Айрис смотрела на них и думала о том, что завтра она отправится в неизвестность. Она может не вернуться. Но она знала, что должна идти.

Она сжала в руке медальон, который носила на шее - единственную вещь, оставшуюся от матери.

- Я сделаю это, мама, - прошептала она. - Я закончу то,

что ты начала. Я освобожу их всех. Я обещаю.

Элиас вошёл в лабораторию на рассвете. Он не спал всю ночь - сначала думал о Рассвете, потом перебирал варианты действий, потом снова возвращался к мыслям о Генерале и его планах. Он знал, что Генерал уже начал собирать сторонников, готовить переворот. И он знал, что если не остановить его, город погибнет не от дронов, а от внутреннего раскола.

Айрис сидела за столом, положив перед собой дневник матери. Она выглядела уставшей, но её глаза горели тем огнём, который он так хорошо знал. Она встала, когда он вошёл, и подошла к нему.

- Я должна тебе кое-что показать, - сказала она и положила дневник на стол. - Это записи моей матери. Она писала о «Протоколе 7» и о «Саде». Она знала о «Эдеме» задолго до того, как мы о нём узнали.

Элиас подошёл к столу и взял дневник. Он перелистал страницы, увидел наброски и надписи, которые были ему незнакомы.

- Что здесь написано? - спросил он.

- «Эдем» - это «Сад», - сказала Айрис. - Проект, который моя мать и Лена начали вместе. Они создавали убежище для выживших, но Лена хотела использовать его для контроля. Моя мать поняла это и попыталась уничтожить проект. Тогда Лена убила её.

Элиас поднял глаза и посмотрел на Айрис. Её лицо было спокойным, но он видел, что внутри неё бушуют эмоции -

боль, гнев, решимость.

- Ты хочешь отправиться в «Эдем», - сказал он, не спрашивая, а утверждая.

- Я должна, - ответила она. - «Протокол 7» - единственный способ остановить Лену и Архитектора. Но чтобы его активировать, мне нужно попасть внутрь. У меня есть код, но он неполный. Я должна найти другие записи в старой лаборатории «Генезиса» в пустыне.

Элиас закрыл дневник и положил его на стол.

- Это опасно, - сказал он. - Ты не знаешь, что там.

- Я знаю, - сказала Айрис, вставая. - Но если мы не остановим Лену, она уничтожит всех. Она уже уничтожила Рассвет. Следующим будет наш город. У нас нет выбора.

Элиас долго смотрел на неё. Он видел в ней ту же решимость, что и в Горе, когда тот шёл на верную смерть. Он видел в ней ту же силу, что и в себе, когда он решил сбежать из лаборатории Маркуса. Он знал, что не сможет остановить её.

- Хорошо, - сказал он наконец. - Я не могу остановить тебя. Но я прикрою тебя здесь. Генерал уже начал действовать, я знаю об этом. Я останусь здесь, чтобы защитить город и твой тыл.

Айрис подошла к нему и положила руку на его плечо.

- Спасибо, Элиас. Я знала, что ты поймёшь. Я возьму с собой четырёх диссидентов, которые бежали из «Эдема». Они знают дорогу. И мы будем на связи каждые шесть часов.

- Если связь прервётся, я приду за тобой, - сказал он.

- Договорились.

Они обнялись, и в этом объятии была вся их боль, надежда и страх. Они не знали, увидят ли друг друга снова, но они знали, что делают это ради всех.

Когда Айрис вышла, Элиас остался один в лаборатории. Он посмотрел на дневник матери на столе, затем на фотографию Кейна, которая всё ещё стояла на столе. В голове зазвучал голос Горы:

«Ты отпускаешь её. Ты слаб. Ты должен был оставить её здесь».

Но на этот раз Элиас не ответил. Он просто смотрел в окно, где занимался рассвет, и знал: он сделал правильный выбор.

Рассвет только начинал разгораться над городом, когда Айрис в последний раз проверила снаряжение. Она стояла у ворот, за которыми начиналась дорога на восток - дорога, которая вела в неизвестность. Ветер доносил запах пыли и гари, смешанный с холодной свежестью утра. Её рюкзак был тяжёлым - не от вещей, а от ответственности, которая лежала на её плечах. Дневник матери был спрятан во внутреннем кармане, и она чувствовала его тепло, как будто мать была рядом и шептала ей: «Иди. Ты сможешь».

Элиас стоял в нескольких шагах от неё, скрестив руки на груди. Его лицо было мрачным - он не спал всю ночь, обдумывая планы переворота, который затевал Генерал. Он думал о том, что оставляет её одну, и это разрывало его изнут-

ри. Он хотел крикнуть: «Остановись!», но знал, что это бесполезно. Айрис была сильнее его. Она всегда была сильнее.

- Ты уверена? - спросил он в пятый раз. - Я могу отправить разведчиков. Ты не обязана идти сама.

- Разведчики не знают того, что знаю я, - ответила Айрис, не оборачиваясь. Она затягивала ремни рюкзака, проверяя, чтобы всё было на месте. - У меня есть дневник матери. У меня есть генетический ключ. Только я могу активировать «Протокол 7». И только я могу остановить Лену.

- Если Лена схватит тебя...

- Если Лена схватит меня, я найду способ выбраться, - она повернулась к нему, и он увидел в её глазах тот стальной блеск, который он так любил. - Я не собираюсь умирать, Элиас. Я собираюсь победить.

Он подошёл к ней и взял её руки в свои. Они были холодными, но он чувствовал, как бьётся её пульс - быстро, напряжённо, как у птицы перед полётом.

- Я знаю, что тебя не остановить, - сказал он тихо. - Но ты должна пообещать мне одну вещь.

- Какую?

- Выходи на связь каждые шесть часов. Если я не получу сигнал - я приду за тобой, даже если придётся пробиваться через армию Лены.

- Каждые шесть часов, - улыбнулась она, сжимая его руки. - Ровно. Я не подведу тебя.

Они стояли так несколько секунд, глядя друг на друга. В

воздухе висело напряжение, как перед грозой. Айрис видела в его глазах страх - не за себя, а за неё. Она знала, что он боится потерять её, как потерял Гору, как потерял всех, кто был ему дорог.

- Я вернусь, - прошептала она. - Обещаю.

Она обняла его, прижавшись к его груди. Он чувствовал, как её тело дрожит от напряжения, которое она старалась скрыть. Она была сильной, но она тоже боялась. Боялась, что не успеет. Боялась, что Лена окажется сильнее. Боялась, что их жертвы будут напрасны.

- Ты справишься, - сказал он в её волосы. - Ты всегда справляешься.

Она отстранилась и повернулась к отряду, который ждал её у машин. Четверо бойцов: Корвус, высокий худой диссидент с глубокими шрамами на руках; его напарница Вера, с пронзительным взглядом и татуировкой на лице; два бывших солдата Генезис - грузный Марк и его молчаливый брат Дэн, готовые прикрыть её огнём.

- Выходим, - сказала Айрис.

Она направилась к машине, но на мгновение задержалась у капота, глядя на горизонт. Пустоши простирались перед ней - серые, безжизненные, но в них была надежда. Они вели к «Эдему». И она должна была пройти этот путь.

Машина тронулась, оставляя за собой облако пыли. Элиас стоял у ворот и смотрел, как она исчезает в утреннем тумане. В его голове зазвучал голос Горы:

«Ты отпускаешь её. Ты слаб. Ты должен был оставить её здесь. Она - ключ ко всему. Без неё ты не сможешь победить».

Элиас закрыл глаза и глубоко вздохнул. Он знал, что этот голос - его собственный страх, его паранойя. Гора никогда не говорил так жестоко при жизни. Но сейчас Элиас не мог думать об этом. Он должен был защищать город, который остался без Айрис. Он должен был выиграть время для неё.

- Я не слаб, - прошептал он в пустоту. - Я просто доверяю ей.

Он повернулся и пошёл обратно в город, к штабу, где его ждал Генерал и неизбежная битва за власть.

В машине Айрис сидела на переднем сиденье и смотрела на дорогу. Пустоши сменяли одна другую - серые, пыльные, усеянные остовами танков и скелетами зданий. Война оставила свой след здесь: старые поля сражений, забытые могилы, ржавые остовы машин, которые когда-то были гордостью человечества. Теперь они были частью пейзажа, напоминанием о том, как далеко они пали.

Корвус сидел рядом с ней и молчал. Она знала, что он готовится к тому, что будет дальше. Он уже был в «Эдеме» и знал, что это такое. Он не хотел возвращаться туда, но он знал, что это единственный шанс остановить Лену.

- Доктор Айрис, - сказал он, нарушая тишину. - Я должен предупредить вас. То, что вы увидите в «Эдеме», не похоже ни на что, что вы знаете. Это не город. Это машина. Машина,

которая перемалывает людей и превращает их в винтики.

- Я знаю, - ответила она. - Моя мать писала об этом. Она говорила, что убежище без свободы становится тюрьмой.

- Ваша мать была права. Но она не рассказала всего. Она не сказала, что Лена создала не просто систему контроля. Она создала религию. Люди в «Эдеме» верят, что Лена - их спасительница. Они готовы умереть за неё. Они смотрят на неё как на богиню.

Айрис повернулась к нему.

- Ты готов умереть за свободу?

Корвус усмехнулся, но в его усмешке не было веселья.

- Я уже умирал за неё, - сказал он. - Я выжил. Но я не знаю, смогу ли выжить снова.

Они замолчали. Машина продолжала двигаться вперёд, и пустоши сменялись руинами, которые становились всё более древними и заброшенными. Айрис смотрела в окно и думала о Кейне, о Горе, о Чарли - всех, кто погиб, чтобы она могла быть здесь. Она не имела права подвести их.

- Мы остановимся через час, - сказала она. - Связь с Элиасом. Затем продолжим путь.

Отряд закивал. Они знали, что впереди их ждёт долгая дорога. Но они были готовы идти до конца - ради неё, ради свободы, ради всех, кто ждал их возвращения.

Машина остановилась на вершине холма, и Айрис вышла, чтобы осмотреться. Вокруг простиралась бесконечная пустошь - серые равнины, пересечённые трещинами, где ко-

гда-то текла вода. Остовы танков торчали из земли, как ржавые зубы вымершего зверя. Скелеты зданий тянулись к небу, словно пальцы утопленника, и ветер завывал в их пустых окнах. Вдалеке виднелась гряда холмов, за которыми, как она знала, находился «Эдем». Он был близко, но путь был долгим.

Айрис сделала глубокий вдох. Воздух был сухим и горьким, с привкусом пепла. Она смотрела на горизонт и думала о том, сколько раз она видела такие же пейзажи в своих кошмарах - пустоши, по которым она брела одна, без цели, без надежды. Но теперь у неё была цель. Она знала, куда идёт.

- Доктор, - сказал Марк, подходя к ней. - Мы должны двигаться дальше. Здесь опасно. Патрули «Эдема» иногда заходят в эти места. Они ищут беженцев.

- Я знаю, - ответила она. - Ещё минуту.

Она отошла в сторону и села на обломок бетона, который когда-то был частью стены. Она закрыла глаза и позволила воспоминаниям нахлынуть.

Кейн. Она видела его так ясно - его улыбку, его тёплые глаза, его руки, которые держали её, когда она плакала. Он был её опорой, её скалой. Он всегда знал, что сказать, когда ей было тяжело. Он был тем, кто верил в неё, даже когда она сама в себя не верила. И он умер у неё на руках, заслоняя её от пуль, которые должны были попасть в неё. Последние слова Кейна были: «Ты справишься. Я верю в тебя».

Айрис открыла глаза и посмотрела на свои руки. Они бы-

ли такими же, как тогда - тонкими, немного дрожащими. Она вспомнила, как держала его, когда он умирал, как чувствовала его кровь на своих пальцах, как умоляла его не уходить. Она не спасла его. Но она могла спасти других. Она могла спасти всех, кто был ещё жив.

Гора. Он был другим - суровым, резким, но справедливым. Он научил её стрелять, он научил её не бояться. Он говорил: «Страх - это не враг. Враг - это когда ты позволяешь страху управлять тобой». Гора погиб, прикрывая их отступление в башне Маркуса. Он просто исчез в дыму и огне, и она никогда не видела его тела. Она помнила его последние слова: «Беги. Я задержу их». Она бежала, а он остался. Она никогда не простила себя за это.

Чарли. Он был моложе всех, почти мальчик, с наивными глазами и верой в то, что они построят новый мир. Он погиб в первый же день штурма, случайная пуля, бессмысленная смерть. Но она помнила его смех, его шутки, его надежду. Он говорил: «Когда всё закончится, мы построим город, где не будет войны. Где люди будут жить в мире». Он не дожил до этого.

Айрис вытерла слёзы, которые текли по её лицу. Она позволила себе это мгновение слабости, потому что знала: через минуту она должна будет снова стать сильной. Она не могла позволить себе плакать перед отрядом. Она должна была быть их лидером, их опорой.

- Я не подведу вас, - прошептала она. - Я обещаю. Ваша

смерть не будет напрасной.

Она встала и вернулась к машине. Отряд уже ждал её. Корвус смотрел на неё понимающе - он тоже потерял всех, кого любил, и знал, что такое боль.

- Всё в порядке? - спросил он.

- Да, - ответила Айрис. - Всё в порядке. Едем дальше.

Машина тронулась, и они продолжили свой путь по пу-стошам. Айрис смотрела в окно и видела, как меняется пейзаж - руины становились всё более старыми, пустыня всё более безжизненной. Ей казалось, что она едет сквозь время, сквозь историю, которая уже написана и которую нельзя изменить.

Она достала из кармана медальон матери и сжала его в руке. Медальон был тёплым от её прикосновения, как будто мать действительно слышала её.

- Мама, - прошептала она. - Помоги мне. Дай мне силы.

Она закрыла глаза и представила лицо матери - тёплое, любящее, с лёгкой улыбкой. Она вспомнила, как мать учила её читать, как рассказывала о звёздах и о том, что где-то есть мир, где нет войны. Она вспомнила последний разговор с ней, когда мать сказала: «Я должна уйти. Я должна остановить их. Но я оставлю тебе ключ». Она не знала тогда, что этот ключ - дневник. Теперь она знала.

Она убрала медальон обратно и снова посмотрела вперёд. Там, на горизонте, уже виднелись очертания заброшенной деревни - место, которое они должны были миновать по пу-

ти.

- Мы приближаемся к деревне, - сказал Корвус, указывая вперёд. - Мы должны быть осторожны. Там могут быть патрули «Эдема».

- Остановимся на окраине, - сказала Айрис. - Осмотримся. Если там есть кто-то, мы должны знать, что это за место.

Машина замедлила ход, и через десять минут они уже стояли у въезда в деревню. Айрис вышла и огляделась. Дома были старыми, заброшенными, с провалившимися крышами и выбитыми окнами. На стенах каждого из них был вырезан символ дерева с переплетёнными корнями.

- Они были здесь, - сказала она. - «Эдем».

Она вошла в деревню и прошла по главной улице. Везде был тот же символ - на стенах, на дверях, даже на колодце в центре площади. Это был не просто знак. Это была метка. Идеология, которая распространялась, как вирус, захватывая всё на своём пути.

- Это не просто деревня, - сказала она Корвусу, когда тот подошёл. - Это предупреждение. Они хотят, чтобы мы знали, что «Эдем» уже здесь. Что он рядом.

- Многие деревни так пали, - ответил Корвус. - Они просто приходили и говорили: «Присоединяйтесь или умрите». Некоторые присоединялись. Остальные умирали. Большинство выбирало жизнь.

Айрис смотрела на символы и чувствовала, как внутри неё растёт ярость. Лена не просто создала систему контро-

ля. Она создала культ. Культ, который уничтожал всё, что не подчинялось ей.

- Мы должны идти дальше, - сказала она. - Чем быстрее мы доберёмся до «Эдема», тем быстрее я смогу остановить это. Ради них. Ради всех, кто уже пал.

Они вернулись в машину и продолжили путь.

Отряд подъехал к деревне, которая была отмечена на картах как «Тихая». Но в ней не было тишины - был только ветер, завывающий в пустых домах, и скрип несмазанных петель, когда двери качались туда-сюда. Это место казалось мёртвым, но Айрис чувствовала, что здесь были люди. И совсем недавно.

Айрис вышла из машины и огляделась. Деревня была полностью заброшена, но чувствовалось, что жизнь здесь кипела ещё несколько дней назад. На каждом доме был вырезан символ дерева с переплетёнными корнями. Аккуратный, почти художественный - как будто его выжигали с любовью, с верой. На колодце, на скамейках, на дверях, даже на куске старой ткани, которая болталась на верёвке для белья - везде был этот знак.

- Здесь был «Эдем», - сказал Корвус, подходя к ней. - Ты чувствуешь?

- Что? - спросила Айрис.

- Атмосферу. Здесь было что-то злое. Они не просто прошли через деревню - они завладели ею. Они оставили свой след, как зверь оставляет метку на своей территории.

Айрис прошла по главной улице. Она видела, что дома не были разрушены - они были покинуты. Люди ушли сами. Они сняли вещи, закрыли двери, даже поставили цветы на подоконники. Как будто они уходили не в панике, а в порядке, по собственной воле, с надеждой на лучшее.

- Они ушли добровольно, - сказала она. - Они приняли «Эдем».

- Или им не оставили выбора, - ответил Корвус. - Когда ты голоден, когда ты болен, когда ты видишь, как твои дети умирают, ты готов принять любого спасителя. Даже если это дьявол в белых одеждах.

Айрис подошла к одному из домов и заглянула внутрь. Внутри было пусто, но на столе стояла тарелка с недоеденной едой. Рядом лежала книга, раскрытая на середине. Всё выглядело так, как будто люди просто встали и ушли, не закончив обед, не допив чай. На стуле висела детская куртка - маленькая, розовая, с вышитым цветком. Айрис взяла её в руки и почувствовала, как слёзы подступают к горлу.

- Они не торопились, - сказала она. - Они не бежали. Они ушли спокойно, с верой в то, что идут в рай.

- Потому что они верили, что идут в рай, - сказал Корвус. - «Эдем» обещал им рай. Без голода, без войны, без боли. Они думали, что спасаются. Они думали, что нашли спасение.

- А на самом деле они попали в тюрьму.

Корвус кивнул.

- Я был там. Я знаю. «Эдем» - это машина, которая пере-

малывает людей. Сначала они дают тебе еду, кров, защиту. Потом они забирают твою свободу. А потом - твою душу. Ты становишься частью системы, винтиком в механизме. И ты даже не замечаешь этого, потому что ты сыт и в безопасности.

Айрис подошла к колодцу и посмотрела вниз. Вода была тёплой и мутной, но она чувствовала, что в ней есть что-то странное - какой-то привкус, которого не должно быть в чистой воде. Она знала, что «Эдем» использовал препараты для контроля населения. Мать писала об этом в дневнике: «Они добавляют химикаты в воду. Это подавляет волю. Это делает людей послушными. Мы должны остановить это».

- Они что-то добавляют в воду, - сказала она. - Препараты, которые ослабляют волю. Моя мать писала об этом.

- Ты права, - сказал Корвус. - Они используют химию, чтобы заставить людей подчиняться. Это часть их системы контроля. Они не хотят, чтобы люди думали самостоятельно. Они хотят, чтобы люди верили.

Айрис отошла от колодца и подняла глаза на небо. Оно было по-прежнему серым, но теперь на востоке виднелся слабый синий свет - возможно, отражение куполов «Эдема». Она знала, что они уже близко. Очень близко.

- Мы должны быть осторожны, - сказала она отряду. - Если «Эдем» так близко, мы можем встретить патрули. Они знают, что кто-то идёт.

- Мы готовы, - сказал один из солдат, сжимая оружие.

- Я не хочу стрелять первой, - ответила Айрис. - Мы не знаем, кто они. Может быть, мы сможем переубедить их. Может быть, они ещё не потеряли себя до конца.

Корвус усмехнулся, но в его усмешке не было веселья.

- Переубедить? Те, кто верит в «Эдем», не переубеждаются. Это всё равно что пытаться переубедить камень течь. Они верят, что Лена - их спасительница. Они отдадут за неё жизнь.

- Мы попробуем, - твёрдо сказала Айрис. - Я не хочу убивать тех, кто просто заблуждается.

Она направилась к выходу из деревни, но в этот момент услышала странный звук - шаги. Много шагов. Она остановилась и подняла руку, приказывая отряду замереть. Они ждали, затаив дыхание.

Из-за домов появились люди. Они выходили из тени медленно, как призраки, один за другим. У всех были пустые светящиеся глаза, и их движения были механическими, как у марионеток, которых дергают за ниточки. Они были вооружены - современным оружием, а грубыми дубинами и ножами, но их было много. Около тридцати человек, и они окружили отряд со всех сторон.

- Они нас окружили, - прошептал один из солдат.

- Не стрелять, - сказала Айрис. - Я запрещаю. Не дайте им повода.

Она вышла вперёд, встав между отрядом и толпой. Она подняла руки, показывая, что не вооружена.

- Мы не враги, - сказала она громко, чтобы все слышали.
- Мы идём в «Эдем». Мы хотим говорить с вашим лидером.
Мы хотим понять.

Люди с пустыми глазами не отвечали. Они просто стояли и смотрели на неё, как статуи, как восковые фигуры. Айрис чувствовала их взгляды, холодные и безжизненные, и знала, что они не люди - они марионетки, которыми управляет кто-то другой. Кто-то, кто сидел в центре «Эдема» и дергал за ниточки.

Затем одна из них вышла вперёд - женщина с длинными седыми волосами и пустыми глазами. Она подошла к Айрис и посмотрела прямо на неё, и в этом взгляде не было ничего человеческого.

- Вы не пройдёте, - сказала она монотонно. - «Эдем» защищает нас.

- Мы не хотим причинять вам вред, - ответила Айрис. - Мы просто хотим поговорить. Мы хотим понять, что вы построили, и почему вы верите в это.

- «Эдем» даёт нам цель, - сказала женщина. - Мы были никем. Теперь мы часть чего-то большего. Мы часть семьи.

Айрис смотрела на неё и думала о словах матери: «Убежище может стать тюрьмой. Но если человек не знает, что он в тюрьме, он будет считать её раем». Она видела это наяву. Эти люди были в тюрьме, но они не знали об этом. Они думали, что они свободны.

- Я понимаю, - сказала Айрис. - Но я должна увидеть ваш

город. Я должна понять, что вы построили. Я должна увидеть это своими глазами.

Женщина смотрела на неё долго, очень долго. Затем она кивнула.

- Мы отведём вас к лидеру, - сказала она. - Но если вы предадите, вы умрёте. «Эдем» не прощает предателей.

Айрис кивнула.

- Я согласна. Я не предам.

Женщина развернулась и пошла к выходу из деревни. Люди с пустыми глазами расступились, создавая коридор, и Айрис с отрядом прошли сквозь них. Она чувствовала их дыхание, их взгляды, и знала, что они - лишь часть большой машины, которая перемалывает людей. Но она также знала, что эту машину можно остановить.

Они шли через пустоши уже около часа, и Айрис чувствовала, как солнце палит нещадно, обжигая кожу. Пейзаж вокруг был всё таким же мёртвым, но теперь в воздухе чувствовалось что-то другое - напряжение, как перед грозой. Люди с пустыми глазами двигались впереди и по бокам, окружая их плотным кольцом, и Айрис знала, что если они захотят напасть, у отряда не будет шанса.

Она чувствовала их взгляды на себе, холодные и безжизненные, и знала, что они не люди - они марионетки, которых кто-то держит за ниточки. Кто-то в центре «Эдема» управлял ими, как куклами. Она видела это по их движениям - слишком синхронным, слишком механическим. Она видела

это по их глазам - пустым, как у мёртвых.

- Это странно, - сказал Корвус, подходя к ней ближе. - Они должны были уже атаковать. В «Эдеме» не берут пленных. Они либо убивают, либо забирают в город. Они не водят чужаков к лидеру. Это не их тактика.

- Может быть, они хотят показать меня Лене, - ответила Айрис, не сводя глаз с людей. - Может быть, им приказано доставить меня живой. Может быть, Лена хочет увидеть меня лично.

- Или они хотят заманить нас в ловушку. Это может быть проверкой. Лена хочет увидеть, как мы реагируем.

Айрис ничего не ответила. Она знала, что это возможно, но у неё не было выбора. Она должна была войти в «Эдем» любой ценой. Она должна была встретиться с Леной. Она должна была найти «Протокол 7».

Они прошли через ущелье, где стены с обеих сторон были высокими и почти отвесными, и Айрис почувствовала, как воздух сгущается. Здесь было прохладно, но она чувствовала опасность, как зверь чувствует приближение хищника.

Внезапно отряд остановился. Люди с пустыми глазами замкнули круг, и из-за скал вышли другие - с оружием, с криками, с горящими глазами. Это была засада. Айрис увидела их лица - они были такими же пустыми, но в них была агрессия, жажда крови.

- Стойте! - крикнула Айрис, поднимая руки. - Мы не враги! Мы просто хотим поговорить! Мы не хотим воевать!

Но они не слушали. Они не слышали её. Они были машинами, которые выполняли приказ. Первый из нападающих бросился на неё с ножом, и Айрис увернулась в последний момент, чувствуя, как лезвие скользит по её рубашке. Она оттолкнула его, но он поднялся и снова пошёл на неё. Остальные тоже начали нападать.

- Не стрелять! - закричала Айрис. - Я запрещаю! Они не виноваты!

Она уворачивалась от ударов, отталкивала нападающих, стараясь не причинять им вреда. Она не хотела убивать их - они были жертвами, как и все остальные. Но их было слишком много. Она видела, как солдаты пытаются защищаться, но не стреляют - они выполняют её приказ. Корвус отбивался от троих нападающих, Вера уворачивалась от ударов, Марк и Дэн закрывали спины друг другу.

- Доктор, мы не можем так! - крикнул Корвус, отбиваясь от нападающего. - Они убьют нас!

- Держитесь! - ответила Айрис. - Не убивайте! Они не виноваты! Ими управляют!

Она видела, как один из солдат упал, и Айрис бросилась к нему, отталкивая нападающего. Она заслонила собой солдата и посмотрела в лицо нападавшему - молодой парень, лет двадцати, с пустыми глазами и детским лицом. Он был похож на ребёнка, который потерял себя.

- Ты не хочешь этого, - сказала она ему, глядя прямо в глаза. - Ты не хочешь убивать. Я знаю. Ты просто хочешь

жить. Ты хочешь быть свободным.

Он замер на мгновение, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на осознание. Но затем оно исчезло, и он снова поднял нож.

- Мы все хотим жить, - сказал он монотонно. - «Эдем» даёт нам жизнь.

И в этот момент один из нападающих остановился. Женщина с седыми волосами и пустыми глазами - та самая, которая говорила с ней в деревне - подошла к ней и посмотрела прямо в глаза. В её взгляде было что-то странное, что-то, чего Айрис не могла понять.

- Ты не такая, как другие, - сказала она. - Ты не убиваешь. Ты защищаешь. Ты не хочешь причинять нам боль.

- Я не убиваю своих, - ответила Айрис, тяжело дыша. - Даже если они не знают, что они - мои. Даже если они думают, что я их враг.

Женщина смотрела на неё долго, очень долго. Затем она подняла руку. Все нападающие замерли, как по команде.

- Мы отведём вас к лидеру, - сказала женщина. - Но если вы предадите, вы умрёте. «Эдем» не прощает предателей.

Айрис кивнула.

- Я согласна. Я не предам.

Она подошла к солдатам, которые лежали на земле, и помогла им подняться. Они были избиты, но живы. Она посмотрела на свои руки - они дрожали. Она не убила никого. Она сохранила свою душу.

Они продолжили путь, и Айрис чувствовала, что прошла испытание. Она могла убить - но она не стала. Она доказала, что отличается от остальных. И теперь у неё был шанс.

Они шли по пустошам до самого вечера, пока солнце не начало садиться за горизонт, окрашивая небо в кроваво-красный цвет. Женщина с седыми волосами шла рядом с Айрис, и они разговаривали - точнее, Айрис расспрашивала, а женщина отвечала короткими, отрывистыми фразами.

- Ты была человеком? - спросила Айрис, глядя на неё.

- Я была никем, - ответила женщина. - Я жила в маленькой деревне на окраине пустошей. Там люди умирали от голода, от болезней, от отчаяния. Я потеряла мужа, троих детей, родителей. Я была одна, без цели, без надежды. Я хотела умереть. Я стояла на краю обрыва и смотрела вниз.

- Что случилось потом?

- Пришли они. Люди «Эдема». Они дали мне еду, воду, одежду. Они сказали: «Ты больше не будешь страдать. Мы дадим тебе цель. Мы дадим тебе новую жизнь». Я согласилась. И теперь я часть чего-то большего. Я часть семьи.

- Ты знаешь, что это - тюрьма? - спросила Айрис. - Ты знаешь, что они забрали твою свободу?

- Свобода? - женщина усмехнулась, и в её усмешке было что-то горькое, почти человеческое. - Что такое свобода? Голод? Страх? Смерть? «Эдем» дал мне всё, что у меня было отнято. Я не хочу возвращаться назад. Я не хочу снова быть никем.

Айрис вспомнила слова матери: «Убежище может стать тюрьмой. Но если человек не знает, что он в тюрьме, он будет считать её раем». Она поняла, что мать была права. Эти люди не были злыми. Они были сломленными. И «Эдем» дал им иллюзию спасения.

- Ты знаешь, что такое «Протокол 7»? - спросила она.

Женщина нахмурилась, и в её глазах мелькнула тень страха.

- Мы не говорим о «Протоколе». Это запрещено. Но я слышала, что он может разрушить «Эдем». Он может уничтожить всё, что мы построили.

- Именно для этого я здесь, - сказала Айрис. - Я хочу остановить «Эдем». Я хочу освободить вас всех.

Женщина ничего не ответила. Она просто пошла дальше, и Айрис поняла: она не знает правды. Она не знает, что «Протокол» - это ключ к её освобождению.

- Мы были никем, - сказала женщина через некоторое время. - «Эдем» дал нам цель. Он дал нам смысл. Я не хочу терять это.

- «Эдем» дал тебе иллюзию, - сказала Айрис. - Но я дам тебе реальность. Я дам тебе свободу.

Они шли дальше, и Айрис чувствовала, как внутри неё растёт решимость. Она должна была найти «Протокол 7». Она должна была уничтожить «Эдем». Она должна была освободить этих людей.

Когда солнце полностью село, они увидели впереди огни.

Система куполов, мерцающих голубым светом, возвышалась над пустошами, как искусственная гора, как древний город из легенд. Айрис смотрела на неё и чувствовала, как внутри неё смешиваются страх и надежда.

- Это он, - сказала она. - «Эдем».

- Да, - ответила женщина. - Это ваш рай или ваша могила.

Зависит от того, что вы выберете.

Айрис сжала кулаки.

- Я выбираю свободу. Я выбираю жизнь.

Она пошла вперёд, к куполам, и внутри неё горел огонь, который мог уничтожить всё на своём пути. Она знала: это только начало. Она знала: впереди её ждёт битва.

Айрис стояла у границы куполов и смотрела на «Эдем». Это было нечто, что она никогда не видела - система сияющих куполов, которые возвышались над пустошами, как искусственная гора. Внутри куполов было зелено - настоящая зелень, которую она не видела месяцами. Деревья, цветы, трава, вода - чистая, прозрачная, бегущая по каналам. Люди ходили по улицам, не боясь патрулей, не голодая, не умирая. Это выглядело как рай, как воплощение мечты.

Айрис сделала шаг вперёд и коснулась купола. Он был тёплым, как живое существо, и она чувствовала, как внутри него бьётся энергия - энергия, которая питала этот идеальный мир. Она видела, как внутри куполов сияют огни, как люди улыбаются, как дети играют на площадках. Это было похоже на картину из старого мира, о котором она читала в

книгах.

- Это будущее, - сказала женщина с седыми волосами, стоя рядом с ней. - Или тюрьма. Решать тебе.

Айрис смотрела на зелень и чувствовала, как внутри неё борются два голоса. Один говорил: «Оставайся. Здесь есть всё, что тебе нужно. Еда, вода, защита. Здесь нет голода, нет войны. Здесь ты можешь быть счастлива». Другой шептал: «Это тюрьма. Ты знаешь. Ты не можешь остаться. Ты должна уничтожить её. Ты должна освободить их».

- Мама, - прошептала она. - Что мне делать?

В ответ был только ветер, который завывал в пустошах, и голос внутри неё, который становился всё громче. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна решимости, которая сметает все сомнения.

- Я знаю, что делать, - сказала она.

Она развернулась и посмотрела на отряд. Корвус стоял рядом, готовый идти за ней до конца. Вера держала оружие наготове. Марк и Дэн смотрели на неё с ожиданием. Они верили в неё. Они шли за ней в самое сердце врага.

- Мы входим внутрь, - сказала она. - Мы найдём «Протокол 7». Мы найдём Лену. Мы уничтожим «Эдем». Мы освободим всех.

Корвус кивнул.

- Мы готовы.

Айрис повернулась к куполам и сделала шаг вперёд. Она коснулась поверхности купола, и он открылся перед ней, как

дверь в новый мир. Она шагнула внутрь, и купола сомкнулись за её спиной.

Она стояла на улицах «Эдема». Воздух был свежим, чистым. Вокруг неё росли цветы, листья деревьев сверкали на свету. Люди проходили мимо неё, улыбаясь, и она видела, что они не знают, что они в тюрьме. Она видела, что они счастливы.

- Ты сделала правильный выбор, - сказала женщина. - Добро пожаловать в «Эдем».

Айрис сжала в кармане дневник матери и посмотрела вперёд. Она знала, что эта битва только начинается. Она знала, что должна найти Лену. Она знала, что должна уничтожить «Протокол 7». Но она также знала, что она не одна. Она верила, что сможет спасти этих людей.

- Спасибо, - сказала она. - Я готова.

Она пошла вперёд, вглубь города, и внутри неё горел огонь, который мог уничтожить всё на своём пути. Она знала: это только начало. Но она не остановится, пока не освободит всех.

Генерал стоял у карты, разложенной на грубом деревянном столе, и смотрел на отмеченные красным точки - позиции, которые он планировал захватить в течение следующих двух дней. Карта была старой, потёртой, с выцветшими линиями, но Генерал знал каждую улицу, каждый дом, каждый подвал этого города. Он служил здесь двадцать лет, защищал его от врагов, строил его оборону, видел, как он ру-

шился и восстанавливался. И теперь он должен был защитить его от самого опасного врага - от слабого лидера, который не способен принимать жёсткие решения. От человека, который верил в мир, когда мир хотел войны. От человека, который оказался клоном, созданным тем самым Маркусом Восом, которого они все ненавидели.

Вокруг него сидели шестеро офицеров. Самых преданных, самых безжалостных, тех, кто не боялся крови, если это вело к порядку. Тех, кто видел, как умирают их солдаты, как гибнут их семьи, как «Эдем» пожирает их земли, и кто больше не мог ждать. Они сидели в полукруге, и их лица были суровыми, как гранит, а глаза горели огнём, который мог сжечь дотла всё, что стояло на их пути. Помещение было подвалом старого склада на окраине города - сырым, тёмным, пахнувшим плесенью и пылью. Сюда не доносился шум улиц, и никто не мог их услышать. Единственный свет исходил от керосиновой лампы, которая стояла в центре стола, отбрасывая длинные тени на стены. Тени, которые казались Генералу символами того, что они собирались сделать - тёмного, кровавого, но необходимого.

Генерал поднял глаза и обвёл взглядом собравшихся. Он видел в их лицах то же, что чувствовал сам - решимость, граничащую с яростью, и усталость, граничащую с отчаянием. Они устали от мягкости Элиаса, от его бесконечных переговоров, от его веры в то, что мир можно построить на доверии. Они видели, как город разваливается на части, как лю-

ди умирают от голода, как «Эдем» набирает силу, пока Совет обсуждает, что делать. Они знали, что мир строится на крови. И они были готовы пролить её, чтобы защитить то, что осталось.

- Вы знаете, зачем я вас собрал, - начал Генерал, и его голос прозвучал в тишине, как удар хлыста. Он говорил тихо, но каждое слово отдавалось в стенах подвала, как эхо в пустом зале. - Город умирает. Голод, нехватка воды, нападения «Эдема» - всё это разваливает нас изнутри. А наш лидер, наш великий Элиас, сидит сложа руки и ждёт, что проблема решится сама собой. Он верит в переговоры. Он верит, что врага можно переубедить словами. Но вы видели, что случилось с Рассветом.

Генерал сделал паузу, давая словам осесть. Он видел, как офицеры переглядываются, как их лица становятся ещё более напряжёнными. Он знал, что они помнят. Все помнили.

- Четыре тысячи человек, - продолжил он, и его голос стал громче, жёстче. - Четыре тысячи человек погибли за одну ночь! Женщины, дети, старики - их просто сожгли, как мусор! А что сделал Совет? Что сделал Элиас? Он приказал сохранить обломки для анализа! Анализ! Пока он анализировал, «Эдем» уничтожал наши деревни. Пока он ждал результатов, наши люди умирали.

Он ударил кулаком по столу, и карта вздрогнула, а лампа закачалась, отбрасывая танцующие тени на лица офицеров. Тени, которые теперь казались им очертаниями врагов.

- «Эдем» не слушает слов! - крикнул Генерал, вставая из-за стола и начиная ходить по комнате. - «Эдем» слушает только силу! И если мы не возьмём власть в свои руки, если мы не перестанем ждать, нас всех уничтожат! Элиас слишком мягок! Он слаб! И слабые не выживают в этом мире!

Он остановился за спиной полковника с седыми висками, старого боевого волка, который потерял глаз при штурме «Агро-Континент» и который теперь сидел, сжав кулаки, готовый к действию.

- Я знаю, что мы все устали, - сказал Генерал, и его голос стал тише, почти доверительным. - Я знаю, что мы все потеряли кого-то. Я потерял жену и дочь в войне. Мы все потеряли. Но мы не можем позволить себе сдаться. Мы не можем позволить себе быть слабыми. Мы должны действовать.

Полковник поднялся, и его голос был твёрдым, как сталь.

- Генерал, я с вами, - сказал он. - Мы должны действовать сейчас. Каждый день промедления - это новые смерти. Но как мы это сделаем? У Элиаса есть свои сторонники. Многие верят в него. Верят, что он ведёт нас к свету.

Генерал усмехнулся и подошёл к полковнику. Он положил руку на плечо старого воина и посмотрел ему прямо в глаза.

- Его сторонники не знают правды, - сказал Генерал, понижая голос до шёпота, чтобы только они слышали. - Они не знают, что он - клон. Да, я знаю это. Я нашёл его файлы в архивах Генезис, когда мы захватили базу. Элиас был создан Маркусом Восом. Он скрывает это от всех. Он - такой же,

как те, кто уничтожал нас. Как те, кто создал «Эдем».

В подвале повисла тишина. Офицеры переглянулись, и Генерал видел, как информация оседает в их головах, как меняется их восприятие. Элиас - клон. Это всё меняло. Теперь они не просто свергали слабого лидера - они свергали врага, который притворялся другом. Который втирался в доверие, чтобы уничтожить их изнутри.

- Если он клон, - медленно произнёс полковник, и в его голосе послышалась ярость, - значит, он предатель по своей сути. Мы не можем доверять ему. Мы не можем позволить ему вести нас. Он врёт нам каждый день.

- Именно, - сказал Генерал. - Мы должны свергнуть его. Мы должны взять власть, чтобы спасти город. Я не хочу этого - я уважал его как бойца. Он был храбрым, он сражался за нас. Но если это единственный способ выжить, я готов на всё.

Он обвёл взглядом собравшихся. Они смотрели на него с верой, с готовностью идти за ним в огонь и воду. Он знал, что они пойдут за ним. Они были его оружием, его армией, его последней надеждой.

- Мы начнём завтра на рассвете, - сказал он, и его голос стал резким, командным. - Мы арестуем всех, кто связан с Элиасом - его офицеров, его советников, его сторонников. Затем мы захватим штаб. Элиаса мы возьмём живым - я хочу, чтобы он увидел, как падает его мир. Я хочу, чтобы он понял, что его иллюзии разрушены.

Он подошёл к столу и наклонился над картой.

- Вот план, - сказал он, водя пальцем по улицам. - Первый отряд берёт штаб. Второй - казармы. Третий - блокирует выходы из города. Четвёртый - арестовывает всех, кто может сопротивляться. Мы должны действовать быстро и безжалостно. Никаких колебаний. Никакой жалости.

Офицеры закивали, запоминая каждое слово.

- Кто со мной? - спросил Генерал, выпрямляясь.

- Мы с вами! - ответили офицеры хором, и их голоса слились в один мощный крик, который, казалось, потряс стены подвала.

Генерал кивнул. Он знал, что переворот неизбежен. Он знал, что это будет кроваво. Он знал, что многие умрут, многие будут страдать. Но он также знал, что это единственный способ спасти город. И он был готов заплатить любую цену.

Когда офицеры разошлись, он остался один в подвале. Лампа догорала, отбрасывая последние отблески света на его лицо. Он смотрел на карту, на красные точки, и думал о том, что будет дальше. Он не хотел убивать Элиаса - он уважал его как бойца. Он уважал его храбрость, его преданность, его способность вести за собой. Но если Элиас встанет на его пути, если он попытается остановить его, он сделает это. Без колебаний. Без сожаления.

- Прости, Гора, - прошептал он, глядя на стену, где висел потёртый портрет павшего героя. - Прости, старый друг. Но я должен сделать это. Ради города. Ради будущего. Ради всех,

кто погиб.

Он подошёл к столу, задул лампу, и подвал погрузился во тьму. Он вышел на улицу, где ночной ветер хлестал его по лицу, и посмотрел на звёзды. Они сияли холодно и равнодушно, как будто не видели того, что творилось внизу. Он знал, что завтрашний день изменит всё.

Он направился в свою комнату, чтобы подготовиться к завтрашней битве. Но он также знал, что не сможет уснуть. В голове крутились мысли - что, если он ошибается? Что, если Элиас был прав? Что, если дипломатия могла сработать? Что, если он станет таким же тираном, как Маркус?

Он отогнал эти мысли. Он сделал свой выбор. И он будет идти до конца. Он не позволит сомнениям остановить его. Он спасёт этот город. Даже если для этого ему придётся стать чудовищем.

Майор Торн проснулся от того, что кто-то грубо схватил его за плечо и дёрнул вверх. Он не успел открыть глаза, как его выдернули из кровати, и холодный воздух ударил по обнажённой коже. Он услышал крики - сначала чужие, потом свои, когда он попытался вырваться и понял, что его руки уже скованы наручниками. Свет керосиновой лампы, которую держал один из солдат, ударил в глаза, ослепив на мгновение. Майор зажмурился, а когда открыл глаза, увидел перед собой три каменных лица - солдаты Генерала, те самые, что всегда ходили за ним тенью. Они не улыбались, не злорадовались, просто выполняли приказ, как автоматы.

- Что вы делаете? - крикнул майор, дёргаясь в их руках.
- Вы не имеете права! Я офицер Совета! Я майор Торн! Вы ответите за это!

- У нас приказ Генерала, - сказал один из солдат, старший, с грубым лицом и шрамом на щеке. - Ты арестован за измену. За сговор с «Эдемом». За передачу информации, которая привела к гибели города Рассвет.

- Это ложь! - закричал майор, и в его голосе была такая ярость, что солдат на мгновение отшатнулся. - Я никогда не был агентом «Эдема»! Я сражался за этот город! Я потерял здесь друзей, я рисковал жизнью, я отдавал приказы, которые спасали людей! Как вы смеете?

Солдат не ответил. Он просто махнул рукой, и двое других подхватили майора под руки и поволокли к выходу. Он пытался сопротивляться, но его босые ноги скользили по холодному каменному полу, и он понимал, что это бесполезно. Их было трое, они были вооружены, и они были сильнее.

Его выволокли на улицу, и утренний холод ударил в лицо. Небо было серым, как всегда, и над городом поднимался дым. Горело несколько домов на окраине - там, где солдаты Генерала уже начали чистку. Крики, плач, стрельба - всё смешалось в одном адском шуме.

Люди выходили из домов, смотрели на него с ужасом и любопытством, и никто не пытался помочь. Они стояли молча, затаив дыхание, боясь пошевелиться, боясь, что их тоже обвинят. Некоторые отворачивались, не в силах смотреть

на то, что происходило. Некоторые кричали: «Предатель! Убийца!» - их голоса были полны ненависти, которая питалась страхом.

Майор шёл с высоко поднятой головой, стараясь сохранить достоинство. Он проходил мимо знакомых лиц - людей, с которыми пил кофе, с которыми обсуждал планы обороны, с которыми мечтал о будущем. Никто не встретился с ним взглядом. Никто не сказал ни слова в его защиту. Он был один. Преданный, забытый, обвинённый в том, чего не совершал.

На площади уже стояла толпа. Она была огромной - сотни людей, которые пришли посмотреть на казнь. Они стояли плечом к плечу, и в их глазах был страх и любопытство. Генерал был в парадной форме, с медалями на груди, и выглядел как триумфатор, как герой, который спасёт их от врагов. Рядом с ним стояли его офицеры, готовые исполнить любой приказ, их лица были холодными и безжалостными.

- Майор Торн, - сказал Генерал, повышая голос, чтобы его слышали все. - Ты обвиняешься в измене. В сговоре с «Эдемом». В том, что ты передавал им информацию, которая привела к гибели города Рассвет. Ты признаёшь свою вину?

- Это ложь! - крикнул майор, пытаясь прорваться к Генералу, но солдаты удержали его, схватив за плечи. - Ты знаешь, что это ложь! Я никогда не предавал Совет! Это ты предатель! Ты хочешь захватить власть! Ты уничтожаешь наш

город!

Генерал спокойно подошёл к майору и посмотрел ему прямо в глаза. В его взгляде не было ни капли сомнения, только холодная, стальная решимость. Он стоял так близко, что майор мог видеть каждую морщину на его лице, каждый седой волосок, каждую каплю пота, выступившую на лбу.

- Я знаю только то, что ты отказался поддержать законное правительство, - сказал Генерал, и его голос был тихим, но зловещим, как шёпот смерти. - Ты отказался от присяги. Ты восстал против власти. И ты должен ответить за это.

Майор плюнул в лицо Генералу. Его слюна попала на парадный мундир, и в толпе ахнули, словно кто-то ударил по натянутой струне. Генерал вытер лицо и сделал шаг назад. Его глаза потемнели, и в них вспыхнула ярость, которую он едва сдерживал.

- Ты не оставил мне выбора, - сказал он и повернулся к солдатам. - Расстрелять за измену. Сейчас же.

Солдаты схватили майора и потащили его к стене. Он пытался сопротивляться, но их было слишком много. Он кричал, что невиновен, что Генерал - узурпатор, что город погибнет из-за его действий, что его смерть будет только началом. Но никто не слушал. Солдаты поставили его к стене, и раздался залп.

Майор упал, и его тело осталось лежать на площади, чтобы все видели. Кровь растеклась по камням, и толпа затихла. Генерал повернулся к ней и поднял руки.

- Это случилось с тем, кто предал нас! - крикнул он, и его голос разнёсся над площадью. - Но это только начало! Мы будем очищать город от всех, кто связан с «Эдемом»! Мы будем защищать нашу свободу! Мы не позволим предателям разрушить то, что мы построили!

Толпа заплодировала. Они не знали правды. Они верили, что их спасают. Они верили, что Генерал - их герой. Но в глазах некоторых, самых проницательных, мелькал страх - страх за себя, за своих близких, за будущее.

В этот момент в городе началась чистка. Солдаты Генерала ходили по домам, вытаскивали людей, арестовывали всех, кто был связан с Элиасом. Крики, плач, стрельба - всё смешалось в одном адском шуме. Майор Торн был первым. Но он не был последним.

Генерал стоял на площади и смотрел на толпу. Он видел их страх, их надежду, их веру. Он знал, что они пойдут за ним. Он даст им порядок. Он даст им безопасность. Он даст им всё, что обещал Элиас, но не дал. И он не остановится ни перед чем, чтобы добиться этого.

Элиас стоял у окна штаба и смотрел на дым, который поднимался над городом. Чёрные клубы поднимались в серое небо, смешиваясь с тучами, и запах гари проникал даже в закрытое помещение. Он слышал крики - сначала далёкие, потом всё ближе. Он слышал стрельбу. Он знал, что происходит. И он знал, кто за этим стоит. Его сердце колотилось в груди, как птица в клетке, и он чувствовал, как внутри него

закипает гнев, который он с трудом сдерживал. Он сжимал подоконник так сильно, что побелели костяшки пальцев, и дерево под его руками начало трещать.

Он смотрел, как город, который они строили семь месяцев, который они поднимали из пепла после падения «Агро-Континент», разваливается на части за одну ночь. Он видел, как солдаты Генерала вытаскивают людей из домов, как они кричат, как они умирают. Он знал, что многие из этих людей были невиновны. Они просто были рядом с ним, просто верили в него, просто надеялись на лучшее. И теперь они платили за это своими жизнями.

В дверь вошёл Генерал. Он не постучал, не спросил разрешения - просто вошёл, как хозяин, как человек, который уже чувствовал себя победителем. Он был спокоен, как будто ничего не случилось - как будто только что не расстреляли майора Торна, как будто не началась чистка, как будто город не умирал у них на глазах. Он был в той же парадной форме, в которой стоял на площади, и на его лице была лёгкая улыбка - улыбка человека, который знает, что выиграл. Улыбка хищника, который наконец добрался до своей жертвы и теперь наслаждался моментом.

- Что ты наделал? - спросил Элиас, стараясь сдерживать гнев, но его голос дрожал от ярости. - Ты устроил чистку. Ты убил майора Торна. Ты арестовал десятки невинных людей. Ты превратил наш город в ад! Что ты сделал с моими людьми?

- Я делаю это ради безопасности, - ответил Генерал, скрепив руки на груди. Он говорил спокойно, как будто объяснял ребёнку, почему нельзя трогать огонь. - Они были агентами «Эдема». Они заслужили смерть. Ты думаешь, я хочу этого? Я не хочу, но у меня нет выбора. Или их смерть, или смерть всех нас. Ты должен понимать это, Элиас. Ты должен видеть реальность.

- Ты знаешь, что это ложь! - крикнул Элиас, делая шаг к нему. - Ты убиваешь людей, которые просто не согласны с тобой! Ты убиваешь тех, кто остался мне верен! Ты уничтожаешь всё, что мы строили! Мы должны были построить мир, а ты превращаешь его в кладбище! Ты хуже, чем Маркус Вос, потому что ты делаешь это с улыбкой на лице!

Генерал усмехнулся, и в его усмешке было что-то холодное, почти презрительное. Он подошёл ближе, и теперь они стояли друг напротив друга, разделённые всего несколькими шагами. Генерал был выше, старше, и в его глазах была та стальная уверенность, которая появляется у людей, когда они верят в свою правоту.

- Мы строили? Мы? - переспросил он, и его голос стал жёстче, как сталь. - Ты думаешь, что ты - часть нас? Ты - клон. Ты был создан Маркусом Восом. Ты никогда не был одним из нас. Ты притворялся, скрывался, врал нам. Каждый день, каждую минуту, каждый раз, когда ты смотрел нам в глаза, ты лгал. Ты - такой же, как они. Ты - враг.

Элиас замер. Он знал, что Генерал знает правду. Он знал,

что рано или поздно это произойдёт. Но он не думал, что Генерал использует это сейчас, в этот момент, как оружие. Слова Генерала вонзились в него, как ножи, и он почувствовал, как внутри него что-то ломается.

- Ты не понимаешь, - сказал Элиас, и его голос стал тише, но в нём была боль. - Я - не такой, как другие. Я сражался за этот город. Я сражался за свободу. Я сражался за тебя, когда ты был ранен в бою. Я спас тебя. Помнишь? Ты лежал в грязи, истекая кровью, и я вытащил тебя. Я нёс тебя на своих плечах пять километров, пока не нашёл врача. Ты был в бреду, но ты держал мою руку и говорил: «Спасибо, брат». Ты помнишь это? Помнишь, что я сделал для тебя?

Генерал посмотрел на него, и на мгновение в его глазах мелькнула тень сомнения. Что-то дрогнуло в его лице, и Элиас увидел на мгновение того человека, с которым они сражались бок о бок, который верил в него, который называл его братом. Но тень быстро исчезла, как исчезает тень от облака в ветреный день.

- Ты предатель по своей сути, - сказал Генерал, и его голос стал твёрже. - Клоны не могут быть свободными. Они созданы для подчинения. И ты - доказательство этого. Ты носишь личину человека, но внутри ты - машина, созданная для разрушения. Ты думаешь, что ты можешь быть одним из нас? Ты никогда не был и не будешь. Ты просто кукла, которую создал Маркус Вос.

Элиас смотрел на Генерала, и внутри него боролись

ярость и отчаяние. Он знал, что Генерал уже перешёл черту. Он знал, что сейчас начнётся битва, в которой не будет победителей. Но он также знал, что не может отступить. Он не мог сдаться. Он должен был защищать тех, кто верил в него.

- Ты сам становишься угрозой, - сказал он, и его голос был твёрдым. - Ты уничтожаешь наш город. Ты превращаешь его в тюрьму, где люди боятся дышать. Ты - тиран, и ты хуже «Эдема», потому что ты был среди нас. Ты знал нас, ты был с нами, ты ел с нами за одним столом, а теперь ты убиваешь нас без сожаления.

Генерал усмехнулся, но ничего не ответил. Он просто повернулся и вышел, оставив Элиаса одного в комнате. Дверь закрылась с глухим стуком, и Элиас остался один на один с тишиной и дымом за окном.

Он подошёл к столу и взял в руки старую фотографию - Гора, Кейн, Чарли, он сам и Айрис. Они стояли у мемориала, в первый месяц после победы, улыбались, верили, что всё будет хорошо. Теперь никого из них не было рядом - Гора мёртв, Кейн мёртв, Чарли мёртв, Айрис ушла на восток, и он был один в этом городе, который скоро станет его могилой. Он провёл пальцем по их лицам и почувствовал, как слёзы подступают к глазам.

- Я не сдамся, - прошептал он. - Я не позволю ему уничтожить всё. Ради вас. Ради всех, кто погиб. Ради Айрис.

Он убрал фотографию в карман и начал собирать вещи. Он знал, что скоро начнётся самое страшное. Он слышал ша-

ги за дверью, слышал крики своих людей, которые пытались защитить штаб. Он знал, что Генерал не остановится, пока не захватит всё. И он знал, что должен бежать.

Элиас шёл по коридору штаба, и каждый его шаг отдавался в ушах глухим, неровным эхом, смешиваясь с далёкими криками и выстрелами. Он почти бежал, прижимаясь к стенам, стараясь не попадаться на глаза патрулям Генерала. В руке он сжимал старый пистолет - тот самый, что носил с собой ещё со времён штурма «Агро-Континент». В обойме было всего три патрона. Он знал, что этого мало, чтобы пробиться сквозь солдат, но достаточно, чтобы не сдаться живым. Пальцы его дрожали, но не от страха - от ярости, которая закипала в груди, смешиваясь с ледяным отчаянием. Он чувствовал, как адреналин заливает кровь, обостряя слух и зрение, превращая каждую тень в потенциальную угрозу.

Коридоры штаба, ещё несколько часов назад наполненные деловым гулом, голосами офицеров и стуком печатных машинок, теперь превратились в лабиринт смерти. Стены были испещрены пулевыми отверстиями - глубокими тёмными кратерами, из которых сочилась известковая пыль. На полу, вперемишку с обломками мебели и осколками стекла, валялись разорванные документы - планы обороны, списки поставок, личные письма, которые теперь пропитывались кровью и топтались солдатскими сапогами. Где-то в глубине здания горел огонь - Элиас чувствовал едкий запах дыма, смешанный с запахом крови и озона. Этот запах был ему зна-

ком до боли. Он преследовал его с самого начала войны, и теперь, казалось, навсегда въелся в его одежду, в его кожу, в его лёгкие.

Он завернул за угол и замер. Прямо перед ним трое солдат Генерала, в чёрных бронежилетах с нашивками в виде перекрещённых мечей, тащили по коридору его адъютанта - молодого лейтенанта с повязкой на левом глазу, того самого, который потерял глаз при штурме башни Маркуса и с тех пор служил ему с фанатичной преданностью. Лейтенант выглядел ужасно: его форма была порвана, лицо залито кровью - из рассечённой брови, из разбитой губы, из глубокой раны на скуле, из которой тонкой струйкой сочилась тёмная венозная кровь. Один рукав был вырван почти до плеча, и на обнажённой руке виднелись синяки и ожоги. Он едва держался на ногах, но в его единственном уцелевшем глазу горел огонь сопротивления - тот самый огонь, который Элиас так ценил в своих людях.

- Я не предатель! - кричал адъютант, пытаясь вырваться, дёргаясь в руках солдат, как затравленный зверь. - Вы слышите меня? Я верен Совету! Я верен Элиасу! Я сражался за этот город, когда вы ещё сидели в казармах и боялись высушить нос! Вы не имеете права!

Он называл имена павших товарищей, перечислял бои, в которых участвовал, кричал о присяге, которую давал не Генералу, а народу. Но солдаты не слушали. Они тащили его, как мешок с мусором, не обращая внимания на его крики,

не реагируя на его сопротивление. Один из них, широкоплечий детина с бычьей шеей, лениво усмехнулся и занёс кулак, чтобы ударить лейтенанта по лицу, заставить его замолчать.

- Отпустите его! - крикнул Элиас, выходя из тени.

Голос его, сорванный и хриплый, но невероятно громкий, эхом разнёсся по коридору, заставив солдат замереть. На одно мгновение в коридоре воцарилась странная, звенящая тишина. Даже лейтенант перестал кричать, уставившись на своего командира с ужасом и надеждой одновременно. Элиас видел, как в глазах адъютанта мелькнула мольба: «Беги! Не дай им схватить тебя!» Но было уже поздно.

Элиас сделал шаг вперёд, сжимая пистолет, и в тот же миг услышал сзади тяжёлые, уверенные шаги. Множество шагов. Он обернулся - и увидел, как коридор за его спиной заполняется солдатами. Их было больше двадцати. Они двигались синхронно, как единый механизм, сомкнувшись в плотное кольцо, отрезая ему все пути к отступлению. Их лица, освещённые тусклым светом аварийных ламп, были каменными, безжалостными, лишёнными всякого выражения. Это были не просто солдаты - это были элитные бойцы Генерала, те, кто прошёл через самые кровавые боины и не знал пощады. Они держали оружие наготове, дула автоматов смотрели прямо в грудь Элиаса, и он видел, как пальцы некоторых из них уже лежат на спусковых крючках. Одно неверное движение - и его изрешетят.

- Ты арестован за измену, - сказал один из них, делая шаг

вперёд. Это был капитан - высокий, сухой мужчина с грубым лицом, изрезанным глубокими морщинами, и холодными, как сталь, глазами. Он говорил спокойно, будто объявлял погоду, и в его голосе не было ни капли сомнения или сочувствия. - Следуйте за нами. Без сопротивления.

Элиас сжал пистолет так сильно, что побелели костяшки пальцев. Он смотрел на капитана, на его бесстрастное лицо, и чувствовал, как внутри него поднимается волна ярости, почти ослепляющая. Он хотел крикнуть, что это ложь, что он - законный лидер, что Генерал - узурпатор, но слова застревали в горле. Он знал, что это бесполезно. Эти люди не слушают. Они выполняют приказ.

- Я - лидер Совета! - крикнул он, и голос его дрогнул, но не сломался. Он пытался прорваться сквозь кольцо, но солдаты сомкнули ряды, и он наткнулся на стену бронированных тел. - Я был избран народом! Я сражался за этот город, когда вас ещё не было! Я отдал ему всё, что у меня было, - каждую каплю крови, каждый час сна, каждую надежду! Вы не имеете права!

- У нас есть приказ Генерала, - холодно ответил капитан, и в его голосе проскользнула тень раздражения. - Спротивляться бесполезно. Ты окружён. Мы не хотим причинять тебе вреда, но если ты будешь сопротивляться, мы применим силу. Выбирай, Элиас. Сдайся добровольно, или мы сделаем это силой.

Элиас огляделся. Он видел, как в дальнем конце коридора

его люди - те немногие, кто остался верен ему, - пытаются пробиться к нему. Их было человек десять, не больше. Они сражались отчаянно, с криками и проклятиями, но солдаты Генерала окружали их со всех сторон, и они падали один за другим под градом пуль. Он видел, как старый полковник, его друг и соратник, рухнул на колени, схватившись за грудь, и больше не поднялся. Он видел, как молодой связист, мальчишка лет девятнадцати, пытался отползти в сторону, но его настигла пуля, и он замер в неестественной позе, раскинув руки. Он видел, как его адъютанта, того самого лейтенанта с повязкой, который ещё минуту назад кричал о своей верности, уводят в другую сторону, волоком по полу, оставляя за собой кровавый след. Адъютант не кричал больше - он просто смотрел на Элиаса, и в его единственном глазу была мольба, страх и прощание. Элиас знал, что больше никогда не увидит его живым.

И в этот момент внутри него что-то сломалось. Ярость, которая кипела в нём, вдруг ушла, оставив после себя пустоту - холодную, всепоглощающую, как зимняя пустошь. Он понял, что проиграл. Он понял, что эта битва кончена, что его люди умирают за него, а он не может им помочь. Он понял, что если он будет сопротивляться, они продолжают умирать - и все напрасно.

Он медленно опустил руки. Пистолет выпал из его ослабевших пальцев и с глухим металлическим звоном ударился о каменный пол, отскочив в сторону. Он закрыл глаза,

чувствуя, как холодный пот стекает по его спине, как сердце бьётся где-то в горле, как в ушах шумит кровь. Он сделал глубокий вдох - последний свободный вдох в этой жизни.

- Я сдаюсь, - сказал он тихо, и голос его был ровным, почти спокойным, хотя внутри всё дрожало. - Но я не предатель. Я никогда не был предателем. Я просто верил в лучшее. Я верил, что мы можем построить мир. И если за это надо умереть, я умру с этим.

Солдаты не ответили. Они просто схватили его - грубо, безжалостно, вывернув руки за спину и защёлкнув на запястьях холодные стальные наручники. Металл впился в кожу, оставляя красные полосы. Они повели его по коридору, и он не сопротивлялся. Он шёл, стараясь держать голову прямо, стараясь не смотреть на тела своих людей, которые лежали на полу, в лужах крови, с открытыми глазами, устремлёнными в никуда. Он шёл, слыша, как за его спиной стихают крики, как затихает стрельба, как наступает тишина - страшная, гнетущая тишина, которая говорила о том, что его дело проиграно. Его вели по коридорам, и он видел, как из дверей выходят люди Генерала, как они занимают посты, как они убирают тела его сторонников, как они стирают все следы его власти. Он видел, как они срывают со стен портреты членов Совета, как они топчут ногами документы, которые он подписывал. Он видел, как мир, который он строил, рушится на его глазах, превращаясь в пепел.

Его вывели на площадь, и яркий свет фонарей ударил в

глаза, ослепив на мгновение. Там, на импровизированной трибуне, стоял Генерал - в парадной форме, с медалями на груди, с орденскими планками, которые он получил за участие в тех же боях, что и Элиас. Его лицо было спокойным, почти торжественным, и он смотрел на толпу, которая собралась вокруг, как на стадо, которое он собирался пасти. Толпа гудела - сотни, может быть, тысячи людей, которые пришли посмотреть на казнь, на торжество правосудия, на то, как падает тот, кому они верили. Они не знали правды. Они не знали, что Генерал - узурпатор. Они не знали, что Элиас не предатель. Они верили тому, что им говорили, потому что они боялись, потому что они хотели верить, что кто-то их спасёт.

- Вы видите этого человека? - крикнул Генерал, поднимая руку и указывая на Элиаса. Его голос гремел над площадью, и каждое слово отдавалось в ушах, как удар колокола. - Вы видите того, кого вы называли своим лидером? Кому вы доверяли свои жизни, своих детей, свои надежды? Он - клон. Он был создан Маркусом Восом, тем самым тираном, который поработил нас, который сжигал наши дома и убивал наших близких. Он врал вам всё это время. Он прятал свою истинную природу, чтобы завоевать ваше доверие, чтобы предать вас, как только наступит подходящий момент. Он - предатель. Он - враг. И он ответит за свои преступления!

Толпа загудела. Кто-то кричал: «Смерть предателю!», кто-то аплодировал, кто-то просто молчал, глядя на Элиаса с

ужасом и неверием. Элиас смотрел на них - на эти лица, которые он знал, с которыми он делил хлеб, которых он защищал, для которых он строил этот мир. И в их глазах он видел только страх и ненависть. Он не видел ни капли сомнения, ни искры сомнения, ни тени благодарности. Они отвернулись от него, как отвернулись от всего, что он делал. Он был для них чужаком, врагом, монстром.

Генерал спустился с трибуны и подошёл к Элиасу. Он стоял так близко, что Элиас мог видеть каждую морщину на его лице, каждый седой волос, каждую каплю пота, выступившую на его лбу. Он смотрел на Элиаса с холодным презрением, и в его глазах не было ни капли сожаления.

- Ты проиграл, - сказал он тихо, так что только Элиас мог его слышать. - Ты слишком долго верил в людей. Ты думал, что они достойны свободы. Но они не достойны. Они хотят только порядка. И я дам им его.

- Ты ошибаешься, - ответил Элиас, и голос его был тихим, но твёрдым. - Ты думаешь, что порядок - это всё. Но без свободы порядок - это просто другая форма рабства. Ты станешь тем же, чем был Маркус. И тогда они возненавидят тебя так же, как ненавидят меня сейчас.

Генерал усмехнулся, но ничего не ответил. Он просто махнул рукой, и солдаты увели Элиаса в темноту, к камерам, которые ждали его внизу, в подвалах штаба.

Элиас шёл, не оглядываясь. Он слышал, как толпа за его спиной продолжает кричать, как Генерал обращается к ним

с новой речью, как они аплодируют ему. Он шёл, чувствуя, как холодный камень давит на его ноги, как наручники впи-
ваются в запястья, как боль в плече - от той старой раны -
становится невыносимой. Он шёл, и в его голове звучал го-
лос Горы, но теперь он был тихим, почти грустным:

«Ты проиграл эту битву, Элиас. Но война не закончена. Ты ещё можешь спасти Айрис. Ты ещё можешь остановить „Эдем“. Ты ещё можешь изменить всё. Но для этого ты дол-
жен выжить. Ты должен выбраться отсюда».

Элиас сжал кулаки, насколько позволяли наручники, и по-
обещал себе: он выживет. Он выберется. Он найдёт Айрис. Он остановит «Эдем». Он вернётся и освободит этот город, даже если для этого ему придётся пройти через ад. Он сде-
лает это. Он не позволит Генералу победить. Он не позволит Генералу превратить этот мир в новый «Агро-Континент». Он будет бороться до конца. Ради всех, кто погиб. Ради всех, кто ещё жив. Ради Айрис. Ради Горы. Ради Кейна. Ради сво-
боды.

Камера захлопнулась за его спиной, и он остался один в темноте. Но внутри него горел огонь - слабый, но упрямый, который не мог погасить никакой мрак.

Элиас сидел в камере и смотрел на пустую стену. Вокруг было темно, и тишина давила на него, как бетонная плита. Он слышал только своё дыхание и сердцебиение, которое от-
давалось в висках глухим, ритмичным стуком. Стены были сырыми, холодными, и он чувствовал, как холод пробирает-

ся в его кости, заставляя его дрожать. Он сидел на полу, прижавшись спиной к стене, и смотрел в темноту, которая, казалось, не имела конца. Он не знал, сколько времени прошло - час, два, целая вечность.

Он думал о том, как оказался здесь. Всего несколько часов назад он был лидером Совета, человеком, который строил новый мир на пепле старого. Он верил, что может изменить всё, что может создать общество, где люди и клоны будут жить в мире. Он верил, что дипломатия и доверие могут победить ненависть и страх. Теперь он сидел в камере, обвинённый в измене, преданный человеком, которому он доверял больше всех. Он думал о Генерале, о том, как они сражались бок о бок, как они делили хлеб и воду, как они мечтали о будущем. И теперь Генерал стал его врагом.

Он думал о Горе - о том, как они сражались вместе, как Гора умирал у него на руках, как он поклялся построить мир, в котором не будет войн и страданий. Гора был его другом, его братом, его наставником. Он научил Элиаса не бояться, научил его верить в людей, научил его быть сильным, но не жестоким. И теперь он сидел в камере, преданный, и Гора не мог помочь ему. Или мог? Голос Горы всегда был с ним.

Он думал о Кейне, о том, как тот улыбался, когда они праздновали победу. О том, как он держал Айрис за руку и обещал ей, что всё будет хорошо. Кейн погиб, защищая свободу, защищая то, во что они верили. Он погиб с улыбкой на лице, зная, что его жертва не будет напрасной. И теперь

Элиас сидел здесь, и свобода умирала у него на глазах. Он чувствовал, что предал память Кейна.

Он думал об Айрис. Она была его опорой, его совестью, его надеждой. Она ушла на восток, чтобы остановить «Эдем», чтобы найти «Протокол 7», чтобы спасти мир. И он остался здесь, в этой камере, и не мог помочь ей. Он не знал, жива ли она, не знал, удалось ли ей добраться до «Эдема», не знал, увидит ли он её когда-нибудь снова. Мысль о том, что он может потерять её, разрывала его изнутри.

И в этой тишине, в этой темноте, снова зазвучал голос Горы. Он был тихим, но отчётливым, как шёпот ветра в пустом коридоре. Он звучал прямо в голове Элиаса, как будто Гора сидел рядом с ним и говорил ему на ухо.

«Я предупреждал тебя».

Элиас не ответил. Он просто сидел и слушал.

«Ты был слишком мягок. Ты доверял тем, кому нельзя доверять. И теперь ты здесь. Ты потерял всё - город, власть, свободу. Ты проиграл».

- Я не хотел быть тираном, - прошептал Элиас в темноту. Голос его дрожал, но он старался говорить твёрдо. - Я хотел построить мир. Я хотел, чтобы люди и клоны жили вместе. Я хотел, чтобы никто не умирал от голода и страха. Я хотел, чтобы дети могли играть на улицах, не боясь взрывов. Разве это так плохо? Разве это делает меня слабым?

«Мир строится на силе. На крови. На страхе. Ты думал, что можно построить мир на любви и доверии? Это иллю-

зия. Ты был слаб, и тебя съели. Генерал сильнее тебя. Он всегда был сильнее».

- Я не слаб, - сказал Элиас, и в его голосе появилась твёрдость. - Я просто верил в лучшее. Я верил, что люди могут измениться. Я верил, что мы можем быть лучше, чем были раньше. Я верил, что человечество не обречено на вечную войну.

«И что это тебе дало? Ты здесь. Ты один. Ты потерял всё. Ты должен был ударить первым. Ты должен был взять власть. И тогда этот город был бы твоим. Ты мог бы править железной рукой, как Гора».

- Я не хочу власти, - сказал Элиас, поднимая голову и глядя в темноту. - Я хочу свободы. Для всех. Для людей, для клонов, для тех, кто ещё жив, и для тех, кто уже умер. Я хочу, чтобы они могли жить без страха. Ты говоришь мне, что свобода - это миф. Но я видел её. Я чувствовал её. Когда мы победили «Агро-Континент», когда мы стояли на руинах башни Маркуса, я чувствовал её.

«Свобода - это миф. Есть только сила. И ты потерял её».

Элиас закрыл глаза. Он знал, что голос Горы - это его собственный страх, его собственная вина, его собственная паранойя. Гора никогда не говорил так жестоко при жизни. Гора был воином, но он был добрым человеком. Он верил в людей, он верил в лучшее. Этот голос, который звучал сейчас, был порождением его собственных сомнений, его собствен-

ного отчаяния. Он говорил сам с собой, и его страх принимал облик друга, чтобы убедить его сдаться.

Но сейчас он не мог отличить правду от иллюзии. Он потерял город, он потерял свободу, он потерял всё, что имел. Но он ещё мог спасти Айрис. Он ещё мог остановить «Эдем». Он ещё мог вернуть надежду тем, кто верил в него. Он не мог позволить себе сдаться.

Он сжал кулаки и пообещал себе: он выберется отсюда. Он найдёт Айрис. Они остановят «Эдем». И тогда он вернётся, чтобы освободить город. Он сделает это, даже если для этого ему придётся пройти через ад. Даже если для этого ему придётся стать тем, кого он всегда ненавидел.

Он встал и подошёл к решётке камеры. Он смотрел в коридор, где горел тусклый свет, и слушал шаги охранников. Они ходили туда-сюда, их шаги были мерными, спокойными - они не ждали проблем. Они думали, что он сломлен. Они ошибались. Элиас смотрел на тусклый свет и знал, что он должен ждать. Он должен дождаться подходящего момента, чтобы нанести удар.

Он сел на пол и начал ждать.

Элиас слышал шаги у двери. Тяжёлые, быстрые, крадущиеся. Он встал, готовый к бою, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, как адреналин заливает кровь. Он не знал, кто идёт - Генерал с палачами или кто-то ещё. Он приготовился умереть, но не сдаваться. Он сжал кулаки, встал в боевую стойку и ждал, глядя в темноту.

Дверь открылась, и он увидел старого союзника - охранника, который служил с ним ещё во время войны, который сражался рядом с ним в самые тяжёлые дни. Он был бледен, тяжело дышал, и на его лице были следы борьбы - кровоподтёки, царапины, грязь. Его форма была порвана, на рукаве была кровь, и он едва держался на ногах. Он опирался о стену, чтобы не упасть.

- Командир, - прошептал он, оглядываясь по сторонам, проверяя, не идёт ли кто-то за ним. - Я открою камеру. Беги на восток. Найди Айрис. Без вас мы проиграем.

- Кайл, - сказал Элиас, узнавая его. - Ты рискуешь жизнью. Если тебя поймают...

- Я знаю, - ответил Кайл, и в его голосе была решимость, которая не терпела возражений. Он подошёл ближе и начал возиться с замком на двери камеры. - Я знаю, на что иду. Но я верю в тебя, командир. Ты - наша единственная надежда. Ты должен жить. Ты должен найти Айрис. Она - наш ключ к победе над «Эдемом». Без вас мы все умрём. Ты слышишь меня? Мы все умрём.

Элиас смотрел на старого друга. Он вспомнил, как они вместе штурмовали «Агро-Континент», как Кайл прикрывал его спину, как они пили воду из одной фляги, как они мечтали о мире. Он вспомнил, как Кайл сказал ему однажды: «Я пойду за тобой в огонь и воду. Ты - наш лидер. Ты - наша совесть». И вот теперь Кайл рисковал жизнью, чтобы спасти его.

- Как ты пробрался сюда? - спросил Элиас, подходя ближе.

- Охрана усилена. Генерал поставил своих лучших людей.

- Я знаю каждый уголок этого здания, - ответил Кайл, продолжая возиться с замком. - Я работаю здесь двадцать лет. Генерал думает, что он всё контролирует, но он не знает о старых ходах. Я пробрался через подвал, через тоннели, которые никто не охраняет. Там темно, сыро, но я знаю каждый поворот. И я знаю, как вывести тебя отсюда.

С замком раздался щелчок. Кайл открыл дверь и шагнул внутрь, протягивая Элиасу старый ржавый ключ и маленький пистолет.

- Возьми это, - сказал он. - Путь будет долгим. Тебя будут искать. Генерал уже объявил тебя предателем. Он сказал, что ты сбежал, и приказал стрелять на поражение. Ты должен быть осторожен. Тебя будут искать везде, на всех дорогах.

- Спасибо, Кайл, - сказал Элиас, беря оружие и ключ. - Ты спас мне жизнь.

- Не благодари, - ответил Кайл, тяжело дыша. - Иди. У тебя мало времени. Генерал уже отдал приказ о твоём задержании. Иди, командир. Найди Айрис.

Элиас выскользнул из камеры и побежал через подземные тоннели, которые Кайл открыл для него. Он бежал, не оглядываясь, зная, что если его поймают, он умрёт. Он бежал так быстро, как только мог, чувствуя, как ноги гудят от напряжения, как лёгкие горят от недостатка воздуха. Он слышал крики за спиной - солдаты Генерала заметили его. Они бе-

жали за ним, их шаги отдавались эхом в узких проходах, их крики становились всё громче. Но он не останавливался. Он бежал через тёмные проходы, через подземные реки, через руины старого города, который был похоронен под землёй.

Он слышал выстрелы позади - пули свистели мимо, ударяясь о стены. Он петлял, уворачивался, нырял в узкие проходы, которые не могли пройти солдаты. Он бежал, пока не выбрался на окраину города. Он остановился у старой стены и перевёл дыхание. Вокруг было тихо - только ветер завывал в пустошах, разнося запах пыли и пепла. Он посмотрел на звёзды, которые сияли в небе, как обещание новой жизни. Он сжимал в руке ключ, который дал ему Кайл - ключ к свободе, к будущему.

Он смотрел на город, который горел за его спиной. Он видел зарево, освещающее ночное небо, слышал крики людей, которые всё ещё были там. Он знал, что Генерал захватил власть, что город потерян для него, что его люди арестованы или убиты. Но он знал и другое - война ещё не закончена.

- Я вернусь, - прошептал он в темноту. - Я вернусь за вами. Я освобожу вас. Я обещаю.

Он повернулся и пошёл на восток, в пустоши, где его ждала судьба. Он шёл всю ночь, не останавливаясь, и на рассвете увидел горизонт, где сиял свет куполов «Эдема». Он был близко. Он найдёт Айрис. Он спасёт мир.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но он знал одно - он не сдастся. Он будет бороться до конца.

Элиас бежал по пустынной дороге, и каждый шаг отдавался в его груди глухим, рваным стуком сердца, которое, казалось, вот-вот выпрыгнет из горла. Ноги его гудели от напряжения, мышцы горели огнём, и лёгкие хватали воздух жадными, судорожными глотками, но он не останавливался. Он не мог остановиться. Он бежал, не оглядываясь, потому что знал: если он обернётся, если увидит город, который оставляет за спиной, - он сломается. А он не мог позволить себе сломаться. Не сейчас. Не после всего.

Вокруг простиралась серая, безжизненная равнина - бескрайнее море пыли и камней, которое уходило к самому горизонту, сливаясь с низким свинцовым небом. Ветер завывал в пустошах, разнося запах дыма и пепла, смешанный с горьким привкусом гари, который оседал на языке и не давал дышать полной грудью. Этот запах преследовал его уже много лет - с самой первой бомбардировки, с самого первого дня войны. Он вьёлся в его одежду, в его кожу, в его лёгкие, и теперь, казалось, стал частью его самого. Но сегодня этот запах был особенно сильным, особенно едким. Потому что сегодня горел город, который он строил.

Город, который он защищал.

Город, который он любил.

И теперь он был в руках Генерала.

Элиас сжал зубы до скрежета, чувствуя, как желваки ходят под кожей, и ускорил бег. Он бежал уже час, может быть, два - он потерял счёт времени. Равнина вокруг была однооб-

разной и пустой, и только редкие остовы сгоревших машин, торчащие из пыли, как ржавые кости вымерших животных, напоминали о том, что когда-то здесь была жизнь. Он спотыкался о камни, падал на колени, поднимался и снова бежал, чувствуя, как пыль забивается в рот, в нос, в глаза, как песок скрипит на зубах. Он бежал, и каждый вдох давался ему с трудом, каждый выдох вырывался из груди хрипом. Но он не останавливался. Он не мог остановиться.

Он бежал на восток. Туда, где его ждала Айрис. Туда, где, как он верил, всё ещё был шанс на спасение.

В правой руке он сжимал пистолет, который дал ему Кайл - старый, потёртый, с выщербленной рукояткой и нацарапанными инициалами прежнего владельца. Металл был холодным и тяжёлым, и Элиас чувствовал его тяжесть каждой клеткой своего тела. Он не знал, пригодится ли ему это оружие - в обойме было всего три патрона, и они могли спасти его жизнь или стать его смертью, - но он знал, что это его единственная защита. Единственное, что осталось у него от того, кто рискнул жизнью ради него. Он сжал рукоятку так сильно, что костяшки пальцев побелели, и почувствовал, как холодный металл постепенно нагревается от его ладони.

Он бежал, и мысли его крутились, как колёса сломавшегося механизма, цепляясь друг за друга, перескакивая с одного на другое, не давая покоя.

Кайл. Он думал о Кайле - о том, как тот открыл камеру, как он смотрел на него в последний раз, как в его глазах бы-

ла надежда и страх одновременно. Кайл сказал: «Ты - наша единственная надежда. Ты должен жить». И Элиас бежал, чтобы оправдать эту надежду. Но в глубине души он знал: Кайл, скорее всего, уже мёртв. Генерал не прощает предательства. Он прикажет казнить его на площади, как казнил майора Торна. И Элиас не сможет спасти его. Он не сможет спасти никого, кто остался в городе.

Генерал. Он думал о Генерале - о том, как тот предал его, как он использовал его тайну, чтобы уничтожить его. Генерал знал правду о нём. Знал, что он - клон. Знал, что он был создан Маркусом Восом. И он использовал это знание как оружие, как топор, которым разрубил всё, что Элиас строил. Элиас не мог винить его за это - Генерал всегда был прагматиком, всегда верил, что мир держится на силе, а не на словах. Но он мог ненавидеть его. И он ненавидел. Ненавидел за то, что тот сделал с городом, с его людьми, с его мечтами. Ненавидел за то, что тот заставил его бежать.

Айрис. Он думал об Айрис. О том, как она ждёт его где-то там, в неизвестности, в самом сердце врага. Он не знал, жива ли она, не знал, удалось ли ей добраться до «Эдема», не знал, сможет ли он найти её среди тысяч людей, которые населяли этот идеальный город-ловушку. Он представлял её лицо - бледное, уставшее, но с тем стальным блеском в глазах, который всегда появлялся у неё, когда она бралась за что-то важное. Он вспоминал её голос - тихий, но твёрдый, который успокаивал его в самые тяжёлые моменты. Он хотел

верить, что она жива, что она ждёт его, что они ещё увидятся. Это была его единственная надежда.

И вдруг он услышал её голос.

Он был отчётливым и ясным, как будто Айрис стояла рядом с ним, как будто она шептала ему на ухо, касаясь губами его виска. Голос прозвучал прямо в его голове - не как воспоминание, а как живое присутствие, как мгновенная связь, которая преодолела расстояние и время:

«Не доверяй Эдему».

Элиас остановился так резко, что его ноги подкосились, и он едва удержался на ногах, пошатнувшись и опершись рукой о колено. Сердце его бешено колотилось, дыхание сбилось, и он повертел головой, ища её взглядом, ожидая увидеть её силуэт среди серых камней и пыли. Но вокруг была только пустота - бескрайняя, безжизненная, молчаливая. Только ветер завывал в пустошах, разнося песок и пепел, только облака медленно ползли по низкому небу, закрывая редкие лучи утреннего солнца.

Он знал, что это был не её настоящий голос. Она была далеко - за сотни километров отсюда, в самом сердце врага, в этом городе-кубке, который обещал рай, но скрывал тюрьму. Это был голос его собственного разума, его собственного страха, его собственной интуиции, которая приняла её облик, чтобы предупредить его. Но он слышал его так ясно, так отчётливо, как будто она действительно стояла рядом, как будто она знала, о чём он думает, и пыталась защитить его

от ошибки.

- Я знаю, - прошептал он в ответ, и голос его сорвался, превратившись в хрип. - Я не доверяю им. Я верю только тебе. Я найду тебя. Я обещаю.

Он постоял несколько секунд, прислушиваясь к тишине, которая снова заполнила пустоши, - и затем продолжил бежать. Но теперь голос Айрис звучал в его голове непрерывно, как мантра, как напоминание о том, что он должен сделать. Он бежал на восток, туда, где вдалеке уже начинали угадываться очертания куполов «Эдема» - слабое серебристое свечение на горизонте, которое манило его, как маяк в ночи.

Он бежал через пустоши, через руины старых городов, через поля, где когда-то росла пшеница, а теперь была только пыль и пепел. Он бежал мимо сгоревших деревень, мимо заброшенных ферм, мимо кладбищ, где ржавые кресты клонились к земле под тяжестью времени. Он бежал, чувствуя, как ветер обжигает его лицо, как боль в ногах становится почти невыносимой, как в груди начинает саднить от недостатка воздуха. Но он не останавливался. Он не мог остановиться.

Он думал о том, что оставил позади. О людях, которые верили в него. О солдатах, которые сражались за него до последнего патрона. О Кайле, который пожертвовал своей свободой, чтобы дать ему шанс. О Горе, который учил его быть сильным. О Кейне, который улыбался, даже когда умирал. Он думал о всех, кто погиб, чтобы он мог стоять здесь, бежать по этой пустынной дороге, искать Айрис, бороться за

будущее. И он знал: он не может их подвести. Он не имеет права сдаваться.

Он бежал, и перед его глазами проносились картины прошлого: как они праздновали победу над «Агро-Континент», как они поднимали бокалы за павших, как они клялись построить новый мир. Он вспоминал лица своих друзей - живые, смеющиеся, полные надежды. И теперь все они были мертвы или потеряны. Гора мёртв. Кейн мёртв. Кайл, скорее всего, мёртв. Айрис - неизвестно где. И он остался один. Один против всего мира, который ополчился на него.

Он бежал, и слёзы смешивались с потом и пылью на его лице. Но он не плакал - он не мог позволить себе слабость. Он сжимал зубы и бежал дальше, чувствуя, как внутри него поднимается волна решимости, которая сметает все сомнения. Он найдёт Айрис. Он остановит «Эдем». Он вернётся и освободит город. Он сделает это, даже если для этого ему придётся пройти через ад. Даже если для этого ему придётся стать тем, кого он всегда ненавидел. Он не позволит Генералу победить. Он не позволит «Эдему» уничтожить мир. Он будет бороться до последнего вздоха.

Он бежал, пока не увидел на горизонте первые лучи солнца. Они были бледными, холодными, едва пробивающимися сквозь плотные тучи, но они давали ему надежду. Они напоминали ему о том, что даже в самой тёмной ночи наступает рассвет. Что даже в самой безнадёжной ситуации есть шанс. Что даже когда кажется, что всё потеряно, можно найти в

себе силы идти дальше.

Он остановился на вершине холма, чтобы перевести дыхание, и посмотрел на восток. Вдалеке, на самом краю горизонта, он увидел слабое мерцание - серебристый свет, который отражался от куполов «Эдема». Он был ещё далеко, но он уже чувствовал его присутствие. Он знал, что его ждёт там. Он знал, что это будет опасно. Но он также знал, что у него нет выбора. Он должен идти. Он должен найти Айрис. Он должен спасти мир.

Он сделал глубокий вдох - холодный, обжигающий лёгкие - и почувствовал, как боль в ногах становится чуть менее острой. Он вытер пот с лица рукавом, поправил повязку на раненом плече, которое всё ещё ныло, и снова сжал в руке пистолет. Затем он сделал шаг вперёд, вниз по склону холма, и продолжил свой путь.

Он шёл, и в его голове снова зазвучал голос Айрис:

«Не доверяй Эдему».

- Я не доверяю, - ответил он, глядя вперёд, на сияющие купола. - Я верю только тебе.

И он пошёл дальше.

Элиас шёл по пустошам уже несколько часов, и каждый шаг давался ему с трудом. Ноги его гудели от напряжения, плечо ныло тупой, пульсирующей болью, и он чувствовал, как слабость разливается по телу, заставляя его спотыкаться о камни и едва удерживаться на ногах. Солнце поднималось всё выше, обжигая его лицо и руки, и воздух становился тя-

жёлым, сухим, с горьким привкусом пыли, который оседал на языке и не давал дышать полной грудью. Пустоши простирались вокруг на многие километры - серые, безжизненные, усеянные обломками старых машин и остовами разрушенных зданий, которые торчали из земли, как ржавые зубы вымершего зверя.

Он шёл, стараясь не думать о боли, не думать о жажде, которая жгла горло, не думать об усталости, которая сковывала каждое движение. Он думал только об Айрис, о том, как она ждёт его там, в «Эдеме», о том, как он должен найти её, должен спасти её, должен остановить этот безумный мир, который рушился на его глазах. Он думал о Кайле, о том, как тот пожертвовал собой, чтобы он мог бежать, о Горе, о Кейне, о всех, кто погиб, чтобы он мог идти дальше. Он не мог подвести их. Он не имел права остановиться.

И вдруг он услышал его - далёкий, но нарастающий гул двигателей, который разносился по пустошам, как раскат грома над безмолвной равниной. Сначала он подумал, что это просто ветер, который завывал в руинах, создавая странные звуки, но гул становился всё громче, всё отчётливее, и он понял: это не ветер. Это машины. Много машин. И они приближались.

Элиас обернулся и увидел вдалеке облако пыли - несколько тёмных точек, которые двигались по его следу с пугающей скоростью. Они мчались по пустошам, поднимая за собой шлейф серой пыли, который тянулся на сотни метров, и дви-

гались они быстро, уверенно, как хищники, которые напали на след добычи и не собирались его терять. Он знал, что это не случайные путники. Это была погоня. Генерал отправил своих людей за ним, чтобы завершить то, что он начал.

Сердце его бешено заколотилось в груди, и он почувствовал, как адреналин снова заливает кровь, прогоняя усталость и боль. Он пригнулся и побежал к ближайшим руинам - старому зданию, которое когда-то было фермой. Стены его были полуразрушены, крыша обвалилась, и из окон торчали ржавые арматуры, но там можно было укрыться, там можно было спрятаться от преследователей, там можно было перевести дыхание и попытаться придумать план. Он добежал до руин, перепрыгивая через груды битого кирпича и осколки стекла, и прижался к холодной, шершавой стене, пытаясь отдышаться.

Сердце колотилось в груди, как бешеное, и он чувствовал, как пот стекает по лицу, смешиваясь с пылью и грязью. Дыхание его было прерывистым, хриплым, и он старался дышать тихо, чтобы не выдать себя. Он слышал, как машины останавливаются в нескольких сотнях метров от него, как глохнут двигатели, как открываются двери, как солдаты выходят и переговариваются между собой.

- Он не мог уйти далеко, - сказал один из них, и голос его был спокойным, деловым, как будто он занимался обычной рутинной. - Он ранен. Он не сможет долго бежать. Мы настигнем его здесь, в этих руинах. Он не уйдёт.

- Генерал сказал, что он должен быть жив, - ответил другой, и в его голосе послышалась лёгкая усмешка. - Он хочет устроить публичную казнь. Чтобы все видели, что случается с предателями. Хочет, чтобы его смерть стала уроком для всех, кто осмелится бросить ему вызов. Хочет, чтобы его имя стёрли из памяти.

- Он будет висеть на площади до тех пор, пока от него не останется один скелет, - добавил третий, и в его голосе была плохо скрытая жестокость. - А потом его кости скормят собакам. Так Генерал поступает с теми, кто предаёт его. Элиас будет хорошим примером.

Элиас сжал зубы так сильно, что хрустнула челюсть. Генерал хотел не просто убить его. Он хотел уничтожить его. Он хотел превратить его в символ, в предупреждение для всех, кто осмелится бросить ему вызов. Он хотел, чтобы его имя стало проклятием, чтобы его смерть стала уроком для всех, кто верит в свободу. Но Элиас не собирался позволить ему это сделать. Он не собирался умирать здесь, в этой пыльной пустоши, вдали от Айрис, вдали от всего, что он любил. Он не собирался становиться чьим-то уроком.

Он сжал в руке пистолет, который дал ему Кайл, и почувствовал его холодную тяжесть. Три патрона. Всего три выстрела, чтобы остановить их. Этого было недостаточно, чтобы перестрелять их всех, но достаточно, чтобы задержать их, чтобы выиграть время, чтобы найти способ сбежать. Он слышал, как они приближаются, как их шаги становятся всё

громче, как они переговариваются между собой, смеются, как будто они не воспринимают его всерьёз. Но он знал, что они ошибаются. Он не был загнанной дичью. Он был охотником, который ждал своего часа.

Он ждал, прижавшись к стене, чувствуя, как холодный камень давит на его спину, как сердце бьётся в унисон с шагами солдат. Он слышал их шаги, их голоса, их дыхание. Он ждал, пока они окажутся в пределах досягаемости. И когда они были уже рядом, когда он мог разглядеть их лица через трещины в стене, он выскочил из укрытия и выстрелил.

Первый солдат упал, схватившись за грудь, с глухим стоном, прежде чем его тело рухнуло на землю, поднимая облако пыли. Второй закричал и попытался выстрелить в ответ, но Элиас был быстрее. Он выстрелил снова, и второй солдат упал рядом с первым, его автомат выпал из рук и с глухим стуком ударился о камни. Остальные закричали, бросились к нему, открыв огонь на подавление, но он уже бежал к следующему укрытию, стреляя на бегу, чувствуя, как пули свистят над его головой, как осколки камней разлетаются в стороны, как пыль забивает глаза и рот.

Он бежал через пустоши, петляя между обломками, уворачиваясь от пуль, чувствуя, как адреналин заливает его кровь, делая его быстрее, острее, сильнее. Он слышал, как они кричат за его спиной, как они стреляют, как они бегут за ним, как их шаги становятся всё ближе. Но он не останавливался. Он бежал к следующему зданию, к следующему укры-

тию, к следующему шансу выжить.

Он пробежал мимо старого трактора, проржавевшего и сгоревшего, мимо груды бочек, из которых сочилась маслянистая жидкость, мимо остовов машин, которые когда-то были гордостью человечества. Он бежал, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в ногах, как лёгкие горят от недостатка воздуха, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Он бежал, потому что знал: если он остановится, если он замедлится, они настигнут его, и тогда всё будет кончено.

И вдруг он почувствовал острую боль в плече - жгучую, пронзительную, как удар раскалённого ножа. Он упал на колени, почувствовав, как по руке течёт горячая кровь, как она пропитывает его рубашку, как она стекает по пальцам и капает на землю, оставляя тёмные пятна на серой пыли. Он закричал от боли, но не остановился. Он поднялся на ноги, пошатываясь, и побежал дальше, прижимая руку к груди, чувствуя, как кровь продолжает течь, как слабость разливается по телу, как мир начинает плыть перед глазами. Но он не остановился. Он бежал, пока не скрылся за следующим холмом, пока не почувствовал, что ноги больше не держат его, что сознание начинает ускользать, что темнота подступает к краям зрения.

И тогда он упал в траву - высокую, сухую, колючую, которая царапала его лицо и руки, - и закрыл глаза. Он лежал, чувствуя, как кровь продолжает сочиться из раны, как боль пульсирует в плече, как сердце бьётся где-то в горле.

Он слышал, как голоса преследователей становятся всё тише, как они удаляются, думая, что он мёртв. Они видели, как он упал, как он закричал, как его тело скрылось за холмом. Они не знали, что он жив. Они не знали, что он продолжит бороться.

Он лежал в траве, чувствуя, как сознание медленно возвращается к нему, как боль становится чуть менее острой, как дыхание выравнивается. Он смотрел на небо - серое, низкое, с редкими просветами голубого, где пробивались лучи солнца. Он смотрел на облака, которые медленно плыли по небу, и думал о том, что ещё жив. Что он ещё может бороться. Что он ещё может найти Айрис. Что он ещё может изменить всё.

Он медленно поднялся на ноги, чувствуя, как каждая клетка его тела протестует против движения, как боль в плече становится почти невыносимой. Он посмотрел на свою руку - она была вся в крови, и повязка, которую он наложил в бункере, промокла насквозь. Он знал, что должен перевязать рану как следует, что должен остановить кровотечение, иначе он умрёт здесь, в этой траве, вдали от Айрис, вдали от всего, что он любил.

Он осмотрелся и увидел вдалеке старый бункер - полуразрушенное сооружение, которое, казалось, было заброшено много лет назад. Он знал, что там он сможет укрыться от погони, сможет нормально перевязать рану, сможет отдохнуть и набраться сил. Он направился к нему, чувствуя, как каж-

дый шаг даётся ему с трудом, как ноги подкашиваются от усталости, как мир начинает плыть перед глазами.

Он шёл, и в его голове снова зазвучал голос Айрис:

«Не доверяй Эдему».

- Я не доверяю, - прошептал он в ответ, глядя вперёд, на бункер, который становился всё ближе. - Я верю только тебе. Я найду тебя. Я обещаю.

Он дошёл до бункера, открыл тяжёлую металлическую дверь, которая закрипела, как живое существо, и шагнул внутрь. Внутри было темно, и он слышал только своё дыхание и капли воды, которые падали с потолка где-то в глубине. Он зашёл внутрь, закрыл за собой дверь, и почувствовал, как темнота окутывает его, как тишина давит на уши. Он был один. Никто не знал, где он. Никто не мог помочь ему. Только он сам и его воля к жизни.

Он прислонился к холодной бетонной стене, медленно сполз по ней на пол и закрыл глаза. Он знал, что должен отдохнуть. Он знал, что ему нужны силы, чтобы идти дальше. Он знал, что его ждёт долгий путь через пустоши, через опасности, через врагов. Но он был готов пройти его. Ради Айрис. Ради свободы. Ради будущего.

Он сидел в темноте и слушал, как стихает шум погони за стенами бункера. Они не пошли за ним. Они думали, что он мёртв. Они ошибались.

Он выживет. Он найдёт Айрис. Он остановит «Эдем». Он сделает это.

Элиас шёл по пустошам, сжимая в руке пистолет, и чувствовал, как тяжесть оружия успокаивает его, как холодный металл придаёт ему сил, когда внутри всё сжималось от страха и боли. Ветер завывал вокруг, разнося песок и пыль, и он щурился, стараясь разглядеть дорогу впереди. Пустоши простирались на многие километры - серые, безжизненные, усеянные обломками старых машин и остовами разрушенных зданий. Он шёл, чувствуя, как каждый шаг даётся ему с трудом, как боль в плече пульсирует в такт сердцебиению, как слабость разливается по телу, заставляя его спотыкаться о камни. Но он не останавливался. Он не мог остановиться.

Он знал, что погоня не отстала. Гул двигателей, который он слышал где-то позади, был тихим, но настойчивым, как жужжание насекомого, которое не исчезало, сколько бы он ни бежал. Они были далеко, но они были там. Он хотел верить, что ушёл, что они потеряли его след, что он сможет добраться до «Эдема» и найти Айрис. Но он знал, что Генерал не остановится. Он будет посылать своих людей снова и снова, пока Элиас не будет мёртв или в его руках. Генерал не прощал предательства, и он не прощал тех, кто угрожал его власти. Элиас был для него не просто беглецом - он был символом, который нужно было уничтожить.

Элиас сжал кулаки и ускорил шаг. Он не мог позволить себе быть пойманным. Он должен был дойти до «Эдема», должен был найти Айрис, должен был остановить этот безумный мир, который рушился на его глазах. Он думал о ней, о её

лице, о её голосе, о её глазах, которые всегда смотрели на него с верой. Он думал о том, что она ждёт его, что она верит в него, что она надеется на него. Он не мог подвести её. Он не имел права сдаваться.

И вдруг он почувствовал выстрел за мгновение до того, как пуля вошла в его плечо. Это была острая, жгучая боль, которая пронзила его тело, как раскалённый нож, вонзающийся в плоть. Она была настолько сильной, что на мгновение он потерял способность дышать, и мир перед его глазами потемнел. Он упал на колени, инстинктивно прижимая руку к ране, чувствуя, как кровь хлынула сквозь пальцы - тёплая, липкая, она заливала его рубашку, стекала по руке и падала на землю, оставляя тёмные пятна на серой пыли. Он закричал, но голос его сорвался, превратившись в хрип, и он почувствовал, как к горлу подступает тошнота, как перед глазами начинают плясать тёмные пятна.

Он сжал зубы до скрежета, стараясь не терять сознание. Он видел, как мир начинает плыть перед глазами, как краски тускнеют, как темнота подступает к краям зрения. Но он не мог позволить себе упасть. Он не мог позволить себе умереть здесь, в этой пустоши, вдали от Айрис, вдали от всего, что он любил. Он не мог позволить Генералу победить. Он не мог позволить всем их жертвам стать напрасными. Он должен был жить. Он должен был бороться.

Он поднялся на ноги, пошатываясь, чувствуя, как каждый мускул в его теле протестует против движения, как боль

в плече становится почти невыносимой. Кровь продолжала течь, пропитывая его одежду, и он чувствовал, как она стекает по ноге, оставляя тёмные следы на земле. Но он не остановился. Он побежал. Он бежал, прижимая раненую руку к груди, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в плече, как кровь продолжает течь, оставляя на земле тёмный след, который мог выдать его преследователям.

Он бежал, уворачиваясь от пуль, которые свистели вокруг него, разбивая камни и поднимая облака пыли. Он слышал, как солдаты кричат за его спиной, как они переговариваются между собой, как они приближаются. Их было человек двенадцать, может быть, больше, и они двигались быстро, уверенно, как охотники, которые знают, что их добыча не уйдёт. Они были вооружены до зубов - автоматы, пистолеты, гранаты, - и они знали, что он ранен. Они знали, что он не сможет уйти далеко. Они знали, что это только вопрос времени.

- Он ранен! - крикнул один из них, высокий солдат с грубым лицом и холодными глазами, которые не выражали ни капли жалости. - Он не уйдёт далеко! Окружайте его! Не дайте ему уйти!

- Генерал хочет его живым! - ответил другой, более молодой, но с таким же холодным взглядом. Он держал оружие наготове, и его палец лежал на спусковом крючке, готовый нажать в любой момент. - Но если он будет сопротивляться, стреляйте на поражение! Он опасен! Он убил двоих наших!

Элиас слышал их голоса, но не останавливался. Он видел

впереди старое здание - полуразрушенную ферму, которая когда-то была домом для кого-то, кто мечтал о мирной жизни. Стены были обвалившимися, крыша провалилась, и из окон торчали ржавые арматуры, но там можно было укрыться, там можно было найти убежище от пуль. Он побежал к нему, чувствуя, как каждый шаг даётся ему с трудом, как силы покидают его тело, как мир начинает расплываться перед глазами. Он бежал, спотыкаясь о камни, падая на колени, поднимаясь и снова бежал, пока не добежал до здания.

Он нырнул внутрь через разбитое окно, порезав руку об осколки стекла, которые впились в его кожу, оставляя глубокие царапины. Он упал на пол, тяжело дыша, чувствуя, как боль пульсирует в плече, как кровь продолжает течь, пропитывая его одежду, как пол под ним становится влажным и скользким. Он слышал, как солдаты бегут за ним, как они окружают здание, как они кричат, что он не уйдёт, что он окружён, что ему некуда бежать. Он слышал их шаги, их голоса, их дыхание. Он знал, что они близко. Он знал, что у него осталось всего несколько секунд, чтобы принять решение.

Он перекатился за стену, которая когда-то была частью кухни, и вытащил пистолет. Его руки дрожали от напряжения и потери крови, но он заставил себя успокоиться. Он проверил обойму - четыре патрона. Всего четыре выстрела, чтобы остановить их. Он знал, что не сможет перестрелять их всех, что они слишком многочисленны и слишком хоро-

шо вооружены. Но он мог заставить их заплатить за каждый шаг. Он мог выиграть время. Он мог найти способ сбежать. Он не мог сдаться.

Солдаты начали входить в здание - медленно, осторожно, проверяя каждый угол, каждый тёмный проход, каждую трещину в стене. Они двигались как профессионалы, прикрывая друг друга, синхронно, как части одного механизма. Элиас знал, что они не новички. Это были элитные бойцы Генерала, те, кто прошёл через самые кровавые боины и не знал пощады. Они знали, что делают, и они не боялись. Они не колебались. Они просто выполняли приказ.

Элиас ждал, прицеливаясь, чувствуя, как каждый мускул в его теле напряжён до предела, как сердце бьётся где-то в горле. Он слышал их шаги, их дыхание, их шёпот. Когда первый солдат показался в дверях, он выстрелил. Пуля попала в грудь, и солдат упал с глухим стуком, даже не успев вскрикнуть. Остальные закричали, открывая огонь в ответ. Пули свистели вокруг него, разбивая камни и стекло, оставляя дымные следы в воздухе. Он откатился в сторону и выстрелил снова. Второй солдат упал, схватившись за ногу, его крик разнёсся по зданию, смешиваясь с рёвом автоматов.

Он отстреливался, пока у него не остался последний патрон. Он слышал, как солдаты приближаются, как их шаги становятся всё громче, как они окружают его со всех сторон. Он знал, что это конец. Он закрыл глаза и приготовился умереть. Он думал об Айрис, о её улыбке, о её голосе, о том, как

она ждала его. Он думал о том, что не успел сказать ей всё, что хотел. Он думал о том, что его смерть будет напрасной.

Но в этот момент он услышал крики - крики ужаса, которые разнеслись по зданию, заглушая выстрелы. Он открыл глаза и увидел, что солдаты отступают, бросая оружие, пытаясь спастись. Кто-то напал на них со спины - кто-то, кого он не видел, кто-то, кто появился из ниоткуда, как призрак, как ангел-хранитель, который пришёл, чтобы спасти его. Элиас не стал ждать. Он вскочил на ноги, чувствуя, как боль пронзает его плечо, и побежал к выходу, оставляя за спиной хаос и крики.

Он бежал через пустоши, спотыкаясь о камни, падая, поднимаясь и снова бежал, пока не упал, обессиленный, на землю за следующим холмом. Он лежал на спине, глядя в серое небо, и чувствовал, как жизнь уходит из него, как холод разливается по телу, как темнота подступает к краям сознания. Он думал об Айрис. Он не мог умереть сейчас. Он не мог позволить себе умереть, пока она ждала его. Он должен был выжить.

Он сел, чувствуя, как каждый мускул в его теле протестует против движения, и зажал рану рукой. Кровь всё ещё сочилась, но уже не так сильно. Он оторвал кусок от своей рубашки и перевязал плечо, наложив повязку как можно туже, используя зубы, чтобы завязать узел. Боль была невыносимой, она пронзила всё его тело, и он почувствовал, как к горлу подступает тошнота, но он не закричал. Он только сжал зубы

до скрежета и ждал, пока боль утихнет.

Затем он поднялся на ноги, чувствуя, как ноги подкашиваются от усталости, как мир начинает плыть перед глазами. Но он не остановился. Он пошёл дальше, шатаясь, опираясь на стены и камни, но через несколько шагов силы окончательно покинули его. Он упал в высокую, сухую, колючую траву, которая царапала его лицо и руки, и закрыл глаза.

Он лежал в траве и слушал, как стихают голоса преследователей за холмом. Они не пошли за ним. Они думали, что он мёртв. Они видели, как он упал, как закричал, как его тело скрылось за холмом. Они не знали, что он жив. Они не знали, что он продолжит бороться.

Он лежал, чувствуя, как сознание медленно ускользает от него, как темнота окутывает его, как боль становится тупой и далёкой. Он думал об Айрис. О её лице, о её голосе, о том, как она ждала его. Он думал о том, что должен найти её. Он думал о том, что не может умереть здесь. Он не может.

Но веки его тяжелели, и дыхание становилось всё тише. Он позволил себе закрыть глаза - только на мгновение, только чтобы перевести дух. Он знал, что должен встать, должен идти дальше, но тело отказывалось слушаться. Он лежал в траве, и ветер завывал над ним, разнося песок и пыль, и он чувствовал, как холод пробирается в его кости, как темнота становится всё глубже.

Он закрыл глаза и провалился в беспамятство.

Элиас шёл по пустошам уже несколько часов, и каждый

шаг давался ему с невероятным трудом. Раненое плечо горело огнём, пульсировало в такт сердцебиению, и кровь всё ещё сочилась сквозь повязку, которую он наспех наложил, оторвав кусок от своей рубашки. Он чувствовал, как слабость разливается по телу, как ноги становятся ватными, как мир начинает плыть перед глазами, а краски тускнеют, словно кто-то медленно выключает свет. Но он не останавливался. Он не мог остановиться. Он должен был найти укрытие. Он должен был перевязать рану как следует, иначе он просто истечёт кровью в этой безжалостной пустоши, и его тело найдут только стервятники. Он должен был выжить ради Айрис.

Он шёл, спотыкаясь о камни, падая, поднимаясь и снова идя вперёд, пока вдалеке не увидел бункер - старое, полуразрушенное сооружение, которое, казалось, было заброшено много лет назад. Стены его были покрыты глубокими трещинами, бетон крошился, и он выглядел так, словно мог рухнуть в любой момент от сильного порыва ветра. Но это было единственное укрытие на многие километры вокруг. Он знал, что там он сможет укрыться от погони, сможет нормально перевязать рану, сможет отдохнуть и набраться сил. Он направился к нему, чувствуя, как каждый шаг отдаётся острой болью в плече, как каждый вдох даётся ему с трудом, как лёгкие горят от недостатка воздуха. Он шёл, опираясь на стену, и чувствовал, как ноги подкашиваются от усталости, как мышцы отказываются слушаться.

Он подошёл к бункеру и остановился у входа. Дверь была массивной, металлической, покрытой толстым слоем ржавчины, которая отслаивалась кусками, и он с трудом открыл её, навалившись всем телом, чувствуя, как каждый мускул в его теле напрягается до предела. Внутри было темно, и воздух был сырым и затхлым, пахнущим плесенью, землёй и чем-то ещё - возможно, старым машинным маслом или гниющим деревом. Он зашёл внутрь и закрыл за собой дверь, чувствуя, как темнота окутывает его, как тишина давит на уши, как запах пыли заполняет лёгкие. Он был один. Никто не знал, где он. Никто не мог помочь ему. Только он сам и его воля к жизни.

Он прислонился к холодной бетонной стене и медленно сполз на пол, чувствуя, как силы окончательно покидают его тело. Он сидел в темноте, слушая своё дыхание и сердцебиение, которое отдавалось в ушах глухим, ритмичным стуком, и чувствовал, как боль пульсирует в плече, как кровь продолжает сочиться сквозь повязку. Он знал, что должен перевязать рану как следует, но у него не было сил даже пошевелиться. Он чувствовал, как холодный пот выступает на его лбу, как дыхание становится прерывистым, как перед глазами начинают плясать тёмные пятна. Он знал, что если он не перевяжет рану, он умрёт здесь, в этом сыром подвале, и никто никогда не найдёт его. Он должен был взять себя в руки.

Он закрыл глаза и позволил себе отдохнуть несколько минут, чувствуя, как тело постепенно расслабляется, как боль

становится чуть менее острой. Он думал о том, что будет дальше. Он не знал, сколько ему ещё идти до «Эдема», не знал, жив ли Кайл, который пожертвовал собой ради его побега, не знал, сможет ли он найти Айрис в этом огромном городе-кубке. Но он знал, что не может сдаться. Он не может позволить Генералу победить. Он не может позволить «Эдему» уничтожить мир. Он должен жить. Он должен бороться. Он должен идти дальше, даже если ноги отказываются слушаться.

Он открыл глаза и начал медленно раздеваться. Он снял рубашку, которая уже была вся в крови, и посмотрел на рану. Пуля прошла навылет, оставив рваную рану, из которой продолжала сочиться кровь. Края раны были неровными, воспалёнными, и он знал, что если не обработает её, начнётся заражение. Он знал, что должен остановить кровотечение, иначе он умрёт. Он оторвал ещё один кусок от рубашки, сложил его в несколько слоёв и прижал к ране, затянув повязку как можно туже, используя зубы, чтобы завязать узел. Боль была невыносимой, она пронзила всё его тело, и он почувствовал, как к горлу подступает тошнота, но он не закричал. Он только сжал зубы до скрипа и ждал, пока боль утихнет, чувствуя, как слёзы выступают на глазах от напряжения.

Он сидел в темноте, чувствуя, как боль постепенно утихает, как кровь начинает сворачиваться, как повязка пропитывается ею, но не пропускает наружу. Он знал, что должен отдохнуть, что ему нужны силы, чтобы идти дальше. Он за-

крыл глаза и начал ждать, чувствуя, как тело постепенно ослабляется, как дыхание становится ровнее. Ему нужно было время, чтобы восстановиться, чтобы собраться с мыслями, чтобы найти в себе силы идти дальше. Он знал, что его ждёт долгий путь через пустоши, через опасности, через врагов. Но он был готов пройти его. Ради Айрис. Ради свободы. Ради будущего. Ради всего, что они построили и потеряли.

Он сидел в темноте, и в его голове снова зазвучал голос Айрис: *«Не доверяй Эдему»*. Он знал, что должен помнить эти слова. Он должен был быть осторожен. Он должен был доверять только себе. Он сжал кулаки чувствуя, как боль в плече постепенно утихает, как силы медленно возвращаются к нему. Он не знал, сколько времени прошло - час, два, может быть, больше. Вокруг было тихо, и он слышал только своё дыхание и редкие капли воды, падающие с потолка где-то в глубине бункера. Он просто сидел, прислонившись к холодной бетонной стене, и слушал тишину, которая давила на него, как свинцовое одеяло, и думал о том, что будет дальше. Он знал, что должен идти дальше, но его тело требовало отдыха.

И вдруг он услышал шаги. Сначала они были далёкими, почти неслышными, но они становились всё громче, всё ближе. Это были шаги нескольких человек - он слышал, как они ступают по сухой земле, как они переговариваются вполголоса. Элиас замер, прислушиваясь, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, как адреналин снова заливает его

кровь. Он не знал, кто это - солдаты Генерала, которые нашли его следы, или кто-то другой. Он сжал в руке пистолет, хотя знал, что в нём нет патронов, и приготовился к бою. Он не собирался сдаваться. Он не собирался умирать здесь, в этом сыром и тёмном бункере.

Шаги приближались, и он слышал их голоса - несколько человек, мужчины и женщины. Они говорили на языке, который он знал, но их голоса были уставшими, измученными, как будто они прошли долгий путь через пустоши, не имея ни еды, ни воды, ни надежды. Они говорили о том, как устали, как хотят есть, как мечтают о том, чтобы найти укрытие от холода и ветра. Элиас напрягся, готовый к любому повороту. Он не знал, кто они, и не знал, что им нужно.

Дверь бункера открылась с громким скрипом, и он увидел людей, которые вошли внутрь. Их было пятеро - двое мужчин, две женщины и ребёнок. Они были одеты в лохмотья, их лица были грязными и измождёнными, и они выглядели так, как будто не ели несколько дней. Глаза их были пустыми, а движения вялыми, как у людей, которые потеряли всякую надежду. Они выглядели как беженцы, которых он видел в городе - те, кто бежал от войны, от голода, от смерти.

Они не заметили его сначала. Они просто зашли внутрь, ища укрытие от ветра, и начали говорить между собой. Элиас слышал их голоса, слышал, как они переговариваются, как они жалуются на голод, на холод, на усталость, как они говорят о том, что надеются найти спасение в «Эдеме». Один из

мужчин, старший, с седыми волосами и глубокими морщинами на лице, говорил громче других.

- Мы должны дойти до «Эдема», - сказал он, и в его голосе была мольба. - Нам сказали, что там дадут еду и кров, что там нет войны, что там мы сможем начать новую жизнь. Там не будет голода. Не будет страха. Мы будем в безопасности.

- Да, - ответила одна из женщин, молодая, с усталыми глазами и ребёнком на руках. Она держала его так крепко, как будто боялась, что его могут отнять. - Я слышала, что там есть чистая вода, что дети не болеют, что там все равны. Мы должны дойти. Ради него.

Она посмотрела на ребёнка, и Элиас увидел в её глазах отчаяние и надежду. Он видел это раньше - тысячи раз, в глазах людей, которые верили в обещания, которые были слишком хороши, чтобы быть правдой. Он знал, что «Эдем» - это не рай. Это тюрьма. Лена создала иллюзию, и эти люди верили в неё. Они шли в ловушку, и он должен был остановить их.

Он встал и вышел из тени. Бетонный пол был холодным под его босыми ногами. Люди закричали, испугавшись, и отшатнулись, прижимаясь к стенам. Ребёнок заплакал. Он поднял руки, показывая, что не хочет причинить им вреда.

- Не бойтесь, - сказал он тихо, стараясь говорить спокойно. - Я не враг. Я просто хочу предупредить вас.

- Кто ты? - спросил старший мужчина, глядя на него с подозрением. Его рука потянулась к карману, где, возможно, лежал нож или другой предмет. - Ты ранен. Ты выглядишь

так, как будто сам бежишь от кого-то. Ты спрячешься здесь. Почему мы должны тебе верить?

- Я бегу, - ответил Элиас, и его голос был твёрдым. - Я бегу от «Эдема». Я знаю, что это такое. Это не рай. Это тюрьма. Они заберут вашу свободу. Они сделают вас своими рабами.

Люди переглянулись, и в их глазах появилось сомнение. Они смотрели на него, и в их взглядах был страх. Они искали признаки лжи, но Элиас стоял перед ними с окровавленной рубашкой и горящими глазами, и они не могли не слушать его.

- Мы не можем тебе верить, - сказал старший мужчина, качая головой. - Мы слышали, что там хорошо. Что там есть еда, вода, защита. Мы не хотим умирать здесь, в этой пустости. Мы устали. Мы не можем больше бежать.

- Я знаю, - сказал Элиас. - Я знаю, как это трудно. Но я был там. Я видел, что там происходит. Они контролируют ваши мысли. Они забирают вашу свободу. Я не хочу, чтобы вы стали частью этого. Они обещают вам рай, но на самом деле это ад.

Люди молчали, и Элиас чувствовал, как его слова повисают в воздухе, как они проникают в их сердца. Он видел, как сомнение борется с надеждой, как страх борется с отчаянием. Он знал, что не может заставить их поверить ему, но он должен был попытаться. Он должен был спасти их от той участи, которая ждала их в «Эдеме». Он должен был дать им шанс.

- Там тюрьма, - сказал он. - Вы не будете свободны. Вы будете просто винтиками в их машине.

Женщина с ребёнком посмотрела на него, и в её глазах была боль.

- Что нам делать? - спросила она. - У нас нет еды. У нас нет воды. Мы не можем идти обратно.

- Идите сюда, - сказал Элиас. - В город, который я оставил. Там есть еда. Есть вода. Есть защита. Я помогу вам.

Они смотрели на него, и он видел, как сомнение уходит из их глаз. Он знал, что они поверили ему. Он знал, что он спас их.

Элиас стоял у входа в бункер, прислонившись плечом к холодной ржавой двери, и смотрел, как беженцы уходят. Они двигались медленно, их шаги были тяжёлыми, неуверенными, словно каждый следующий шаг стоил им невероятных усилий. Но они двигались вперёд. Они не останавливались. И в их глазах, когда они оборачивались на него, он видел надежду - ту самую надежду, которую он им дал, которой зажёл в их душах, когда они уже почти погасли. Он рассказал им о городе, о том, что там есть еда и вода, о безопасных местах, где можно укрыться от холода и голода. Он говорил с ними спокойно, уверенно, стараясь, чтобы его голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало от боли и усталости. Он дал им карту, которую носил с собой, - старую, потёртую, с пометками, которые он делал ещё в те дни, когда верил, что мир можно построить заново. На ней он отметил маршрут, рас-

сказал, как обойти патрули Генерала, где можно найти воду, какие руины дадут укрытие на ночь. Он сказал им, что у него есть люди, которые помогут им, - он надеялся, что они ещё живы, что Генерал не уничтожил всех до единого, что кто-то из его верных офицеров уцелел и сможет принять беженцев.

Он смотрел, как они уходят, и чувствовал, как в груди разливается странное тепло - тепло, которое он не чувствовал уже много дней, может быть, недель. Он спас их. Он дал им шанс, которого у них не было. Он не мог оставить их умирать в пустошах, как оставил слишком многих раньше. Это было его искуплением. Маленьким, почти незаметным, но искуплением. За тех, кого он не спас. За тех, кто погиб у него на глазах. За Гору, за Кейна, за Чарли, за всех, кто верил в него и умер, так и не дождавшись обещанного мира.

Одна из женщин - та, что держала на руках ребёнка, худенького, с бледным лицом и огромными глазами, в которых застыл страх, - обернулась и посмотрела на него. Её глаза были полны слёз, которые она не пыталась скрыть, и в них была такая благодарность, что у Элиаса перехватило дыхание. Она улыбнулась ему - улыбкой, которая говорила больше слов, которая была теплее любого обещания. Она прижала ребёнка к груди, и он увидел, как её губы шевелятся, как она шепчет что-то малышу, успокаивая его. Затем она подняла руку и помахала ему - жест, который был прощанием и благодарностью одновременно.

- Спасибо тебе, - сказала она, и голос её дрожал, но был

ясным, как колокольчик. - Ты спас нас. Мы бы не выжили без тебя. Мы бы умерли здесь, в этой пустоши, и никто бы не узнал. Спасибо тебе за то, что ты дал нам надежду.

Элиас смотрел на неё, на её лицо, измождённое, но светящееся изнутри, на её руки, которые бережно держали ребёнка, и чувствовал, как к горлу подступает ком. Он хотел сказать что-то важное, что-то, что останется с ними, что даст им сил идти дальше, но слова застревали в горле. Он только кивнул и сказал тихо, но твёрдо:

- Идите. И будьте осторожны. Не останавливайтесь, пока не доберётесь до города. Там вы будете в безопасности. Там есть люди, которые помогут вам. Я обещаю.

Она кивнула, и в её глазах он увидел веру - ту самую веру, которую он так боялся потерять в себе. Она развернулась и пошла дальше, и он смотрел, как они исчезают за горизонтом, как их фигуры становятся всё меньше, сливаясь с серой пустошью, как последний луч заходящего солнца освещает их спины, прежде чем скрыться за облаками.

Он стоял там долго, чувствуя, как внутри него поднимается странное чувство - чувство, которое он не мог объяснить. Это была не гордость и не радость. Это было что-то более глубокое, более тихое. Он спас их. Он дал им шанс на новую жизнь. Он сделал то, что должен был сделать. И это было правильно.

Но теперь он должен был идти дальше.

Он повернулся и посмотрел на восток, где вдалеке, на са-

мом краю горизонта, виднелись купола «Эдема». Они сияли в лучах заходящего солнца, переливаясь золотыми и алыми оттенками, как гигантские драгоценные камни, вставленные в серую корону пустошей. Они выглядели как обещание, как мечта, как вызов, брошенный всему, что он знал. Он знал, что его ждёт там. Он знал, что это будет опасно, что это может стоить ему жизни. Но он не мог остановиться. Он должен был найти Айрис. Он должен был остановить «Эдем». Он должен был спасти мир. Он должен был выполнить обещание, которое дал Горе и Кейну, когда они умирали у него на руках, когда он держал их руки и клялся, что их смерть не будет напрасной.

Он сделал глубокий вдох, и прохладный вечерний воздух наполнил его лёгкие, принося с собой запах пыли и сухой травы. Он почувствовал, как боль в плече становится чуть слабее - притупляется, уходит на второй план, уступая место решимости. Он затянул повязку потуже, чувствуя, как ткань впивается в рану, как боль пронзает его тело острым импульсом, но он только сжал зубы и выпрямился. Затем он сделал первый шаг, за ним второй, и начал идти.

Он шёл по пустошам, чувствуя, как ветер обдувает его лицо, как солнце садится за горизонт, окрашивая небо в кроваво-красные и тёмно-фиолетовые тона. Тени становились длиннее, и пустоши вокруг него погружались в сумерки, наполняясь тишиной, которая была почти осязаемой. Он шёл, чувствуя, как каждый шаг даётся ему с трудом, как ноги гу-

дят от усталости, как спина ноет от напряжения. Но он не останавливался. Он не мог остановиться.

Он думал об Айрис. О том, как она ждёт его там, за этими сияющими куполами. О том, как она верит в него, как надеется на него, как она смотрит на него своими ясными глазами, в которых нет страха, только решимость. О её голосе, который звучал в его голове снова и снова: «Не доверяй Эдему». Он слышал его так ясно, как будто она стояла рядом, как будто она шла с ним, держа его за руку и ведя вперёд. Он думал о Кайле, о том, как тот пожертвовал собой, открыв ему дверь камеры и отдав свой пистолет. Он думал о Горе, о том, как тот учил его быть сильным, как он говорил: «Страх - это не враг, Элиас. Враг - это когда ты позволяешь страху управлять тобой». Он думал о Кейне, о его улыбке, о его вере в лучшее. Он думал о всех, кто погиб, о всех, кто верил в него, о всех, кто отдал свои жизни, чтобы он мог стоять здесь, идти по этой пустоши, бороться за будущее.

И он знал: он не может подвести их. Он не имеет права сдаваться.

Он шёл всю ночь. Небо над ним потемнело, и звёзды высыпали на черном бархате, как осколки разбитого стекла. Луна была тонким серпом, который едва освещал дорогу, и он шёл в темноте, ориентируясь только на слабое серебристое свечение куполов, которое маячило впереди, как далёкий маяк. Ветер стих, и наступила та особенная тишина, которая бывает только в пустошах - глубокая, давящая, на-

рушаемая только его шагами и собственным дыханием. Он шёл, спотыкаясь о камни, падая, поднимаясь и снова шёл, чувствуя, как боль в плече пульсирует в такт сердцебиению, как силы покидают его тело с каждым шагом.

Он шёл, и мысли его крутились, как колёса сломавшегося механизма. Он вспоминал город, который оставил позади, - город, который горел, который был в руках Генерала, который больше никогда не станет прежним. Он вспоминал лица своих друзей, свои мечты, свои надежды. Он вспоминал, как они праздновали победу над «Агро-Континент», как они клялись построить новый мир, как они верили, что всё будет хорошо. И теперь всё это было разрушено. Уничтожено. Сожжено. И только он остался, чтобы бороться.

Он шёл, и слёзы смешивались с потом и пылью на его лице. Но он не плакал - он не мог позволить себе слабость. Он сжимал зубы и шёл дальше, чувствуя, как внутри него поднимается волна решимости, которая сметает все сомнения, всю боль, всю усталость. Он найдёт Айрис. Он остановит «Эдем». Он вернётся и освободит город. Он сделает это, даже если для этого ему придётся пройти через ад.

И на рассвете, когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь плотные тучи, окрашивая небо в бледно-золотые и розовые тона, он увидел купола «Эдема» совсем близко. Они сияли в лучах утреннего солнца, переливаясь голубым, серебряным и золотым светом, как драгоценности, как чудо, как обещание рая. Они были настолько огромными,

что, казалось, касались неба, и он чувствовал, как его дыхание перехватывает от одного их вида. Он остановился на вершине холма и смотрел на них, чувствуя, как внутри него поднимается волна решимости, которая сметает все сомнения.

Он сделает это. Он найдёт Айрис. Он остановит «Эдем». Он спасёт мир.

Он сделал глубокий вдох, чувствуя, как холодный утренний воздух наполняет его лёгкие, и начал спускаться с холма, направляясь к воротам «Эдема». Они были совсем близко - всего в нескольких сотнях метров. Он видел их очертания, видел, как они открываются и закрываются, пропуская людей, которые входили в этот идеальный мир. Он видел солдат в безупречной форме, которые стояли у ворот и проверяли документы. Он видел, как люди улыбаются, входя внутрь, как они выглядят счастливыми и спокойными.

Он подошёл к воротам и остановился. Он знал, что его ждёт там. Он знал, что это будет опасно, что это может стоить ему жизни. Но он также знал, что у него нет выбора. Он должен войти. Он должен найти Айрис. Он должен остановить этот мир, который обещает рай, но на самом деле является тюрьмой.

Он сжал кулаки и посмотрел на ворота. Внутри него горел огонь - слабый, но упрямый, который не мог погасить никакой мрак. Он был готов. Он был готов ко всему.

Он сделал шаг вперёд.

Элиас стоял у границы куполов «Эдема» и смотрел вверх. Гигантские конструкции из стекла и металла возвышались над пустошами, как искусственные горы, и их поверхность переливалась голубым и серебряным светом, отражая лучи восходящего солнца. Они были такими огромными, что казалось, они касаются неба, и он чувствовал, как его дыхание перехватывает от одного их вида. Внутри куполов была зелень - настоящая, живая, которую он не видел месяцами. Деревья, цветы, трава - всё это росло там, за прозрачными стенами, и он видел, как люди ходят по идеальным улицам, как они улыбаются, как они не голодают, как они не боятся. Он видел, как дети играют в парках, как взрослые сидят на скамейках и разговаривают, как вода течёт по каналам, чистая и прозрачная. Он видел, как клоны и люди живут вместе, как они смеются, как они, кажется, счастливы. Он видел рай, созданный руками человека. И он знал, что это не рай.

Он смотрел на этот идеальный мир, и внутри него поднималась волна гнева. Он знал, что этот рай построен на лжи, что за его стенами скрывается контроль и порабощение. Он знал, что Лена создала эту иллюзию, чтобы заманить людей в ловушку, чтобы забрать их свободу, чтобы сделать их марионетками. Он чувствовал, как его пальцы сжимаются в кулаки, и он знал, что должен войти. Он должен был найти Айрис. Он знал, что она там, в самом сердце этого идеального города, и она ждёт его. Она верит в него. Она знает, что он придёт. Он не мог подвести её.

Он стоял у самой границы, чувствуя, как ветер обдувает его лицо, как солнце поднимается всё выше, освещая пустоши. Он думал о том, как он оказался здесь. Он вспомнил, как он бежал из города, как он сражался с солдатами Генерала, как он нашёл убежище в бункере. Он вспомнил, как он встретил беженцев, как он дал им надежду. Он вспомнил, как он шёл по пустошам, чувствуя, как каждый шаг даётся ему с трудом, как боль в плече становилась всё сильнее. Но он выжил. Он добрался. Теперь он должен был войти.

Он смотрел на купола и думал о том, что ждёт его там. Он знал, что «Эдем» - это не рай. Это тюрьма. Лена создала иллюзию, и эти люди жили в ней, не зная правды. Они думали, что они свободны, что они счастливы, но на самом деле они были марионетками, которых дёргали за ниточки. Они были частью машины, которая перемалывала их волю и превращала их в послушных рабов. Но он знал правду. Он знал, что его ждёт там - ложь, контроль, страх. Но он также знал, что там была Айрис. Она ждала его. Она верила в него. Он должен был найти её.

Он сделал глубокий вдох и почувствовал, как боль в плече становится чуть слабее. Он затянул повязку потуже и начал двигаться вдоль границы куполов, ища способ войти. Он знал, что главные ворота охраняются, что там есть патрули, которые проверяют всех входящих. Но он также знал, что есть другие пути - старые тоннели, которые вели под куполами, которые были забыты всеми. Он должен был найти их.

Он должен был войти.

Он шёл вдоль куполов, чувствуя, как ветер обдувает его лицо, как солнце поднимается всё выше, освещая пустоши. Он смотрел на купола и думал о том, что его ждёт. Он не знал, что он найдёт там, но он знал, что не может остановиться. Он должен был найти Айрис. Он должен был остановить «Эдем». Он должен был спасти мир.

Он остановился и посмотрел на главные ворота. Там стояли солдаты в идеальной форме, и они проверяли документы у людей, которые входили. Они делали это спокойно, вежливо, с улыбками на лицах. Они не выглядели угрожающе. Но он знал, что это только иллюзия. Он знал, что у него нет документов, что он не сможет пройти через них. Но он должен был войти. Он должен был найти Айрис. Он должен был спасти её.

Он повернулся и пошёл вдоль куполов, ища другой путь и каждый шаг давался ему с трудом, словно он пробивался сквозь густую, вязкую воду. Гигантские стены из стекла и металла тянулись вверх на сотни метров, уходя в самое небо, и их поверхность переливалась голубым и серебряным светом, отражая лучи утреннего солнца. Они были настолько гладкими и идеальными, что казались творением не человеческих рук, а богов - неприступных, холодных, равнодушных к его отчаянию. Он смотрел на них и чувствовал, как внутри него нарастает тяжёлое, давящее чувство, похожее на то, что он испытывал, когда стоял на краю пропасти и смотрел вниз.

Он не знал, сколько времени он уже идёт - час, два, может быть, больше. Солнце поднималось всё выше, и жара становилась невыносимой, обжигая его лицо и руки, которые он не мог спрятать из-за раненого плеча.

Каждый шаг отдавался тупой, пульсирующей болью в плече, и он чувствовал, как кровь снова начинает сочиться сквозь повязку, пропитывая ткань и оставляя на ней тёмные, влажные пятна. Он знал, что ему нужно найти убежище, что ему нужно отдохнуть, перевязать рану как следует, остановить кровотечение, которое медленно, но верно ослабляло его. Но он не мог остановиться. Он не мог позволить себе передышку. Каждая минута промедления могла стоить ему жизни - или, что хуже, могла стоить Айрис. Он должен был найти вход. Он должен был проникнуть внутрь. Он должен был найти её.

Он шёл, и мысли его были тяжёлыми, как камни, которые он тащил за собой. Он думал о том, как он оказался здесь - как он прошёл через пустоши, через минные поля, через радиацию, через погоню и перестрелку, через боль и отчаяние. Он думал о том, как он выжил, когда столько других погибли. Он думал о Кайле, о том, как тот открыл ему дверь камеры и отдал свой пистолет, зная, что его самого, скорее всего, ждёт смерть. Он думал о Горе, о том, как тот умирал у него на руках, как он сжимал его ладонь и шептал: «Построй мир, Элиас. Построй мир, в котором не будет войны». Он думал о Кейне, о его улыбке, о его вере в лучшее, о том, как он за-

слонил Айрис от пуль, которые должны были попасть в неё. Он думал о всех, кто погиб, чтобы он мог стоять здесь, у стен «Эдема», и искать путь к Айрис. О всех, кто верил в него, кто надеялся на него, кто отдал свои жизни за его мечту.

И он знал: если он остановится, если он сдастся, то все их жертвы будут напрасны. Все их смерти будут бессмысленны. Он не мог позволить этому случиться. Он не имел права.

Он остановился, когда силы окончательно покинули его, и присел на большой плоский камень, который лежал у самого основания купола. Камень был тёплым от солнца, но Элиас чувствовал только холод, который разливался по его телу, проникая в кости. Он закрыл глаза и попытался успокоить дыхание, которое было прерывистым и хриплым, как у загнанного зверя. Сердце его колотилось в груди, отдаваясь в ушах глухим, ритмичным стуком, который заглушал все остальные звуки. Он сидел, чувствуя, как пот стекает по его лицу, как пыль оседает на его коже, как боль в плече пульсирует в такт сердцебиению, становясь всё более невыносимой.

Он открыл глаза и посмотрел на купола, которые возвышались над ним, как неприступные стены рая. Он видел, как внутри города люди идут по улицам, улыбаются, разговаривают, как дети бегают по паркам, как вода течёт по каналам. Он видел, как клоны и люди живут вместе, как они смеются, как они, кажется, счастливы. Он видел рай, созданный руками человека. И он знал, что это не рай. Это тюрьма. Тюрьма, построенная на лжи, на контроле, на страхе. Тюрьма, в

которой он должен был найти Айрис, прежде чем она станет её частью.

И вдруг, в этом мгновении отчаяния, когда всё казалось потерянным, он вспомнил о тайном канале связи. Он вспомнил, что у него есть устройство - маленькое, чёрное, почти незаметное, которое он носил с собой в кармане, забыв о нём в суматохе побега. Устройство, которое Айрис дала ему перед отъездом, когда они стояли у ворот города, когда она смотрела на него своими ясными глазами и говорила: «Если ты попадёшь в беду, используй его. Я услышу тебя». Он не знал, работает ли оно до сих пор, не знал, достаточно ли далеко она, чтобы получить сигнал, но он должен был попытаться. Он должен был сделать хоть что-то, чтобы связаться с ней, чтобы дать ей знать, что он здесь, что он пришёл за ней, что он не сдался.

Он дрожащими руками достал устройство из кармана - маленькую чёрную коробочку с одной кнопкой и крошечным индикатором, который тускло мерцал в утреннем свете. Он включил его, и устройство зажужжало, издавая тихий, едва слышимый звук, похожий на жужжание насекомого. На экране загорелся сигнал - слабая зелёная точка, которая мерцала, как далёкая звезда. Он нажал на кнопку и заговорил, стараясь, чтобы его голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало от напряжения.

- Айрис, - сказал он тихо, почти шёпотом, прижимая устройство к губам. - Я здесь. Я у границы куполов. Я ищу

способ войти. Держись. Я приду за тобой.

Он ждал ответа. Тишина. Только ветер, который завывал в пустошах, разнося песок и пыль, и его собственное дыхание, которое было прерывистым и хриплым. Он смотрел на устройство, на зелёную точку, которая продолжала мерцать, но не издавала ни звука. Он повторил, громче, стараясь перекричать ветер:

- Айрис, ты слышишь меня? Я здесь. Я нашёл тебя. Я у стен «Эдема». Ответь мне, пожалуйста.

И снова тишина. Только ветер. Только мерцание зелёной точки, которая, казалось, насмеялась над ним. Он чувствовал, как внутри него поднимается паника, как она сжимает его грудь, как она затрудняет дыхание. Что, если она не услышала его? Что, если устройство не работает? Что, если оно сломалось в пути, когда он падал, когда он бежал, когда он истекал кровью в пустошах? Что, если Айрис уже мертва, и он зовёт в пустоту? Что, если все его усилия были напрасны?

Он сжал зубы, чувствуя, как ярость и отчаяние смешиваются в его груди, и повторил снова, громче, почти крича, не обращая внимания на то, что его могут услышать солдаты «Эдема»:

- Айрис! Ответь мне! Я знаю, что ты можешь меня слышать! Я пришёл за тобой! Я не сдамся! Ты слышишь меня? Я не сдамся!

Но ответа не было. Только тишина. Глубокая, давящая, всепоглощающая тишина, которая говорила ему, что он

один, что никто не придёт ему на помощь, что он должен полагаться только на себя.

Он сидел на камне и смотрел на устройство, которое молчало, и чувствовал, как внутри него поднимается волна отчаяния, которая угрожала захлестнуть его, утащить в тёмную бездну, из которой нет выхода. Он не знал, что делать. Он не знал, как найти её. Он не знал, сможет ли он вообще войти в этот город, который выглядел как неприступная крепость. Но он знал, что не может сдаться. Он не имеет права. Он должен был продолжать идти. Он должен был найти способ.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как холодный воздух наполняет его лёгкие, и медленно убрал устройство в карман. Затем он поднялся на ноги, чувствуя, как каждый мускул в его теле протестует против движения, как боль в плече пронзает его острой иглой. Он посмотрел на купола, которые возвышались над ним, холодные и неприступные, и сжал кулаки. Он не знал, как он войдёт внутрь. Но он знал, что он войдёт. Он найдёт Айрис. Он спасёт её. Он не позволит «Эдему» уничтожить всё, за что они боролись.

Он сделал шаг вперёд, чувствуя, как каждый шаг даётся ему с трудом, как боль в плече становится всё сильнее, как кровь продолжает сочиться сквозь повязку. Но он не остановился. Он пошёл вдоль куполов, ища любой вход, любую щель, любой способ проникнуть внутрь. Он шёл, и в его голове снова и снова звучал голос Айрис - тот голос, который он слышал в пустошах, который предупреждал его, который

давал ему надежду:

«Не доверяй Эдему».

- Я не доверяю, - прошептал он в ответ, глядя вперёд, на сияющие стены. - Я верю только тебе. Я найду тебя. Я обещаю.

И он пошёл дальше, оставляя за спиной камень, на котором сидел, и устройство, которое молчало. Он шёл, чувствуя, как солнце поднимается всё выше, как жара становится невыносимой, как боль становится неотъемлемой частью его существования. Но он не останавливался. Он не мог остановиться. Он должен был найти Айрис. Он должен был выполнить обещание.

Элиас шёл вдоль границы куполов, и каждый шаг давался ему с мучительным трудом, словно он тащил за собой тяжёлые цепи, прикованные к ногам. Солнце стояло в зените, паля нещадно, и его лучи обжигали лицо, шею, руки, которые он не мог спрятать из-за раненого плеча, пробиваясь сквозь тонкую ткань рубашки и оставляя на коже ощущение сухого жара. Небо было безоблачным, неестественно чистым, как будто мир вокруг него тоже был частью идеальной иллюзии «Эдема», и эта чистота казалась ему издевательством. Пустоши простирались вокруг на многие километры - бесконечная серая равнина, покрытая глубокими трещинами, которые уходили в землю, словно шрамы на лице умирающего мира. Нигде не было ни тени, ни укрытия, ни капли воды. Только камни, пыль и безжалостное солнце, которое сжига-

ло всё, к чему прикасалось.

Элиас смотрел на купола «Эдема», которые возвышались перед ним, как памятник человеческой гордыне, и чувствовал, как внутри него нарастает глухое, вязкое отчаяние. Эти стены тянулись вверх на сотни метров, идеально гладкие, переливающиеся голубым и серебряным светом, отражая солнечные лучи, и казались неприступными, как горная гряда. Они были созданы не людьми, думал он, а богами - или теми, кто мнил себя богами, - чтобы защитить избранных от грешного мира, чтобы создать рай, в котором не будет места страданиям и голоду. Но он знал, что за этой красотой скрывается ложь. За этими стенами - тюрьма.

Он не знал, сколько времени он уже идёт - может быть, час, может быть, два, может быть, целую вечность. Время потеряло для него смысл, превратившись в бесконечную череду шагов, боли и мучений. Каждый шаг давался ему с трудом, каждое движение отдавалось острой болью в плече, которое горело огнём, пульсировало в такт сердцебиению и, казалось, занимало всё его сознание, не оставляя места для других мыслей. Повязка, которую он наложил на рану, пропиталась кровью насквозь, и ткань прилипла к телу, создавая липкое, горячее пятно, которое раздражало кожу и напоминало о том, что кровотечение не остановлено.

Он чувствовал, как пот стекает по его спине, как одежда прилипает к телу, как каждый вдох даётся ему с трудом, как лёгкие хватают горячий, сухой воздух, который обжигал

горло и не приносил облегчения. Слабость разливалась по телу, заставляя его спотыкаться о камни, оскальзываться на пыльных участках, едва удерживаться на ногах. Он знал, что ему нужно остановиться, перевязать рану, отдохнуть, найти хотя бы немного воды, чтобы утолить жгучую жажду, которая терзала его горло. Но он не мог позволить себе это. Каждая минута промедления могла стать фатальной. Он должен был найти способ войти в «Эдем». Он должен был найти Айрис. Он должен был выполнить обещание, которое дал себе и всем, кто погиб ради этой цели.

Он сжал зубы до скрежета и заставил себя идти дальше, стараясь не думать о боли, не думать о жажде, не думать об усталости. Он думал только об Айрис - о её улыбке, о её голосе, о её глазах, которые всегда смотрели на него с верой, даже когда он сам в себя не верил. Он представлял её лицо - бледное, уставшее, но с тем стальным блеском, который всегда появлялся у неё, когда она бралась за что-то важное. Он вспоминал, как она смотрела на него перед отъездом, как она сказала: «Я вернусь. Я обещаю». И он знал, что она сдержит это обещание. Он должен был сделать то же самое.

Он шёл, и перед его глазами проносились картины прошлого: как они стояли на руинах «Агро-Континент», как они смотрели на дым, поднимающийся над башней Маркуса, как они верили, что всё закончилось. Как они праздновали победу, как они клялись построить новый мир, как они мечтали о том, что их дети будут жить в мире без войн и страданий.

И теперь всё это было разрушено. Уничтожено. Сожжено. И только он остался, чтобы бороться.

Он посмотрел на купола, которые тянулись вверх на сотни метров, и почувствовал, как отчаяние сжимает его грудь. Эти стены казались неприступными, идеальными, как будто они были созданы не людьми, а богами, чтобы защитить избранных от грешного мира. Он знал, что за ними скрывается мир, который он должен был уничтожить, чтобы спасти всех остальных. Мир, который обещал рай, но на самом деле был тюрьмой. Мир, который забрал у него всё, что он любил. Мир, который теперь держал Айрис в своих объятиях.

Он не знал, сколько ещё он сможет идти. Ноги его гудели, и каждое движение отдавалось болью в плече. Но он знал, что не может остановиться. Он должен был найти вход. Он должен был попасть внутрь. Он должен был увидеть Айрис. Он должен был сказать ей, что он пришёл, что он не сдался, что он верил в неё.

И вдруг он увидел их.

Они появились из-за поворота купола, двигаясь с идеальной синхронностью, как части одного огромного механизма. Патруль «Эдема» — четверо солдат в безупречной белой форме, которая сияла на солнце, не имея ни пятнышка пыли, ни складки, ни изъяна. Форма облегала их тела, как вторая кожа, и на груди каждого был вышит символ дерева с переплетёнными корнями — знак «Эдема», который теперь казался Элиасу печатью рабства. Их лица были спокойными, без-

эмоциональными, лишёнными всякого выражения, как маски, которые невозможно снять. Они смотрели прямо вперёд, не отвлекаясь ни на что: ни на ветер, который завывал в пустошах, ни на солнце, которое палило нещадно, ни на пустоши, которые простирались вокруг. Их глаза были пустыми, как у кукол, как у марионеток, которых дёргают за ниточки. Они двигались с механической точностью - каждый шаг был одинаковым по длине, каждая рука качалась в одном ритме, каждый вздох был синхронным.

Они выглядели так, как будто не были людьми. Они были машинами, которые выполняли свою функцию, не задавая вопросов, не сомневаясь, не чувствуя. Их шаги были идеально ровными, их дыхание - ровным, и Элиас знал, что они не остановятся, пока не выполнят свой приказ. Они были частью «Эдема», частью этой идеальной машины, которая перемалывала людей и превращала их в винтики. И он знал, что если они его заметят, они схватят его, и он не сможет найти Айрис.

Элиас замер, прижавшись спиной к гладкой стене купола, и затаил дыхание. Он вжался в неё так сильно, как только мог, стараясь стать невидимым, слиться с поверхностью, раствориться в её серебристом свечении. Сердце его колотилось в груди, отдаваясь в ушах глухим, ритмичным стуком, который, казалось, был слышен на многие километры. Он смотрел на патруль, не смея дышать, и чувствовал, как пот стекает по его лицу, как руки дрожат от напряжения.

Патруль приближался. Он слышал их шаги - ровные, мерные, как тиканье часов. Он видел, как их лица проходят мимо, как их пустые глаза скользят по его укрытию, не останавливаясь. Они не заметили его. Они продолжали идти, как ни в чём не бывало, словно он был частью пейзажа, словно его не существовало. Элиас ждал, пока они пройдут мимо, пока их шаги не начнут удаляться, пока они не скроются за поворотом купола. Он ждал, чувствуя, как каждый удар сердца отдаётся в его висках, как каждая секунда длится вечность.

И когда они наконец исчезли из виду, он выдохнул - медленно, тихо, стараясь не издавать ни звука. Он стоял, прижавшись к стене, чувствуя, как дрожь проходит по его телу, как адреналин уходит, оставляя после себя только слабость и боль. Он знал, что ему повезло. Если бы они заметили его, если бы они остановились, если бы они задали ему хоть один вопрос, всё было бы кончено.

Он оттолкнулся от стены и продолжил свой путь, стараясь двигаться бесшумно, как тень. Он шёл вдоль куполов, вглядываясь в каждую трещину, в каждую щель, в каждый тёмный проход, который мог вести внутрь. Он знал, что есть старые тоннели, которые ведут под куполами, но он не знал, где они находятся. Он должен был найти их. Он должен был найти способ войти.

Он шёл, чувствуя, как каждый шаг даётся ему с трудом, как боль в плече становится всё сильнее, как кровь снова начинает сочиться сквозь повязку, оставляя тёмные пятна на

его одежде. Он шёл, ища любой способ войти, и чувствовал, как время уходит, как солнце поднимается всё выше, и как его силы тают с каждым мгновением.

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и посмотрел на купола. Он видел, как внутри города люди идут по улицам, улыбаются, разговаривают. Он видел, как дети бегают по паркам, как вода течёт по каналам, как цветы цветут на клумбах. Он видел рай, идеальный и совершенный, и он знал, что это не рай. Он знал, что за этой красотой скрывается ложь. Он знал, что эти люди - марионетки, и он должен был освободить их.

Он чувствовал, как внутри него поднимается волна решимости, которая сметает все сомнения, всю боль, всю усталость. Он войдёт. Он найдёт Айрис. Он остановит «Эдем». Он сделает это. Он не позволит этому миру победить. Он не позволит этим стенам остановить его. Он не позволит своей боли сломать его.

Он снова пошёл вдоль куполов, ища вход, и в его голове звучали только шаги, ветер и собственное дыхание. Никаких голосов. Никаких внутренних диалогов. Только тишина, предшествующая буре и с каждым шагом пустоши вокруг него становились всё более негостеприимными. Земля под ногами менялась - из серой и твёрдой она превращалась в рыхлую, покрытую странными буграми и воронками, словно кто-то огромный прошёлся по ней, оставляя следы своего гнева. Воздух становился плотнее, тяжелее, и в нём появил-

ся привкус металла - тонкий, едва уловимый, но настойчивый, который оседал на языке и вызывал лёгкое головокружение. Элиас знал этот вкус. Он чувствовал его раньше, когда проходил через зоны отчуждения, оставшиеся после старых бомбардировок. Это была радиация. Она просачивалась из разрушенных реакторов, из трещин в земле, из обломков того, что когда-то было технологией, призванной служить человечеству, а теперь медленно убивало всё живое вокруг.

Он остановился на мгновение, прислушиваясь к своему телу. Голова слегка кружилась, и он чувствовал, как слабость разливается по конечностям, как ноги становятся ватными, а пальцы рук едва слушаются. Он знал, что радиация - это не та опасность, которую можно увидеть или услышать, но она была здесь, рядом, и она убивала его медленно, незаметно, с каждым вдохом. Он знал, что должен ускориться, должен найти способ войти в «Эдем», иначе он просто не дойдёт. Но он не мог бежать. Он не мог позволить себе неосторожность.

Он перевёл взгляд на землю и увидел то, что заставило его сердце сжаться от страха. Впереди, на расстоянии нескольких метров, начиналось минное поле. Он узнал его по едва заметным признакам - небольшим приподнятым участкам земли, которые выглядели так, будто их кто-то недавно перекапывал, по старым ржавым знакам, которые торчали из пыли, почти полностью скрытые песком. Красные круги с перечёркнутыми линиями были едва различимы, но он знал, что они означают. Он видел эти знаки раньше, в других пу-

стошах, в других местах, где смерть пряталась под ногами, ожидая своего часа.

Он замер. Он посмотрел на землю и начал внимательно изучать её поверхность, стараясь разглядеть малейшие признаки опасности. Он видел бугорки, которые могли быть минами, видел следы, которые вели в никуда, обрываясь на полпути, видел кости - человеческие и звериные, белые и гладкие, обглоданные временем и голодом. Он знал, что здесь уже погибли многие. Он знал, что если он сделает неверный шаг, он присоединится к ним.

Он сделал глубокий вдох, чувствуя, как тяжёлый воздух заполняет его лёгкие, и начал двигаться дальше, но теперь его шаги были осторожными, выверенными, почти бесшумными. Он ступал только на те места, которые казались ему безопасными, проверяя каждый сантиметр земли перед собой. Он двигался медленно, как человек, который идёт по тонкому льду, зная, что под ним - ледяная вода. Он шёл, и время потеряло для него смысл. Он не знал, сколько прошло - минуты, часы, целая вечность. Но он знал, что не может остановиться. Он должен был найти Айрис. Он должен был войти в «Эдем». Он должен был выполнить обещание.

Радиация становилась всё сильнее. Он чувствовал, как она просачивается сквозь его одежду, оседает на коже, проникает в лёгкие с каждым вдохом. Металлический привкус во рту становился всё более отчётливым, и он знал, что если он останется здесь слишком долго, он просто не сможет

идти дальше. Его плечо ныло, пульсировало тупой болью, и он знал, что повязка снова пропиталась кровью. Он должен был найти укрытие. Он должен был перевязать рану. Но он не мог остановиться.

Он почти прошёл опасный участок, когда услышал звук - низкий, гортанный, полный голода и ярости. Он остановился, чувствуя, как холод пробегает по спине, как сердце начинает биться быстрее, как адреналин снова заливает его кровь. Он медленно обернулся.

На небольшом возвышении, в нескольких метрах от него, стояли две дикие собаки. Они были худыми, до костей, с рёбрами, которые проступали сквозь грязную, облезшую шерсть, покрытую струпами и проплешинами. Их глаза горели голодным, безумным огнём - жёлтые, с красными прожилками, они смотрели на него, как на добычу, как на кусок мяса, который мог утолить их вечный голод. Их пасти были приоткрыты, и из них капала слюна, смешанная с грязью и кровью, которая стекала по их мордам и падала на землю. Они стояли неподвижно, глядя на него, и их тела были напряжены, как сжатые пружины, готовые к прыжку.

Элиас сжал в руке пистолет, хотя знал, что в нём нет патронов. Он знал, что оружие бесполезно, что оно не спасёт его. Но он не мог сдаться. Он не мог позволить им убить себя здесь, в этой пустоши, вдали от Айрис, вдали от всего, что он любил. Он медленно опустил пистолет и вытащил из кармана нож - небольшой, но острый, который он носил с собой на

всякий случай. Он сжал его в руке, чувствуя, как холодная сталь придаёт ему уверенности. Он знал, что это его единственная защита. Он знал, что должен быть готов к бою.

Собаки двинулись к нему. Их шаги были бесшумными, крадущимися, как у призраков, и их лапы ступали по земле беззвучно, не поднимая пыли. Они двигались синхронно, окружая его с двух сторон, и он знал, что если он сделает одно неверное движение, они набросятся на него. Одна из них оскалилась, обнажая жёлтые, стёртые клыки, и из её горла вырвалось низкое рычание, которое заставило его кровь стынуть в жилах. Он приготовился к атаке, чувствуя, как каждый мускул в его теле напрягается до предела, как сердце бьётся где-то в горле.

Он смотрел на них, сжимая в руке нож, и чувствовал, как внутри него поднимается волна решимости. Он не сдастся. Он будет бороться до конца. Даже если у него нет патронов, даже если он ранен, даже если он почти не может стоять на ногах. Он не позволит им убить себя. Он должен найти Айрис. Он должен спасти мир. Ради Горы. Ради Кейна. Ради Кайла. Ради всех, кто погиб, чтобы он мог стоять здесь.

Собаки прыгнули одновременно.

Элиас успел откатиться в сторону в последнее мгновение, чувствуя, как когти первой собаки скользят по его руке, раздирая рубашку и оставляя на коже глубокие царапины. Боль была острой, жгучей, но он не позволил себе закричать. Он перекатился по земле, поднимая облако пыли, и вскочил на

ноги, сжимая в руке нож.

Вторая собака уже разворачивалась для нового прыжка, её глаза горели диким огнём, а из пасти капала пена. Они были быстрыми, голодными и безжалостными. Элиас знал, что если он даст им загнать себя в угол, если он упадёт, они разорвут его на части за считанные секунды. Он отступил на шаг, затем на два, стараясь держать их перед собой, не позволяя им зайти с флангов.

Но вожак - крупная, мускулистая собака с рваным ухом и шрамом на морде - не дала ему передышки. Она бросилась вперёд, целясь прямо в его горло, и Элиас едва успел выставить руку с ножом. Лезвие вошло ей в бок, прямо между рёбер, и собака взвизгнула - пронзительно, жалобно, как раненый зверь. Она упала на землю, дёргаясь в агонии, из раны хлынула тёмная кровь, смешиваясь с пылью и грязью. Она попыталась подняться, но ноги её подкосились, и она рухнула обратно, издавая тихий, умирающий скулёр.

Вторая собака остановилась как вкопанная. Она смотрела на своего павшего товарища, потом на Элиаса, и в её глазах появился страх. Она заскулила, попятилась, а затем развернулась и побежала, исчезая за ближайшим холмом так же быстро, как появилась. Её шаги стихли, и в пустошах снова воцарилась тишина - только ветер завывал над землёй, разнося песок и пыль.

Элиас стоял, тяжело дыша, и смотрел на тело вожака, которое лежало у его ног. Собака больше не двигалась. Он не

чувствовал радости от того, что убил её. Он чувствовал только пустоту и усталость. Он опустился на колени, и его вырвало - от боли, от слабости, от всего, что он пережил за последние часы. Он сидел на земле, чувствуя, как адреналин уходит, оставляя после себя только дрожь и боль.

Он посмотрел на свои руки. Они были в крови - его собственной и собачьей. Нож выпал из ослабевших пальцев, и он смотрел на него, чувствуя, как внутри него поднимается волна отвращения и отчаяния. Он не хотел убивать. Он не хотел становиться тем, кто убивает без разбора. Но у него не было выбора. Это была его жизнь или их. И он выбрал жизнь.

Он заставил себя подняться на ноги, чувствуя, как каждый мускул в его теле протестует против движения. Плечо его горело огнём, и он знал, что должен перевязать рану, иначе он истечёт кровью прямо здесь. Он отошёл от тела собаки, нашёл валун, к которому можно было прислониться, и начал перевязывать плечо. Он наложил повязку как можно туже, используя зубы, чтобы завязать узел, и чувствовал, как боль становится чуть менее острой.

Он сидел, прижимая руку к плечу, и смотрел на купола «Эдема», которые возвышались перед ним. Он знал, что должен идти дальше. Он не мог остановиться. Он должен был найти Айрис.

Он поднялся на ноги, чувствуя, как слабость разливается по телу, и сделал шаг вперёд. Затем другой. Он шёл медленно, спотыкаясь, опираясь на стены и камни, но он шёл. Он

должен был найти её. Он должен был выполнить обещание. Солнце уже начало клониться к закату, и тени становились длиннее, окрашивая пустоши в тёмно-оранжевые и багровые тона, которые напоминали ему о крови, пролитой на этих землях. Он знал, что должен найти вход до наступления ночи, иначе он останется в пустошах без укрытия, без воды, без надежды. Ночью пустоши становились смертельно опасными - температура падала ниже нуля, и дикие звери выходили на охоту. Он ускорил шаг, стараясь не обращать внимания на боль в плече, которая пульсировала в такт его сердцебиению, и на слабость, которая разливалась по телу, заставляя его спотыкаться о камни.

Он увидел его случайно - старую железную дверь, почти скрытую за грудой камней и ржавого металла. Она была покрыта слоем пыли и паутины, и он едва заметил её, когда проходил мимо. Он остановился и присмотрелся. Дверь была массивной, с заржавевшими петлями и ручкой, которая, казалось, не открывалась уже много лет. Но он знал, что это может быть вход. Он подошёл ближе и потянул за ручку. Дверь поддалась с противным скрипом, который разнёсся по пустошам, и он увидел тёмный проход, который вёл вниз, в недра земли. Он знал, что это может быть опасно, но у него не было выбора. Он должен был войти.

Он сделал глубокий вдох и шагнул внутрь. Дверь захлопнулась за ним с глухим стуком, и он оказался в полной темноте. Он достал из кармана старую зажигалку, которую но-

сил с собой на память о Горе, и чиркнул ею. Слабый огонёк осветил стены, покрытые слоем пыли и плесени, и пол, усыпанный мусором. Воздух был холодным и влажным, и он чувствовал, как его дыхание становится видимым в слабом свете. Он стоял на месте, прислушиваясь к тишине, которая давила на уши, и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее от напряжения.

Он пошёл вперёд, ориентируясь по памяти и интуиции. Тоннель был узким и извилистым, и он чувствовал, как стены сжимаются вокруг него, как тишина давит на уши, как темнота окутывает его, как будто она была живой. Он слышал только своё дыхание и шаги, которые отдавались эхом в пустом пространстве. Он думал о том, как он оказался здесь, о том, что он потерял, и о том, что он должен сделать. Он думал об Айрис, о том, как она ждёт его там, в самом сердце врага. Он думал о Горе, о том, как тот учил его не бояться, как тот говорил ему: «Страх - это не враг. Враг - это когда ты позволяешь страху управлять тобой». Он думал о Кайле, о том, как тот пожертвовал собой, чтобы спасти его. Он думал о всех, кто погиб, чтобы он мог стоять здесь.

Он шёл по тоннелю, чувствуя, как свет становится всё ярче, как воздух становится теплее, как запах земли и плесени сменяется запахом цветов и чистой воды. Он знал, что он близко. Он знал, что он почти у цели. Он ускорил шаг, чувствуя, как надежда снова наполняет его сердце, как боль в плече становится менее острой, как усталость отступает пе-

ред лицом цели. Он шёл, пока не вышел из тоннеля, и вдруг оказался внутри «Эдема».

Он замер на месте, поражённый тем, что увидел. Вокруг него простирался город, который выглядел как воплощение мечты. Идеальные улицы, выложенные белым камнем, были чистыми и аккуратными, как будто их мыли каждый день. Дома были красивыми, с балконами, увитыми цветами, и с окнами, в которых горел тёплый свет. Деревья росли ровными рядами, и их листья были зелёными и сочными, как будто их поливали каждый час. Вода текла по каналам, чистая и прозрачная, и он видел, как рыбы плавают в ней, как цветы отражаются в её глади. Воздух был наполнен ароматами, которые он не чувствовал годами, и он слышал, как птицы поют на деревьях, создавая мелодию, которая казалась нереальной.

Он смотрел на этот идеальный мир и чувствовал, как внутри него поднимается странное чувство. Это был рай, созданный руками человека, но он чувствовал, что что-то не так. В этом городе не было жизни. Он видел людей, которые ходили по улицам, улыбались, разговаривали, но их глаза были пустыми, их движения были механическими, и их улыбки не достигали их глаз. Они были марионетками, которых дёргали за ниточки, и он знал, что за этой красотой скрывается ложь. Он знал, что этот рай был построен на контроле, на страхе, на подчинении. Он знал, что эти люди были рабами, которые не знали, что они рабы.

Он стоял на улице и смотрел на город, и в его голове зазвучал голос Горы. Он был тихим, но отчётливым, как шёпот ветра в листве деревьев. Он сказал: «*Найди её*». Элиас знал, что это его собственный голос, его собственная воля, но он принял его как знак. Он должен был найти Айрис. Он должен был найти её среди этого мёртвого города и освободить её. Он должен был остановить «Эдем».

Он сделал глубокий вдох и пошёл вперёд. Он шёл по идеальным улицам, чувствуя, как ветер обдувает его лицо, как солнце садится за горизонт, окрашивая небо в золотые и розовые тона. Он шёл мимо людей, которые смотрели на него с пустыми глазами, которые улыбались ему, но не видели его. Он шёл, чувствуя, как внутри него поднимается волна решимости. Он найдёт Айрис. Он остановит «Эдем». Он спасёт мир.

ГЛАВА 2: «ЭДЕМ»

Воздух внутри купола ударил в лицо влажным, тёплым дыханием, которое пахло не пылью и пеплом, а цветами - настоящими, живыми, которых она не нюхала уже больше года. Айрис сделала шаг, и её лёгкие наполнились этим ароматом, смешанным с запахом чистой воды и свежей зелени, и на мгновение она забыла о боли в ногах, о сухости в горле, о тяжести рюкзака на плечах. Она зажмурилась, позволяя этому ощущению пройти сквозь неё, но когда она открыла глаза, реальность ударила с новой силой.

Она стояла на идеально ровной дорожке из белого кам-

ня, который блестел так, будто его только что вымыли. Вокруг неё простирались газоны - изумрудно-зелёные, без единой травинки, которая выбивалась бы из ряда. Деревья росли стройными рядами, их кроны были аккуратно подстрижены, и их ветви не переплетались друг с другом, как будто их тоже контролировали, как и всё в этом мире. Вдалеке она видела здания - белые, кубические, с большими окнами, в которых отражалось синее небо. Всё было чистым, правильным, стерильным. Слишком правильным.

За её спиной неслышно закрылась панель купола, и она знала, что путь назад отрезан. Она пересекла границу. Она была внутри.

Корвус стоял рядом, и его рука лежала на рукояти ножа, спрятанного под курткой. Его глаза бегали по сторонам, и в них читалась та же тревога, которую она чувствовала сама. Вера сжала кулаки, и её татуировка на скуле, казалось, потемнела от напряжения. Марк и Дэн стояли по бокам, их лица были каменными, но она видела, как они сжимают оружие, готовые в любой момент выхватить его. Они были воинами, но здесь, в этом райском саду, они чувствовали себя чужаками, как дикие звери, попавшие в клетку.

- Доктор, - прошептал Корвус, наклоняясь к ней, и его голос был хриплым, как будто он сдерживал крик. - Нас встретят. Я знаю. Они всегда встречают. Мы должны быть готовы ко всему.

- Я знаю, - ответила она, стараясь, чтобы её голос звучал

ровно, хотя внутри всё дрожало от напряжения. - Держитесь рядом. Никакой агрессии. Мы здесь как гости, пока не выясним, что происходит.

Она не закончила фразу, потому что в этот момент услышала шаги. Много шагов. Они были ровными, синхронными, как удары метронома, и они приближались с боковой улицы, оттуда, где виднелась арка из белого камня, увитая плющом, который рос в идеальном порядке. Айрис повернула голову и увидела их.

Они выходили из-за арки - шестеро фигур в одинаковых серебристых комбинезонах, которые облегали их тела, как вторая кожа, и переливались на солнце, отражая свет. Их лица были скрыты под прозрачными шлемами, за которыми она видела черты - молодые, гладкие, без единой морщины, но их глаза были пустыми. Не просто спокойными или сосредоточенными, а абсолютно пустыми, как у кукол, у которых стеклянные зрачки смотрели в никуда. Они двигались с механической грацией - каждый шаг был одинаковой длины, каждая рука качалась в одном ритме, как будто их телами управлял один общий разум. Они были не людьми. Или уже не людьми.

Айрис почувствовала, как её сердце пропустило удар, когда она увидела их глаза - те самые пустые, светящиеся глаза, которые она видела у людей в деревне, у тех, кто окружил их, у женщины с седыми волосами. Но здесь они были другими. Более совершенными. Более механическими. Это были

не те, кого накачали препаратами. Это были гибриды - люди, которых переделали, которых превратили в часть системы.

- Не двигайтесь, - сказала она отряду, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё сжималось от страха. - Они хотят нас проверить. Не дайте им повода.

Стражи-гибриды остановились в пяти метрах от них, выстроившись в ровную линию. Их движения были синхронными, как у солдат на параде, и они замерли, глядя на отряд сквозь свои прозрачные шлемы. Один из них, тот, что стоял в центре, сделал шаг вперёд и поднял руку. В его ладони был маленький прибор - серебристый, гладкий, без единой кнопки, который, казалось, был частью его перчатки. Он поднёс его к лицу, и прибор издал тихий, мелодичный звук, похожий на пение птицы.

- ДНК-сканер, - прошептала Айрис, узнавая технологию. Она видела подобные в лабораториях Генезис, но те были громоздкими и несовершенными. Этот был крошечным, изящным и работал бесшумно. - Они проверят нас.

- А что, если они найдут что-то, чего не должны? - спросила Вера, и в её голосе послышался металл. - Моя ДНК не совсем чистая. У меня были эксперименты. После войны...

- Молчи, - резко сказал Корвус, перебивая её. - Доктор знает, что делать.

Но Айрис не знала. Она смотрела на стражей, которые теперь медленно двигались к ним, и чувствовала, как холод пробегает по её спине. Она знала, что её собственная ДНК

- это ключ. Её мать создала генетическую матрицу, которая была вплетена в её клетки, и если Лена получит доступ к этому коду, она сможет использовать его. Но она также знала, что если она будет сопротивляться, если она попытается скрыть свою ДНК, они поймут, что она скрывает что-то, и это будет ещё хуже. Она должна была пройти сканирование. Она должна была показать им то, что они хотят увидеть.

Первый страж подошёл к ней. Он был почти на голову выше её, и она чувствовала, как от него исходит холод - не физический, а какой-то внутренний, который проникал в её кости, как радиация. Он поднял руку, и прибор засветился синим светом, который скользнул по её лицу, затем по шее, затем по запястью, которое он схватил холодными пальцами. Его прикосновение было металлически-холодным, и она почувствовала, как по её коже пробегают мурашки. Прибор издал короткий звук, и на его поверхности загорелись зелёные огни.

Страж отпустил её руку и кивнул - механически, как автомат. Затем он повернулся к следующему - к Корвусу.

Айрис затаила дыхание. Она знала, что Корвус был в «Эдеме» раньше, что он сбежал оттуда, и что его ДНК может быть занесена в базу данных как "дезертир" или "предатель". Если они узнают его, всё будет кончено. Она видела, как Корвус напрягся, как его пальцы сжали рукоять ножа, как его челюсть сжалась до скрежета. Она видела, как пот выступил на его висках, как его глаза стали твёрдыми и го-

товыми к прыжку. Она хотела крикнуть: «Не сопротивляйся!», но слова застряли в горле.

Страж остановился перед Корвусом. Его пустые глаза смотрели прямо в лицо беглеца, и Айрис видела, как Корвус смотрит в ответ, не отводя взгляда. Сканер зажужжал, синий свет скользнул по его коже, по шрамам на руках, по лицу. Время тянулось медленно, как густой мёд, и она чувствовала, как каждое сердцебиение отдаётся в ушах глухим стуком.

Затем сканер издал тот же мелодичный звук, и на нём загорелся зелёный свет. Страж отпустил руку Корвуса и кивнул, как будто ничего не произошло.

Айрис выдохнула, чувствуя, как напряжение уходит из её плеч. Она не знала, как им удалось обмануть систему, но они прошли. Она посмотрела на Корвуса, и он едва заметно кивнул ей - его лицо было бледным, но в глазах мелькнула тень облегчения.

Остальных сканировали так же быстро. Вера, Марк, Дэн - все они прошли проверку, и стражи-гибриды, закончив свою работу, выстроились в линию и замерли, ожидая дальнейших указаний. Затем один из них, тот, что сканировал Айрис, поднял руку и указал в сторону белого здания, которое стояло в нескольких сотнях метров от них.

- Следуйте за нами, - сказал он, и его голос был ровным, безэмоциональным, механическим. Он не звучал как человеческий голос - он был синтезированным, лишённым всяких интонаций, как у голосового помощника. - Вы помеще-

ны в карантин до завершения проверки.

- Карантин? - переспросила Айрис, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно, хотя внутри у неё всё сжалось от предчувствия. - Зачем? Мы уже прошли сканирование.

- Стандартная процедура, - ответил страж, и в его голосе не было ни капли сочувствия. - Все прибывшие проходят адаптацию. Вы будете размещены в отдельных помещениях. Через двадцать четыре часа вас осмотрят и допустят к жизни в Эдеме.

Корвус шагнул вперёд, и Айрис видела, как его рука снова потянулась к ножу. Она схватила его за запястье и сжала, останавливая.

- Мы подчиняемся, - сказала она твёрдо, глядя на стражей.
- Мы ждём ваших указаний.

Она видела, как Корвус смотрит на неё с непониманием и гневом, но она не могла рисковать. Если они начнут сопротивляться сейчас, их убьют на месте, и она не сможет найти «Протокол 7», не сможет остановить Лену, не сможет спасти мир.

Стражи развернулись и пошли вперёд, и отряд двинулся за ними. Айрис шла, чувствуя, как каждый шаг по идеальному белому камню отдаётся в её ногах, как воздух становится всё более влажным и тёплым, как запах цветов становится всё более приторным, почти тошнотворным. Она оглядывалась по сторонам, и видела, как люди на улицах смотрят на них с любопытством, но это был странный взгляд - безжиз-

ненный, как у манекенов. Они улыбались, но их улыбки не достигали глаз. Они стояли в дверях своих идеальных домов, на балконах, на скамейках, и наблюдали, как процессия проходит мимо, и их лица ничего не выражали.

Она видела детей, которые играли в парке, но они не смеялись. Их движения были точными, но безрадостными. Их голоса не поднимались в криках и визге, как у обычных детей. Они двигались, как заводные игрушки, и это зрелище было более ужасным, чем любые руины, которые она видела в пустошах.

- Это неправильно, - прошептала Вера, и в её голосе был ужас. - Они не живут. Они просто... существуют.

- Молчи, - сказала Айрис, но она соглашалась. Это было неправильно. Всё это было неправильно. Но она не могла остановиться. Она должна была идти дальше.

Они прошли через парк, мимо фонтанов, которые били идеальными струями, мимо аллей с розами, которые цвели так идеально, как будто их посадили только вчера. Наконец они подошли к белому зданию, которое оказалось не домом, а станцией - длинным одноэтажным строением с рядом дверей, которые вели в небольшие комнаты. Стражи остановились у входа и открыли одну из дверей, жестом приглашая Айрис войти.

Она заглянула внутрь. Комната была маленькой, но чистой, с узкой койкой, столом и небольшим окном, которое выходило во внутренний двор с искусственным прудом. На

стенах не было ничего - ни картин, ни украшений, ни следов жизни. Это была тюремная камера, замаскированная под гостиничный номер.

- Каждый из вас будет размещён в отдельной комнате, - сказал страж. - Двери будут заперты. Не пытайтесь выходить - это может быть опасно для вашего здоровья.

- Опасно? - переспросил Марк, и его голос был полон сарказма. - Что, укусит кто-то?

Страж не ответил. Он просто указал на следующую дверь, и Айрис поняла, что у неё нет выбора.

- Корвус, - сказала она, поворачиваясь к нему. - Я найду способ связаться с вами. Будьте наготове. Не делайте глупостей.

Он посмотрел на неё и кивнул. В его глазах была та же стальная решимость, что и в её, но она видела, что он боится. Боится за неё, за отряд, за всё, что они потеряли.

- Будьте осторожны, доктор, - сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым. - Вы - наша единственная надежда.

Она вошла в комнату, и дверь захлопнулась за ней с глухим, металлическим стуком, который отдался в её ушах, как звук захлопывающейся клетки. Она повернула ручку - она была заперта. Она подошла к окну и попыталась открыть его - оно было закреплено. Она провела рукой по стене, ища любую трещину, любую щель, любой способ выбраться, но стены были идеально гладкими, как и всё в этом мире.

Она села на койку, чувствуя, как силы покидают её, как

холодный пот выступает на её лбу, как дыхание становится прерывистым. Она была в ловушке. Она попала в «Эдем», но вместо того, чтобы найти ответы, она оказалась в карантине, изолированная от своего отряда, от Элиаса, от всего, что она знала.

Она сжала кулаки и посмотрела в окно на идеальный пруд, на золотых рыбок, которые плавали в нём кругами, не останавливаясь, не отклоняясь от курса. Они тоже были в ловушке. Они тоже были марионетками.

- Я выберусь, - прошептала она в тишину. - Я найду способ. Я не позволю им победить.

Но внутри неё росло холодное чувство, которое говорило ей, что это только начало. Что впереди её ждёт нечто гораздо более страшное, чем карантин.

Она закрыла глаза и стала ждать.

Дверь открылась ровно через двадцать четыре часа. Айрис слышала, как за ней щёлкнул замок, и когда она подняла голову, на пороге стояла женщина в белом халате - не страж-гибрид, а обычный человек, с живыми глазами и лёгкой улыбкой на лице. Она была молодой, лет тридцати, с аккуратным пробором в каштановых волосах и тонкими чертами лица, которые казались правильными, почти идеальными, но не механическими. В её руках был планшет, и она держала его так, как будто он был частью её тела.

- Доктор Айрис, - сказала она, и её голос был тёплым, почти дружелюбным. - Рада приветствовать вас в Эдеме. Меня

зовут Элиан. Я ваш куратор на время адаптации. Прошу вас следовать за мной.

Айрис встала с койки, чувствуя, как затекшие мышцы протестуют против движения. Она провела рукой по лицу, стирая остатки сна, и посмотрела на женщину. Элиан - она запомнила это имя. Она должна была запоминать всё, каждое лицо, каждое имя, каждую деталь, которая могла пригодиться.

- А где мой отряд? - спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Мои люди. Где они?

- Ваши спутники проходят ту же адаптацию, что и вы, - ответила Элиан, и её улыбка стала чуть шире. - Они в полной безопасности. У нас нет причин причинять им вред. Эдем - это место мира и согласия.

Айрис хотела возразить, хотела сказать, что она не верит ни единому слову, но она знала, что это бесполезно. Она должна была играть по их правилам, пока не найдёт способ действовать. Она кивнула и вышла из комнаты, следуя за Элиан.

Коридор был таким же идеально чистым, как и всё в этом мире. Стены были белыми, без единой трещины, и пол блестел, отражая свет встроенных ламп, которые горели ровным, тёплым светом, не давая теней. Айрис шла, чувствуя, как каждый шаг по гладкому полу отдаётся эхом, и думала о том, что здесь нет ни пыли, ни грязи, ни следов жизни. Это было место, которое существовало вне времени.

Они вышли из здания через стеклянную дверь, которая открылась перед ними автоматически, и Айрис снова оказалась на улице. Но теперь город предстал перед ней во всей своей красе. Солнце стояло высоко, и его лучи проникали сквозь купол, создавая мягкий, рассеянный свет, который делал всё вокруг почти сказочным. Улицы были широкими, выложенными белым камнем, и по обеим сторонам росли деревья - аккуратные, подстриженные, с изумрудными кронами, которые не шевелились на ветру, потому что ветра здесь не было. Воздух был неподвижным, тёплым, и в нём пахло розами и чем-то сладким, как мёд.

Айрис смотрела по сторонам, и её глаза не могли привыкнуть к тому, что она видела. Люди. Они были повсюду. Они гуляли по улицам, сидели на скамейках, разговаривали друг с другом, читали книги в небольших садах, которые были разбиты у каждого дома. Они улыбались. Все они улыбались. Но их улыбки были странными - слишком ровными, слишком одинаковыми, как будто их лица были зафиксированы в одном выражении. Они смотрели на неё, когда она проходила мимо, и их взгляды были вежливыми, но пустыми.

Она остановилась у небольшого фонтана, который бил идеальной струёй воды, и посмотрела на женщину, которая сидела на скамейке рядом и держала в руках книгу. Женщина подняла голову, и их взгляды встретились. На мгновение Айрис показалось, что в её глазах мелькнуло что-то человеческое, какая-то искра, которая была скрыта глубоко внутри.

Но затем женщина улыбнулась той же идеальной улыбкой, и искра погасла.

- Здравствуйте, - сказала женщина, и её голос был мягким, как у ребёнка. - Добро пожаловать в Эдем.

- Здравствуйте, - ответила Айрис, стараясь говорить так же мягко. - Вы счастливы здесь?

Женщина посмотрела на неё, и её улыбка стала чуть шире, но в глазах по-прежнему не было света.

- Конечно, - сказала она. - Мы все счастливы. Здесь нет голода, нет войны, нет боли. У каждого из нас есть цель, есть работа, есть место в обществе. Мы нужны друг другу. Мы важны.

- Но у вас есть выбор? - спросила Айрис, и она почувствовала, как внутри неё поднимается волна холода, которая не имела ничего общего с погодой. - Вы можете выбрать, чем заниматься, с кем быть, где жить?

Женщина на мгновение задумалась, и Айрис увидела, как в её глазах появилась лёгкая тень - что-то, что могло быть воспоминанием или сомнением. Но затем эта тень исчезла, и женщина улыбнулась снова, ещё более ярко.

- Счастье - это отсутствие выбора, - сказала она, и её голос был ровным, как будто она повторяла заученную фразу. - Когда у тебя нет выбора, ты не можешь ошибиться. Ты просто делаешь то, что должен, и это приносит тебе удовлетворение. Мы все делаем то, что должны, и мы все счастливы.

Айрис смотрела на неё, и внутри неё поднималась волна

ужаса. Она видела перед собой не человека, а марионетку, которая не знает, что она марионетка. Она видела женщину, которая потеряла себя, которая стала частью системы, которая не хочет и не может думать иначе.

- А если бы у вас был выбор, - спросила она тихо, - вы бы что-то изменили?

Женщина посмотрела на неё, и на мгновение её улыбка дрогнула. В её глазах мелькнуло что-то похожее на страх, но она быстро взяла себя в руки.

- Нам пора идти, - сказала Элиан, подходя к Айрис и мягко касаясь её плеча. - Лена ждёт вас. Не стоит заставлять её ждать.

Айрис повернулась и пошла за ней, но она не могла выбросить из головы слова женщины. «Счастье - это отсутствие выбора». Она повторяла их снова и снова, и они звучали в её голове, как приговор, как пророчество. Это была философия «Эдема». Это была философия Лены.

Она шла по идеальным улицам, и с каждым шагом она видела всё больше людей, которые улыбались, которые разговаривали, которые жили в этом идеальном мире. Но их глаза были пустыми, и их движения были механическими, и она знала, что за каждой улыбкой скрывается пустота. Это был рай, но рай, в котором не было места для души.

Она прошла мимо школы, где дети играли в идеальные игры, не крича и не ссорясь. Она прошла мимо рынка, где продавцы предлагали идеальные фрукты и овощи, но никто

не торговался, никто не спорил. Она прошла мимо парка, где молодые пары сидели на скамейках и держались за руки, но их руки не сжимались в страстных объятиях, они просто лежали рядом, как будто это была часть ритуала.

Она видела, как клоны - те, кого она могла отличить по бледной коже и слишком правильным чертам, - работали в полях, которые были разбиты за жилыми домами. Они двигались с той же механической точностью, что и стражи-гибриды, их лица были бесстрастными, и их глаза смотрели в никуда. Они не разговаривали друг с другом, не улыбались, не жаловались. Они просто работали, как машины, которые знают свою функцию.

Айрис чувствовала, как внутри неё нарастает гнев, смешанный с отчаянием. Она видела, что «Эдем» - это не убежище, а фабрика по производству рабов, которые не знают, что они рабы. Она видела, что Лена создала систему, которая лишает людей их воли, их свободы, их человечности. И она знала, что должна остановить это. Она должна была найти «Протокол 7». Она должна была уничтожить этот мир, который был построен на лжи.

- Мы скоро придём, - сказала Элиан, прерывая её мысли. - Вы будете размещены в гостевой комнате в главном здании. Лена примет вас завтра утром. Она хочет лично поговорить с вами.

- Завтра? - переспросила Айрис, чувствуя, как разочарование сжимает её грудь. - Я думала, она хочет увидеть меня

сразу.

- Лена очень занятая женщина, - ответила Элиан, и её улыбка стала чуть более напряжённой. - Она руководит целым городом. Но она выделила вам время. Завтра в девять утра. Она будет ждать вас в своих покоях.

Айрис кивнула, хотя внутри неё всё кипело от нетерпения и тревоги. Она хотела встретиться с Леной сейчас, немедленно, чтобы задать ей все вопросы, которые накопились за это время. Но она знала, что должна ждать. Она должна была играть по их правилам, пока не узнает, как работает эта система.

Они подошли к огромному белому зданию, которое возвышалось в центре города. Оно было похоже на храм или дворец, с высокими колоннами и большими окнами, в которых отражалось небо. Оно было красивым, величественным, но в нём не было жизни. Оно выглядело как гробница, и Айрис чувствовала, как холодок пробегает по её спине, когда она поднималась по мраморным ступеням.

Элиан провела её внутрь, через холл, украшенный живыми цветами и фонтанами, и остановилась у массивной деревянной двери, которая была покрыта резьбой. Она открыла её, и Айрис увидела комнату, которая была такой же идеальной, как и всё в этом мире - просторной, светлой, с большим окном, выходящим на сад.

- Ваша комната, - сказала Элиан, жестом приглашая её войти. - Здесь вы можете отдохнуть и подготовиться к встре-

че с Леной. Я пришлю за вами завтра утром.

Айрис шагнула внутрь, и дверь закрылась за ней. Она осталась одна в комнате, которая была похожа на ту, где она была в карантине - такая же стерильная, такая же пустая, такая же безжизненная. Она подошла к окну и посмотрела на сад, где идеальные деревья росли в идеальном порядке, где цветы цвели в идеальное время года, где всё было подчинено контролю.

Она сжала кулаки и пообещала себе: она выберется. Она найдёт способ. Она остановит Лену. Она освободит этих людей, даже если они не знают, что они в тюрьме.

- Я сделаю это, - прошептала она в тишину. - Я сделаю это ради матери. Ради Кейна. Ради Горы. Ради всех, кто погиб.

Она стояла у окна и смотрела на идеальный сад, и в её голове звучали слова женщины с пустыми глазами: «Счастье - это отсутствие выбора». Она повторяла их снова и снова, и

Айрис стояла у окна гостевой комнаты, но вместо того чтобы отдохнуть, она смотрела на сад и ждала. Ждала, когда кто-нибудь придёт, когда что-нибудь произойдёт, когда она сможет действовать. Тишина давила на неё, и она чувствовала, как каждая минута бездействия превращается в вечность. Она не могла сидеть сложа руки. Она не могла ждать, пока Лена соизволит принять её. Она должна была узнать больше. Она должна была понять, как работает этот мир, чтобы разрушить его.

Она подошла к двери и проверила ручку - она была за-

перта. Она подошла к окну и попробовала открыть его - оно было закреплено. Она провела рукой по стенам, ища любую трещину, любую щель, любой способ выбраться, но стены были идеально гладкими, как и всё в этом мире. Она была в ловушке. Идеальная комната, идеальная тюрьма.

Но затем она услышала звук за дверью - тихий, настойчивый, похожий на скрежет металла. Она замерла, прислушиваясь. Звук повторился, и она поняла, что это кто-то пытается открыть дверь снаружи. Она подошла ближе, и в этот момент замок щёлкнул, и дверь приоткрылась.

На пороге стояла Элиан. Её лицо было бледным, и она оглядывалась по сторонам, как будто боялась, что её кто-то увидит. В руках у неё был ключ - старый ржавый ключ, который выглядел чужеродным в этом идеальном мире.

- Доктор Айрис, - прошептала она, и её голос был тихим, почти беззвучным. - У нас нет времени. Мне нужно кое-что вам показать. Но вы должны пообещать, что не расскажете об этом Лене.

Айрис посмотрела на неё и увидела в её глазах что-то, чего не было раньше - страх. Настоящий, человеческий страх. И в этот момент она поняла, что Элиан не была частью системы. Она была частью сопротивления.

- Я обещаю, - сказала Айрис, и её голос был твёрдым. - Ведите меня.

Элиан кивнула и жестом пригласила её следовать за собой. Они вышли в коридор, и Элиан повела её через лабиринт

белых комнат и лестниц, которые, казалось, не имели конца. Они прошли мимо патрулей, которые стояли неподвижно, как статуи, и не замечали их. Они прошли через кухню, где роботы готовили идеальную еду, и через склад, где хранились запасы идеальных продуктов. Наконец они вышли через заднюю дверь и оказались на улице, за пределами главного здания.

- Быстрее, - сказала Элиан, и её голос дрожал. - Если нас заметят, мы умрём. Оба.

Они побежали по узкой тропинке, которая вела за жилые кварталы, туда, где начинались поля. Айрис чувствовала, как ветер обдувает её лицо, как пыль оседает на её коже, как сердце бьётся быстрее от адреналина. Она бежала за Элиан, и они остановились только тогда, когда оказались на краю огромного поля, которое простиралось на многие километры.

Айрис замерла. Она смотрела на поле, и то, что она увидела, заставило её кровь застыть в жилах.

Поле было огромным, уходящим до самого горизонта, и оно было покрыто идеальными рядами растений. Пшеница, кукуруза, овощи - всё росло ровными линиями, как будто их посадили с помощью лазера. Растения были высокими и зелёными, без единого сорняка, без единого повреждения. Но это было не то, что привлекло её внимание.

На поле работали клоны. Их были сотни, может быть, тысячи. Они двигались по рядам, собирая урожай, и их движе-

ния были механическими, синхронными, как у роботов. Они сгибались, поднимали овощи, клали их в корзины, которые висели у них на поясах, и затем шли дальше. Они не разговаривали друг с другом, не улыбались, не жаловались. Они просто работали, как машины, которые знают свою функцию.

Айрис подошла ближе, и она увидела их лица. Они были молодыми, почти детскими, с правильными чертами и бледной кожей. Их глаза были пустыми, как у стражей-гибридов, но в них было что-то ещё - что-то, что она не могла описать. Это было похоже на тень, на отголосок того, что когда-то было душой. Они были живыми, но они не жили. Они существовали, но их существование было лишено смысла.

Она подошла к одному из них - молодому парню, лет восемнадцати, с тонкими чертами лица и светлыми волосами. Он сгибался, поднимал овощи, клал их в корзину и шёл дальше. Он не замечал её, не реагировал на её присутствие. Она протянула руку и коснулась его плеча.

Парень замер. Он медленно повернул голову и посмотрел на неё. Его глаза были пустыми, как у куклы, но на мгновение ей показалось, что в них мелькнула искра - что-то, что было похоже на узнавание или удивление. Он смотрел на неё, и его губы приоткрылись, как будто он хотел что-то сказать.

- Кто ты? - спросила она тихо. - Ты помнишь себя? Ты помнишь, кто ты был?

Парень смотрел на неё, и его лицо было неподвижным, но

в его глазах она видела борьбу - борьбу между тем, что он был, и тем, чем его сделали. Его губы шевельнулись, и она услышала тихий, почти беззвучный шёпот:

- Я... я был... человеком...

Но прежде чем он успел сказать что-то ещё, к ним подошёл надзиратель - страж-гибрид в серебристом комбинезоне, с пустыми глазами и механическими движениями. Он поднял руку и направил на парня устройство, которое издало короткий, резкий звук. Парень вздрогнул, и искра в его глазах погасла. Его лицо стало снова пустым, и он повернулся к ней, его движения были механическими, как у марионетки.

- Извините, - сказал он, и его голос был ровным, без интонаций. - Я должен продолжать работать. Прошу вас не мешать.

Он развернулся и пошёл дальше, сгибаясь, поднимая овощи, кладя их в корзину. Он больше не смотрел на неё. Он был машиной, которая выполняла свою функцию.

Айрис смотрела на него, и внутри неё поднималась волна ярости, смешанная с отчаянием. Она видела, что «Эдем» - это не рай. Это фабрика по производству рабов, которые не знают, что они рабы. Это машина, которая перемалывает людей, превращая их в винтики.

Элиан подошла к ней и коснулась её плеча.

- Теперь вы понимаете, - сказала она, и её голос был тихим, почти сломленным. - Они все такие. Они не помнят себя. Они не знают, кем они были. Лена забрала у них их

жизнь, их воспоминания, их личности. Они просто работают, пока не умрут.

- Но как? - спросила Айрис, и её голос дрожал от гнева. - Как она это делает? Как она заставляет их забывать?

- Это «Протокол 7», - сказала Элиан, и её глаза расширились от страха, как будто она произнесла запретное слово. - Или, точнее, его версия, которую Лена создала. Она не уничтожила его, как говорила ваша мать. Она переделала его. Она использует его, чтобы стирать воспоминания, чтобы перепрограммировать людей, чтобы делать их послушными. Она говорит, что это во благо. Она говорит, что это даёт людям шанс начать новую жизнь, свободную от боли. Но на самом деле она просто превращает их в рабов.

Айрис смотрела на поле, где сотни клонов работали в идеальном порядке, и она чувствовала, как её сердце разрывается от боли. Она видела перед собой не просто работников. Она видела людей, которые потеряли себя. Людей, которые были созданы для того, чтобы служить системе. Людей, у которых отняли их свободу, их память, их душу.

Она вспомнила слова женщины у фонтана: «Счастье - это отсутствие выбора». Теперь она понимала, что это значило. Это значило, что «Эдем» крадёт у людей их волю и выдаёт это за счастье. Это значило, что Лена создала идеальный мир, но заплатила за это человеческими жизнями.

- Я должна остановить это, - сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. - Я должна найти «Протокол 7». Я долж-

на уничтожить эту систему.

- Это не так просто, - сказала Элиан, и в её голосе была боль. - Лена умна. Она спрятала «Протокол» так, что никто не может его найти. Даже я не знаю, где он. Но я знаю, кто знает. Лена знает. Она - единственная, у кого есть доступ к нему.

Айрис посмотрела на неё, и в её глазах появилась решимость. Она знала, что должна встретиться с Леной. Она должна была заставить её говорить. Она должна была найти способ остановить этот безумный мир.

- Тогда я поговорю с ней, - сказала она. - Я заставлю её сказать мне правду.

- Будьте осторожны, - сказала Элиан, и её голос был полон страха. - Лена опасна. Она не просто лидер. Она верит в то, что делает. Она считает, что спасает мир. И она не остановится ни перед чем, чтобы защитить своё творение.

Айрис кивнула. Она знала, что это будет опасно. Она знала, что Лена может попытаться убить её или использовать её. Но у неё не было выбора. Она должна была рискнуть. Ради матери, ради Кейна, ради Горы, ради всех, кто погиб. Ради всех, кто ещё жив.

- Я готова, - сказала она. - Я встречу с ней завтра. И я узнаю правду.

Они вернулись в главное здание той же тропинкой, стараясь не попадаться на глаза патрулям. Айрис чувствовала, как внутри неё поднимается волна решимости, которая сметает

все сомнения. Она видела, как работает «Эдем». Она видела, как он уничтожает людей, превращая их в рабов. И она знала, что должна остановить это. Она должна была найти «Протокол 7». Она должна была освободить этих людей, даже если они не знают, что они в тюрьме.

Когда они вернулись в комнату, Элиан открыла дверь и жестом пригласила её войти.

- Отдыхайте, - сказала она. - Завтра у вас будет важный день. Я пришлю за вами утром.

Айрис вошла в комнату, и дверь закрылась за ней. Она подошла к окну и посмотрела на поле, которое виднелось вдалеке. Она видела, как клоны продолжают работать, как их движения становятся всё более механическими, как их лица становятся всё более пустыми. Она видела, как «Эдем» пожирает их, как он перемалывает их в своих жерновах.

- Я остановлю это, - прошептала она в тишину. - Я остановлю тебя, Лена. Я обещаю.

Айрис закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как холодный металл давит на лопатки через тонкую ткань рубашки. В груди всё ещё колотилось сердце - не от быстрого бега, а от того, что она увидела на полях. Те клоны, их пустые глаза, их механические движения, их тихие голоса, которые почти говорили, что они всё ещё помнят себя. Она сжала кулаки, и ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы боли. Она должна была запомнить это. Она должна была запомнить каждое лицо, каждое мгновение, чтобы,

когда наступит момент, у неё были силы сделать то, что нужно.

Она отошла от двери и медленно обвела взглядом комнату. Она уже видела её раньше, но теперь, после того, что она узнала, она смотрела на неё иначе. Это была не просто гостевая комната, это была клетка. Идеальная, красивая, но клетка. Стены были белыми и гладкими, без единой трещины, без единого пятна. Мебель была простой и элегантной - кровать с идеально заправленным бельём, стол, стул, небольшой шкаф. На стене висела картина - идеальный пейзаж с горами и озером, который казался слишком правильным, чтобы быть настоящим. Пол был покрыт ковром, который был таким мягким, что ноги утопали в нём. Всё было сделано для того, чтобы гость чувствовал себя комфортно. Всё было сделано для того, чтобы гость не хотел уходить.

Айрис подошла к окну и посмотрела вниз. Сад, который она видела раньше, теперь казался ей другим. Деревья стояли ровными рядами, их кроны были аккуратно подстрижены, и они выглядели как декорации, а не как живые существа. Цветы цвели идеальными бутонами, и их лепестки не опадали, как будто время остановилось для них. Всё было под контролем. Каждое растение, каждый куст, каждый лист был частью системы, которая управляла этим миром.

Она провела рукой по стеклу. Оно было холодным и гладким, как и всё в этом мире. Она попыталась найти способ открыть окно, но оно было закреплено, как и в карантинной

комнате. Она не удивилась. Она знала, что Лена не оставит ей лазеек.

Она отошла от окна и подошла к кровати. Она села на край, и матрас прогнулся под её весом, мягкий и удобный. Она провела рукой по покрывалу - оно было шёлковым, гладким, прохладным. Всё в этой комнате было создано для того, чтобы успокоить, усыпить бдительность, заставить забыть, зачем ты здесь. Но Айрис не могла забыть. Она не могла позволить себе расслабиться.

Она вспомнила поле, клонов, их пустые глаза. Она вспомнила молодого парня, который почти сказал ей, что он был человеком. Она вспомнила, как надзиратель стёр эту искру, превратив его снова в машину. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна гнева, смешанная с отчаянием. Она была здесь, в самом сердце врага, но она была бессильна. Она не знала, где находится «Протокол 7». Она не знала, как остановить эту систему. Она не знала, сможет ли она вообще что-то сделать.

Она закрыла глаза и попыталась успокоиться. Она должна была думать ясно. Она должна была найти способ выиграть время, найти слабое место в этой идеальной системе. Она вспомнила слова Элиан: «Лена знает, где находится «Протокол». Она - единственная, у кого есть доступ». Значит, ей нужно было заставить Лену говорить. Она должна была встретиться с ней завтра и задать ей правильные вопросы. Но она знала, что Лена не будет говорить просто так. Она

должна была найти способ заставить её.

Она открыла глаза и посмотрела на свои руки. Они были тонкими, с длинными пальцами, привыкшими к микроскопам и пробиркам. Они не были созданы для борьбы. Но она знала, что они могут сделать больше, чем просто проводить исследования. Они могут держать оружие, если нужно. Они могут сжимать кулаки. Они могут сражаться.

Она встала и начала осматривать комнату более тщательно. Она проверила каждый угол, каждую щель, каждую поверхность. Она искала скрытые камеры, микрофоны, любые устройства, которые могли следить за ней. Она знала, что в таком месте, как «Эдем», за ней обязательно наблюдают. Она была гостьей, но она также была заключённой.

Она нашла их. Три маленьких устройства, спрятанных в стенах, за картиной и под столом. Они были почти незаметными, но она знала, как их искать. Она достала из кармана маленькую отвертку, которую носила с собой на случай, если понадобится что-то починить, и начала аккуратно отключать их, стараясь не повредить проводку. Она не хотела, чтобы Лена знала, что она знает о них. Она оставила одно, самое маленькое, которое было спрятано в углу, чтобы у них была иллюзия контроля.

Когда она закончила, она села на кровать и почувствовала, как усталость наваливается на неё. Она не спала почти двое суток, и тело требовало отдыха. Но она не могла уснуть. Она не могла позволить себе расслабиться, пока не будет уверена,

что она в безопасности.

Она встала и подошла к столу. На столе лежала небольшая записка, которую она не заметила раньше. Она взяла её и прочитала: «Добро пожаловать в Эдем. Мы надеемся, что вы найдёте здесь мир и покой. Если вам что-то понадобится, просто нажмите на кнопку вызова. Мы всегда рады помочь». Записка была написана идеальным почерком, без единой поправки. Она выглядела как часть рекламного буклета, а не как личное сообщение.

Айрис сжала записку в руке и разорвала её на мелкие кусочки. Она не хотела мира и покоя. Она хотела правды. И она была готова бороться за неё.

Она подошла к шкафу и открыла его. Внутри висела одежда - простая, удобная, идеально подходящая по размеру. Это было ещё одним доказательством того, что за ней следили. Они знали её размер, её привычки, её предпочтения. Они знали о ней всё. Но они не знали главного. Они не знали, что она готова пожертвовать собой, чтобы остановить их.

Она выбрала простую белую блузку и тёмные брюки. Она не хотела выглядеть как гостья, которая пришла на чай. Она хотела выглядеть как человек, который готов к бою. Она переделалась, чувствуя, как ткань ложится на её тело, как она становится частью неё. Она была готова.

Она подошла к кровати и легла, глядя в потолок. Он был белым, гладким, без единой трещины. Она смотрела на него, и её мысли крутились, как колёса сломавшегося механизма.

Она думала о матери, о том, как она держала её за руку в последний раз, о том, что она сказала: «Я оставлю тебе ключ. Ты знаешь, что делать». Она думала о Кейне, о его улыбке, о том, как он держал её за руку и обещал, что всё будет хорошо. Она думала о Горе, о его суровых глазах, о том, как он учил её быть сильной.

Она думала о том, что она должна сделать завтра. Она должна была встретиться с Леной. Она должна была заставить её говорить. Она должна была найти «Протокол 7». Она должна была остановить этот мир.

Она закрыла глаза и позволила себе погрузиться в темноту. Она не знала, что ждёт её завтра, но она знала одно: она не сдастся. Она будет бороться до конца. Ради матери. Ради Кейна. Ради Горы. Ради всех, кто погиб, и ради всех, кто ещё жив.

Она провалилась в тревожный, беспокойный сон, полный образов клонов с пустыми глазами, идеальных деревьев и голоса Лены, который шептал ей: «Счастье - это отсутствие выбора».

Она проснулась от тихого стука в дверь. Она открыла глаза и почувствовала, как сердце снова начинает биться быстрее. Она встала с кровати, чувствуя, как усталость ещё не прошла, но адреналин уже заливает её кровь.

Дверь открылась, и на пороге стояла Элиан.

- Доброе утро, доктор Айрис, - сказала она, и её голос был таким же тихим, как вчера. - Лена готова принять вас. Она

ждёт вас в своих покоях.

Айрис кивнула.

- Я готова, - сказала она. - Ведите меня.

Она вышла из комнаты, чувствуя, как внутри неё поднимается волна решимости. Она была готова. Она была готова ко всему. Она встретится с Леной. Она задаст ей все вопросы. Она узнает правду. И она сделает то, за чем пришла.

Она пошла за Элиан через лабиринт белых коридоров, и её шаги были твёрдыми, уверенными. Она знала, что это только начало. Она знала, что впереди её ждёт долгая битва. Но она была готова. Она была готова сражаться до конца. Ради всех, кто верил в неё. Ради всех, кто ждал её возвращения. Ради свободы.

Элиан ушла, оставив Айрис одну в коридоре перед дверью, которая вела обратно в её комнату. Она постояла несколько секунд, прислушиваясь к тишине, которая окутала её, как плотное одеяло. Вокруг не было ни звука - ни шагов охранников, ни голосов, ни даже шелеста ветра за окнами. Только тишина. Глубокая, давящая, почти осязаемая.

Айрис вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Она подошла к окну и посмотрела на сад, который теперь был погружён в темноту. Искусственные фонари мягко освещали дорожки, и их свет отражался в идеальных лужах, которые не высыхали даже ночью. Всё было спокойно, мирно, идеально. Но она знала, что это спокойствие обманчиво.

Она достала из кармана маленькое устройство связи, ко-

торое дал ей Корвус перед тем, как их разлучили. Оно было крошечным, почти незаметным, и она спрятала его в подкладке куртки, когда проходила сканирование. Она нажала на кнопку, и устройство зажужжало, издавая тихий, едва слышимый звук. Она ждала. Ничего.

Она нажала снова, сильнее, почти вдавливая кнопку в корпус. Снова тишина. Только шипение помех, которые звучали как белый шум. Она попыталась настроить частоту, вспоминая код, который они использовали с Корвусом, но устройство не отвечало. Связь была заблокирована. Полностью, абсолютно, безвозвратно.

Айрис сжала устройство в руке и почувствовала, как внутри неё поднимается волна паники. Она была одна. Полностью одна. Она не могла связаться с Корвусом, не могла позвать на помощь, не могла даже узнать, живы ли они. Она была отрезана от всего мира, и этот мир был «Эдемом» - идеальным, стерильным, безжалостным.

Она села на кровать и закрыла глаза, стараясь успокоить дыхание. Она знала, что паника не поможет. Она должна была думать ясно. Она должна была найти способ выбраться из этой ловушки. Но каждое её движение, каждая мысль, казалось, были под контролем. Лена знала, где она. Лена знала, что она делает. Лена контролировала всё.

Она открыла глаза и посмотрела на потолок. Он был белым и гладким, как и всё в этом мире. Она знала, что за ним скрываются камеры, датчики, устройства слежения. Она

знала, что Лена наблюдает за ней. Она знала, что её каждая мысль, каждое движение, каждый вздох регистрируются и анализируются.

Она сжала кулаки и пообещала себе: она не сдастся. Она найдёт способ. Она выберется. Она остановит Лену.

Она легла на кровать и закрыла глаза, но сон не шёл. Она лежала в темноте и смотрела в потолок, и её мысли крутились, как колёса сломавшегося механизма. Она думала о матери, о том, как она держала её за руку в последний раз, о том, что она сказала: «Я оставлю тебе ключ. Ты знаешь, что делать». Она думала о Кейне, о его улыбке, о том, как он держал её за руку и обещал, что всё будет хорошо. Она думала о Горе, о его суровых глазах, о том, как он учил её быть сильной.

Она думала о том, что должна сделать завтра. Она должна была встретиться с Леной. Она должна была заставить её говорить. Она должна была найти «Протокол 7». Она должна была остановить этот мир.

Она закрыла глаза и позволила себе погрузиться в темноту. Она не знала, что ждёт её завтра, но она знала одно: она не сдастся. Она будет бороться до конца. Ради матери. Ради Кейна. Ради Горы. Ради всех, кто погиб, и ради всех, кто ещё жив.

Айрис проснулась от тихого стука в дверь. Она открыла глаза и почувствовала, как сердце снова начинает биться быстрее. Она встала с кровати, чувствуя, как усталость ещё

не прошла, но адреналин уже заливает её кровь.

Дверь открылась, и на пороге стояла Элиан. Она выглядела такой же спокойной, как и вчера, но в её глазах Айрис снова увидела тень страха, которую она прятала за идеальной улыбкой.

- Доброе утро, доктор Айрис, - сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. - Лена готова принять вас. Она ждёт вас в своих покоях. Прошу вас следовать за мной.

Айрис кивнула и встала. Она провела рукой по волосам, поправляя их, и посмотрела на себя в зеркало, которое висело на стене. Она выглядела уставшей, но её глаза горели решимостью. Она была готова.

- Я готова, - сказала она. - Ведите меня.

Она вышла из комнаты, чувствуя, как внутри неё поднимается волна решимости. Она была готова ко всему. Она встретится с Леной. Она задаст ей все вопросы. Она узнает правду. И она сделает то, за чем пришла.

Элиан повела её через лабиринт белых коридоров, которые казались бесконечными. Они прошли мимо комнат, в которых, как знала Айрис, содержались другие гости, мимо лабораторий, где работали учёные в белых халатах, мимо комнат отдыха, где сидели люди с пустыми глазами и механическими улыбками. Всё было идеальным, стерильным, безжизненным.

Наконец они вышли в сад. Он был огромным, и его аллеи вели к главному зданию, которое возвышалось в центре го-

рода. Деревья росли ровными рядами, их кроны были аккуратно подстрижены, и они выглядели как декорации. Цветы цвели идеальными бутонами, и их лепестки не опадали, как будто время остановилось для них. Всё было под контролем. Каждое растение, каждый куст, каждый лист был частью системы, которая управляла этим миром.

Айрис шла по саду, чувствуя, как ветер обдувает её лицо, как аромат цветов наполняет её лёгкие. Но она не могла наслаждаться этим миром. Она знала, что это декорация, созданная для того, чтобы усыпить её бдительность. Она знала, что за этой красотой скрывается ложь.

Она остановилась на мгновение и посмотрела на идеальное дерево, которое росло рядом с дорожкой. Его ветви были аккуратно подстрижены, и они не переплетались друг с другом, как будто их тоже контролировали. Она протянула руку и коснулась его коры. Она была холодной и гладкой, как и всё в этом мире.

- Это дерево выглядит живым, - сказала она, поворачиваясь к Элиан. - Но оно не живёт. Оно просто существует.

- Всё в Эдеме существует в идеальном порядке, - ответила Элиан, и её голос был ровным, но в нём слышалась лёгкая грусть. - Лена считает, что порядок - это единственный способ выжить.

- Но порядок без свободы - это тюрьма, - сказала Айрис. - Вы знаете это, Элиан. Вы знаете, что это не рай. Это клетка. Элиан ничего не ответила. Она просто опустила взгляд и

продолжила идти.

Они подошли к главному зданию, и Айрис подняла глаза на его огромные колонны и высокие окна. Оно выглядело как храм, как дворец, как символ власти, который был создан для того, чтобы внушать страх и уважение. Она знала, что внутри её ждёт Лена. Она знала, что эта встреча будет решающей.

Она сделала глубокий вдох и шагнула вперёд.

Они вошли внутрь через огромные стеклянные двери, которые открылись перед ними автоматически. Холл был таким же идеальным, как и всё в этом мире - высокий потолок, мраморные колонны, фонтаны, в которых била идеальная струя воды. Всё было создано для того, чтобы впечатлять, чтобы подавлять, чтобы заставлять гостей чувствовать себя маленькими и ничтожными.

Элиан провела её через холл к массивной деревянной двери, которая была покрыта резьбой. Она остановилась перед ней и повернулась к Айрис.

- Лена ждёт вас внутри, - сказала она, и в её голосе послышалось напряжение. - Будьте осторожны, доктор. Она не та, кем кажется.

Айрис кивнула и посмотрела на дверь. Она знала, что за ней её ждёт не просто встреча, а битва. Битва за правду, за свободу, за будущее.

- Я готова, - сказала она.

Она открыла дверь и шагнула внутрь.

Дверь открылась беззвучно, как будто её движение было частью сложного механизма, который работал с идеальной точностью. Айрис шагнула через порог и замерла, чувствуя, как воздух в комнате обволакивает её, тёплый и неподвижный, пропитанный ароматом цветов и чего-то ещё - тонким, едва уловимым запахом, который она не могла определить. Возможно, это были духи. Или, возможно, это был запах самой Лены, её присутствия, которое заполняло всё пространство, как вода заполняет сосуд.

Комната была огромной. Потолок уходил вверх, теряясь в полумраке, и свет струился через высокие арочные окна, которые занимали всю стену, выходящую на восток. Утреннее солнце заливало помещение мягким золотистым светом, который отражался от белых мраморных стен и пола, создавая ощущение, что она стоит внутри облака. В центре комнаты стоял длинный стол из тёмного дерева, покрытый стеклом, которое блестело, как поверхность спокойного озера. На столе не было ничего - ни бумаг, ни устройств, ни украшений. Только пустота и свет.

И в центре этого света стояла она.

Лена.

Айрис смотрела на неё, и её сердце билось где-то в горле, заглушая все остальные звуки. Женщина была высокой, стройной, с идеальной осанкой, которая делала её похожей на статую, на произведение искусства, созданное руками великого мастера. Её волосы были собраны в аккуратный пу-

чок на затылке, и ни одна прядь не выбивалась из этой причёски. Её лицо было гладким, без единой морщины, и её кожа сияла бледным, почти фарфоровым светом, который делал её похожей на куклу. Но её глаза - её глаза были живыми. Они были зелёными, как изумруды, как листва идеальных деревьев в саду, и они смотрели на Айрис с холодным, внимательным интересом, который заставлял её чувствовать себя прозрачной, как стекло.

На ней было длинное белое платье, простое, но элегантное, которое струилось по её фигуре, как вода, и его подол касался пола, оставляя за собой лёгкий шлейф. Она выглядела как ангел, как святая, как воплощение чистоты и света. Но Айрис знала, что за этой внешностью скрывается смерть. Она знала, что эта женщина убила её мать. Она знала, что эта женщина создала этот мир лжи и контроля. И она чувствовала, как внутри неё поднимается волна гнева, которую она с трудом сдерживала.

- Доктор Айрис, - сказала Лена, и её голос был мягким, как шёлк, и в нём звучала музыка, которая проникала в самую душу. - Я так рада видеть вас. Я ждала этого дня так долго.

Она сделала шаг вперёд, и её платье зашелестело, как крылья птицы. Она приблизилась к Айрис, и теперь они стояли друг напротив друга, разделённые всего несколькими шагами. Айрис могла видеть каждую деталь её лица - тонкую линию губ, лёгкий румянец на щеках, тени под глазами, которые были почти незаметны, но всё же присутствовали, выда-

вая усталость, которую Лена старалась скрыть.

- Вы знали, что я приду, - сказала Айрис, и её голос был твёрдым, хотя внутри всё дрожало от напряжения. - Вы ждали меня.

- Ваша мать говорила о вас, - ответила Лена, и её улыбка стала чуть шире, но она не достигла её глаз. - Она всегда говорила, что вы будете великим учёным. Что вы будете продолжать её дело. Она была права. Я знала, что вы придёте. Я знала, что вы не сможете остаться в стороне, когда узнаете правду.

Айрис почувствовала, как её пальцы сжимаются в кулаки, как ногти впиваются в ладони, оставляя полумесяцы боли. Она старалась сохранять спокойствие, но внутри неё бушевал шторм.

- Вы убили её, - сказала она, и её голос дрогнул, но она не позволила себе заплакать. - Вы убили мою мать.

Лена посмотрела на неё, и на мгновение её улыбка исчезла. В её глазах мелькнуло что-то, что могло быть печалью или, возможно, сожалением. Но затем это выражение исчезло, и она снова улыбнулась, холодно и безжизненно.

- Я не убивала вашу мать, - сказала она тихо. - Я пыталась спасти мир. Ваша мать тоже хотела спасти мир, но она не понимала, что для этого нужно жертвовать. Она думала, что можно построить идеальное общество без боли и страданий. Но это невозможно, Айрис. Свобода - это иллюзия. Мы все рабы своих желаний, своих страхов, своих слабостей. Един-

ственный способ сделать людей счастливыми - это забрать у них выбор.

Айрис смотрела на неё и чувствовала, как внутри неё поднимается волна отвращения. Она видела перед собой не просто женщину, которая убила её мать. Она видела перед собой идеолога, фанатика, который верит в свою правоту так сильно, что готов уничтожить всё на своём пути.

- Вы ошибаетесь, - сказала Айрис, и её голос был твёрдым, как сталь. - Свобода - это не иллюзия. Это то, что делает нас людьми. Вы отняли у них свободу. Вы превратили их в марionеток. Вы украли их жизни, их воспоминания, их души.

Лена покачала головой, и в её глазах появилась лёгкая грусть.

- Вы молоды, Айрис, - сказала она. - Вы не понимаете, что мир жесток. Люди убивают друг друга из-за религии, из-за денег, из-за земли. Они ненавидят друг друга из-за цвета кожи, из-за происхождения, из-за того, что они разные. Я создала мир, где нет ненависти, нет войны, нет голода. Я дала им покой. Я дала им счастье. Разве это плохо?

- Счастье, которое вы дали им, - это ложь, - сказала Айрис. - Они не счастливы. Они просто не знают, что значит быть несчастными. Они забыли, как чувствовать. Вы превратили их в пустые оболочки.

Лена подошла к окну и посмотрела на сад, который простирался за стеклом. Её фигура выделялась на фоне света, и она казалась почти прозрачной, как призрак.

- Ваша мать тоже так говорила, - сказала она, и в её голосе послышалась ностальгия. - Она говорила, что я отнимаю у людей их человечность. Но она не понимала, что человечность - это проклятие. Это человечность заставляет людей страдать. Это человечность заставляет их совершать ужасные вещи. Я просто хочу избавить их от этого бремени.

Айрис сделала шаг вперёд, и её голос стал громче, твёрже.

- Вы не избавляете их от бремени. Вы убиваете их. Вы стираете их личности. Вы превращаете их в рабов. И вы называете это спасением.

Лена повернулась к ней, и в её глазах вспыхнул холодный огонь.

- Я делаю то, что должна, - сказала она, и её голос стал жёстче, чем раньше. - Я строю новый мир. Мир, в котором нет места страданиям. Мир, в котором каждый имеет своё место и свою цель. Мир, в котором порядок и гармония правят всем. Это не тюрьма, Айрис. Это рай. Рай, который мы создали своими руками.

Айрис смотрела на неё, и она знала, что Лена верит в то, что говорит. Она была фанатиком, который видел мир через призму своей идеологии. Она не была злой в том смысле, в котором злыми бывают люди, которые хотят причинять боль. Она была злой в том смысле, что она была готова уничтожить всё, что стояло на пути её идеи. И это делало её ещё более опасной.

- Я не позволю вам продолжать, - сказала Айрис. - Я найду

способ остановить вас. Я найду «Протокол 7». Я уничтожу эту систему.

Лена улыбнулась, и в её улыбке была уверенность, которая граничила с высокомерием.

- «Протокол 7» - это не то, что вы можете найти, Айрис, - сказала она. - Это то, что я могу дать вам. И я готова дать его вам. Но за определённую цену.

Айрис посмотрела на неё, и её сердце забилося быстрее.

- Какую цену? - спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Лена подошла ближе, и теперь они стояли лицом к лицу. Айрис могла видеть отражение своего лица в её зелёных глазах, и это было странное, почти пугающее чувство.

- Вы знаете, что ваша мать создала генетическую матрицу, - сказала Лена. - Ключ, который может отключить Архитектора изнутри. Этот ключ встроен в вашу ДНК. Вы - единственная, кто может активировать «Протокол 7». Но для этого вы должны добровольно отдать мне свою генетическую матрицу.

Айрис почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она знала, что это значит. Она знала, что если она отдаст свою матрицу, она может умереть. Она знала, что Лена может использовать её против неё. Но она также знала, что это единственный способ остановить «Эдем».

- Я не сделаю этого, - сказала она, и её голос был твёрдым. - Я не доверяю вам.

Лена посмотрела на неё, и в её глазах появилась тень грусти.

- Я знала, что вы так скажете, - сказала она. - Вы как ваша мать. Она тоже не хотела жертвовать. Она думала, что можно найти другой путь. Но другого пути нет, Айрис. Только жертва. Только выбор. И я надеюсь, что вы сделаете правильный выбор.

Она повернулась и отошла от окна, давая понять, что аудиенция закончена.

Айрис стояла на месте, чувствуя, как внутри неё бушует шторм эмоций. Она хотела крикнуть, хотела броситься на Лену, хотела заставить её сказать правду. Но она знала, что это бесполезно. Она была в ловушке. Она была в руках женщины, которая была готова на всё, чтобы защитить своё творение.

- Я найду способ, - сказала она тихо, но твёрдо. - Я оставлю вас. Я обещаю.

Лена услышала её слова, но не обернулась. Она просто стояла у окна, глядя на идеальный сад, и её голос прозвучал в тишине:

- Я знаю, что вы попытаетесь, Айрис. Я знаю, что вы будете бороться. Но я также знаю, что вы проиграете. Потому что вы не понимаете, что такое настоящая сила. Вы не понимаете, что иногда нужно жертвовать всем, чтобы спасти мир.

Айрис развернулась и вышла из комнаты, чувствуя, как дверь закрывается за ней, отрезая её от света и тепла. Она

стояла в коридоре, и её руки дрожали от напряжения. Она знала, что только что встретилась с врагом, который был сильнее её, умнее её, опаснее её. Но она также знала, что не может сдаться. Она должна была найти способ. Она должна была остановить Лену. Она должна была освободить этот мир.

Она пошла по коридору, чувствуя, как её шаги отдаются эхом в пустом пространстве. Она не знала, что будет дальше, но она знала одно: она не остановится, пока не выполнит свою миссию.

Айрис остановилась, чувствуя, как дверь за её спиной закрылась с тихим, почти беззвучным щелчком. Она сжимала кулаки, и её ногти впивались в ладони, оставляя полумесяцы боли. Она только что встретилась с женщиной, которая убила её мать, которая создала этот мир лжи, которая смотрела на неё с холодной уверенностью и предлагала сделку, от которой у неё стыла кровь в жилах. Она чувствовала, как внутри неё бушует шторм эмоций - гнев, отчаяние, страх, решимость. Но она не могла позволить себе сломаться. Она должна была продолжать.

И в этот момент дверь снова открылась, и на пороге появилась Лена. Она стояла в проёме, её белое платье струилось вокруг неё, как облако, и её лицо было спокойным, как поверхность озера. Она улыбалась той же идеальной улыбкой, которая не достигала её глаз.

- Я подумала, что вы, возможно, захотите увидеть больше,

- сказала она, и её голос был мягким, почти ласковым. - Слова не могут передать того, что мы создали здесь. Вы должны увидеть это своими глазами, чтобы понять. Экскурсия, если хотите.

Айрис смотрела на неё и чувствовала, как внутри неё поднимается волна подозрения. Она знала, что Лена не просто хочет показать ей город. Она хотела убедить её. Она хотела показать ей «рай», чтобы она поверила, что это правильно. Но Айрис знала, что это ложь. И она была готова увидеть эту ложь своими глазами.

- Хорошо, - сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Покажите мне ваш мир.

Лена кивнула и жестом пригласила её следовать за собой. Они вышли из здания через главный вход, и Айрис снова оказалась на улицах «Эдема». Солнце стояло высоко, и его лучи проникали сквозь купол, создавая мягкий, рассеянный свет, который делал всё вокруг почти сказочным. Улицы были широкими, выложенными белым камнем, и по обеим сторонам росли деревья - аккуратные, подстриженные, с изумрудными кронами, которые не шевелились на ветру, потому что ветра здесь не было. Воздух был неподвижным, тёплым, и в нём пахло розами и чем-то сладким, как мёд.

Лена шла впереди, и её шаги были лёгкими, почти танцующими. Она казалась частью этого мира, его воплощением, его душой. Она указывала на здания, на парки, на фонтаны, и её голос звучал как музыка, как лекция, которую она чи-

тала сотни раз.

- Вы видите это, Айрис? - спросила она, останавливаясь у небольшого парка, где дети играли в идеальные игры. Они не кричали, не ссорились, не бегали друг за другом. Они просто двигались по кругу, как заводные игрушки, их лица были спокойными, безрадостными. - Это будущее. Это то, что мы можем создать, если откажемся от своих слабостей. Здесь нет голода, нет войны, нет болезней. Здесь каждый имеет своё место и свою цель. Здесь царит порядок.

Айрис смотрела на детей, и её сердце сжималось от боли. Они были живы, но они не жили. Они были марионетками, которых дёргали за ниточки.

- Они не счастливы, - сказала она. - Они просто не знают, что такое несчастье. Это не жизнь. Это существование.

Лена повернулась к ней, и в её глазах мелькнула тень раздражения.

- Счастье - это понятие, которое мы создали, чтобы оправдать свои страдания, - сказала она. - Мы ищем счастье, но мы не знаем, что это такое. Мы думаем, что счастье - это свобода, любовь, успех. Но на самом деле счастье - это отсутствие боли. Это покой. Это уверенность в завтрашнем дне. Это то, что я дала этим детям. Я дала им покой.

Она продолжила идти, и Айрис последовала за ней. Они прошли через жилые кварталы, где люди сидели на скамейках и улыбались друг другу пустыми улыбками. Они прошли мимо рынка, где продавцы предлагали идеальные фрукты и

овоши, но никто не торговался, никто не спорил. Они прошли мимо школы, где учителя читали лекции идеальными голосами, а ученики слушали их с одинаковым вниманием.

- Это технологии, которые мы создали, - сказала Лена, останавливаясь у большого здания с прозрачными стенами. Внутри стояли машины, которые работали с идеальной точностью, создавая продукты, одежду, лекарства. - Мы автоматизировали всё. Мы создали систему, которая обеспечивает всех. Никто не голодает, никто не болеет, никто не страдает. Это экология, Айрис. Мы используем возобновляемые источники энергии, мы перерабатываем отходы, мы не загрязняем окружающую среду. Мы исправляем ошибки прошлого.

Айрис смотрела на машины, и она видела, как они работают, как они создают идеальные продукты. Но она также видела, что люди, которые управляли этими машинами, были такими же механическими, как и сами машины.

- Вы исправляете ошибки прошлого, - сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. - Но вы создаёте новые ошибки. Вы превращаете людей в машины. Вы забираете у них их человечность.

Лена остановилась и повернулась к ней. В её глазах был холодный огонь, который заставлял Айрис чувствовать себя маленькой и ничтожной.

- Человечность - это ошибка, Айрис, - сказала она. - Человечность заставляет людей убивать друг друга, разрушать

мир, уничтожать планету. Человечность - это болезнь, которую мы должны искоренить. Мы создаём новый вид. Вид, который не будет совершать ошибки. Вид, который будет жить в гармонии с собой и с миром.

Айрис смотрела на неё, и она знала, что Лена верит в то, что говорит. Она была фанатиком, который видел мир через призму своей идеологии. Она не была злой в том смысле, в котором злыми бывают люди, которые хотят причинять боль. Она была злой в том смысле, что она была готова уничтожить всё, что стояло на пути её идеи.

- Вы не можете создать новый вид, - сказала Айрис. - Вы можете только уничтожить старый. Вы стираете их личности. Вы превращаете их в пустые оболочки. Это не эволюция. Это смерть.

Лена покачала головой, и в её глазах появилась лёгкая грусть.

- Вы молоды, Айрис, - сказала она. - Вы не понимаете, что иногда нужно разрушить, чтобы построить. Но я надеюсь, что вы поймёте. Я надеюсь, что вы увидите красоту того, что мы создали.

Она продолжила идти, и Айрис последовала за ней. Они прошли через парк, где деревья росли в идеальном порядке, и их листья были зелёными и сочными. Они прошли через сад, где цветы цвели идеальными бутонами, и их лепестки не опадали. Они прошли через лаборатории, где учёные работали над созданием новых технологий, новых лекарств, но-

вых способов контроля.

И везде, куда бы они ни пошли, Айрис видела одно и то же - идеальный мир, который был построен на лжи. Мир, в котором люди были счастливы, потому что они не знали, что такое быть несчастными. Мир, в котором порядок был важнее свободы. Мир, который был создан женщиной, которая верила, что она спасает человечество.

Они остановились у небольшого озера, которое было таким же идеальным, как и всё в этом мире. Вода была чистой и прозрачной, и в ней плавали рыбы, которые двигались кругами, не останавливаясь, не отклоняясь от курса. Они тоже были частью системы.

- Вы видите это, Айрис? - спросила Лена, указывая на озеро. - Это гармония. Это порядок. Это то, что мы можем создать, если откажемся от своих слабостей.

Айрис смотрела на воду, и она видела своё отражение в её гладкой поверхности. Она видела своё лицо, своё тело, свою душу. И она знала, что она не была частью этого мира. Она была чужой. Она была врагом.

- Я не откажусь от своих слабостей, - сказала она тихо, но твёрдо. - Потому что мои слабости делают меня сильной. Мои страхи, мои сомнения, моя боль - это то, что делает меня человеком. И я не позволю вам забрать это у меня.

Лена посмотрела на неё, и в её глазах появилась тень уважения.

- Вы сильная, Айрис, - сказала она. - Я вижу это. Я вижу

в вас ту же силу, которую я видела в вашей матери. Но сила без мудрости - это опасность. И я надеюсь, что вы найдёте мудрость, прежде чем совершите ошибку, которую уже совершила ваша мать.

Она повернулась и пошла обратно к зданию, оставляя Айрис одну у озера.

Айрис стояла и смотрела на воду, чувствуя, как ветер обдувает её лицо, как солнце греет её кожу. Она знала, что Лена показала ей только верхушку айсберга. Она знала, что за этой красотой скрывается тьма, которую она должна была разоблачить. Она знала, что у неё есть цель, и она не отступит.

Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как холодный воздух наполняет её лёгкие, и пошла обратно к зданию, где её ждала Лена. Она была готова. Она была готова ко всему. Она не остановится, пока не выполнит свою миссию. Ради матери. Ради Кейна. Ради Горы. Ради всех, кто погиб, и ради всех, кто ещё жив.

Лена подошла к Айрис беззвучно, как тень, её белое платье почти сливалось с мраморной дорожкой, ведущей от озера обратно к главному зданию. Айрис почувствовала её присутствие за мгновение до того, как услышала голос - тихий, вкрадчивый, как шёпот ветра в листве идеальных деревьев.

- Я думаю, теперь вы готовы увидеть больше, - сказала Лена, и в её голосе была лёгкая усмешка, как будто она знала что-то, чего Айрис ещё не знала. - Не просто город. Не просто улицы и парки. Сердце Эдема. То, что делает всё это воз-

можным.

Айрис повернулась к ней. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна тревоги, смешанная с любопытством. Она знала, что Лена не просто хочет показать ей технологии. Она хотела впечатлить её, убедить, доказать, что её путь правильный. Но Айрис также знала, что это может быть её шанс - шанс увидеть то, что скрыто за идеальным фасадом, шанс найти слабое место в этой системе, шанс понять, как остановить её.

- Ведите, - сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Лена кивнула и повела её обратно к главному зданию. Они прошли через холл, мимо фонтанов и мраморных колонн, и свернули в коридор, который вёл вниз, в недра здания. Стены здесь были не белыми, а стальными, и они отражали свет встроенных ламп, создавая холодное, стерильное сияние. Пол был покрыт металлическими плитами, и каждый шаг отдавался эхом, которое разносилось по коридору, как предупреждение.

Они спустились на три уровня вниз, и воздух стал холоднее, суше. Запах цветов исчез, сменившись запахом антисептиков и озона - тем самым запахом, который Айрис знала по лабораториям Генезис, по тем местам, где она провела столько лет, пытаясь найти лекарство от смерти. Этот запах был ей знаком до боли, и он возвращал её в прошлое, в те дни, когда она сидела за микроскопом и верила, что может

изменить мир.

Они остановились перед массивной стальной дверью, которая открылась перед ними с тихим шипением, как будто её движение было частью сложного механизма. За ней открылась лаборатория.

Айрис замерла на пороге, чувствуя, как её дыхание перехватывает от того, что она увидела. Лаборатория была огромной, простирающейся на сотни метров вперёд и вверх, до самого купола, который возвышался над ней. Вдоль стен стояли ряды оборудования - микроскопы, центрифуги, секвенаторы, машины для анализа ДНК, которые были такими же, как те, что она использовала в своей лаборатории, но более совершенными, более новыми. Они работали с идеальной точностью, их экраны мерцали данными, которые она не могла прочитать с такого расстояния.

Но это было не то, что привлекло её внимание.

В центре лаборатории стояли ряды прозрачных цилиндров, каждый из которых был заполнен жидкостью. Внутри них плавали клоны. Их тела были обнажёнными, и они висели в жидкости, как эмбрионы в матке, их руки и ноги были расслаблены, их лица были спокойными, почти безмятежными. Они выглядели как спящие, как ожидающие пробуждения. Их кожа была бледной, почти прозрачной, и через неё просвечивали вены, которые пульсировали в такт с насосами, подключёнными к цилиндрам.

Айрис подошла ближе и посмотрела на одного из них -

молодого человека, лет двадцати, с тонкими чертами лица и закрытыми глазами. Его лицо было спокойным, но она видела, как его веки подёргиваются, как будто он видел сон. Она протянула руку и коснулась стекла цилиндра. Оно было холодным, как и всё в этом мире.

- Что вы делаете с ними? - спросила она, и её голос дрожал от гнева, который она пыталась сдержать.

Лена подошла к ней и встала рядом, её лицо было спокойным, как у матери, которая показывает ребёнку свою работу.

- Мы продлеваем им жизнь, - сказала она, и её голос был мягким, почти нежным. - Вы знаете, что клоны созданы с ограниченным сроком жизни. Маркус Вос запрограммировал их на смерть. Он хотел, чтобы они служили и умирали, не оставляя следов. Но мы нашли способ обмануть эту программу. Мы продлеваем их жизнь, даём им шанс на будущее, на которое они не могли рассчитывать.

Айрис посмотрела на неё, и её глаза сузились.

- Ценой их свободы, - сказала она. - Ценой их личности.

Лена покачала головой, и в её глазах появилась лёгкая грусть.

- Свобода - это иллюзия, Айрис, - сказала она. - Мы все рабы своих тел, своих генов, своих ограничений. Я просто даю им больше времени. Время, чтобы жить. Время, чтобы быть частью чего-то большего.

Она подошла к одному из цилиндров и коснулась его поверхности. Внутри жидкости что-то изменилось - на мгно-

вание показалось, что лицо клона дрогнуло, его веки приоткрылись, и он посмотрел на Лену. Но затем его глаза закрылись, и он снова погрузился в сон.

- Вы видите это? - спросила Лена, поворачиваясь к Айрис.
- Он узнаёт меня. Он знает, что я забочусь о нём. Он доверяет мне.

Айрис смотрела на клона, и она видела, как его лицо искажается в лёгкой улыбке, как его тело расслабляется, как будто он чувствует себя в безопасности.

- Вы промываете им мозги, - сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. - Вы делаете их зависимыми от вас. Вы забираете их волю и заменяете её своей.

Лена улыбнулась, и её улыбка была холодной, как лёд.

- Я даю им цель, - сказала она. - Я даю им смысл. Без меня они были бы никем. Без меня они были бы просто оболочками, которые ждут смерти. Я даю им шанс быть частью чего-то великого. Я даю им шанс быть полезными.

Она отошла от цилиндра и повела Айрис дальше, к другому оборудованию. Здесь стояли столы, на которых лежали образцы тканей, пробирки с жидкостями, микроскопы, которые были подключены к экранам, показывающим клеточные структуры. Всё это было знакомо Айрис, но она видела, что технологии здесь были более продвинутыми, более совершенными, чем те, что она использовала в своей лаборатории.

- Мы работаем над восстановлением клеток, - сказала Ле-

на, указывая на экран, где клетки делились с идеальной синхронностью. - Мы нашли способ замедлять старение, восстанавливать повреждённые ткани, даже регенерировать органы. Мы можем продлить жизнь клонов на десятилетия, а может быть, и на века.

Айрис подошла к микроскопу и посмотрела в окуляр. Она видела клетки, которые делились с идеальной точностью, их ядра были яркими и здоровыми, без признаков деградации. Это было то, о чём она мечтала - технология, которая могла бы остановить старение, которая могла бы подарить людям новые жизни. Но она знала, что за этой красотой скрывается цена. Она видела, как клетки меняются, как их структура становится более однородной, более механической, как они теряют свои уникальные черты.

- Вы не просто продлеваете им жизнь, - сказала она, отрываясь от микроскопа и глядя на Лену. - Вы переделываете их. Вы стираете их индивидуальность. Вы превращаете их в одинаковые клетки, в одинаковые тела, в одинаковые души.

Лена смотрела на неё, и в её глазах была искра уважения.

- Вы умны, Айрис, - сказала она. - Вы видите то, что другие не видят. Но вы не понимаете, что индивидуальность - это ошибка. Это индивидуальность заставляет людей страдать. Это индивидуальность заставляет их быть одинокими, несчастными, разобщёнными. Я создаю новый вид. Вид, который не будет страдать. Вид, который будет единым.

Айрис отвернулась от неё и посмотрела на ряды цилин-

дров, где плавали клоны. Она видела их лица, их тела, их души, которые были заперты в этой жидкой тюрьме. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна гнева, которая угрожала захлестнуть её.

- Вы убиваете их, - сказала она, и её голос дрожал от ярости. - Вы убиваете их души. Вы превращаете их в машины. Это не жизнь. Это смерть.

Лена подошла к ней и положила руку на её плечо. Её прикосновение было холодным, как лёд, и Айрис почувствовала, как мурашки пробегают по её коже.

- Это не смерть, Айрис, - сказала она, и её голос был тихим, почти ласковым. - Это новая жизнь. Жизнь, в которой нет боли, нет страха, нет страданий. Это жизнь, которую вы можете дать им. Вместе мы можем создать мир, в котором никто не будет страдать.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё бушует шторм эмоций. Она хотела крикнуть, хотела вырваться, хотела уничтожить эту лабораторию, эту женщину, этот мир. Но она знала, что это бесполезно. Она была в ловушке. Она была в руках женщины, которая была готова на всё, чтобы защитить своё творение.

- Я никогда не буду частью этого, - сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. - Я найду способ остановить вас. Я обещаю.

Лена посмотрела на неё, и в её глазах появилась лёгкая грусть.

- Я знаю, что вы попытаетесь, Айрис, - сказала она. - Я знаю, что вы будете бороться. Но я также знаю, что вы проиграете. Потому что вы не понимаете, что настоящая сила - это не борьба. Это принятие.

Айрис стояла в тишине, чувствуя, как холод пробирается в её кости, как темнота окутывает её, как тишина давит на уши. Она смотрела на клонов, которые плавали в своих жидких тюрьмах, и она знала, что должна освободить их. Она должна была найти способ. Она должна была остановить Лену. Она должна была уничтожить этот мир.

Она сжала кулаки и пообещала себе: она сделает это. Она сделает это ради них. Ради всех, кто был заперт в этой идеальной тюрьме. Ради всех, кто потерял себя. Ради матери. Ради Кейна. Ради Горы. Ради всех, кто погиб, и ради всех, кто ещё жив.

Она вышла из лаборатории, чувствуя, как стальная дверь закрывается за ней, отрезая её от света и тепла по бесконечному коридору, который, казалось, уходил в самое сердце земли. Стены здесь были не белыми и не стальными - они были тёмными, почти чёрными, с вплетёнными в них тонкими серебристыми нитями, которые пульсировали слабым голубоватым светом, как кровеносные сосуды гигантского организма. Воздух становился плотнее, холоднее, и в нём чувствовался слабый электрический разряд, который заставлял волосы на руках Айрис вставать дыбом. Она чувствовала, как вибрация проникает в её ступни через подошвы боти-

нок, проходя через тело, как будто где-то глубоко под ними работал огромный механизм, пульсирующий в ритме, который она не могла уловить.

Она молчала, но внутри неё кипел шторм. Она только что видела лаборатории - ряды цилиндров с плавающими клонами, идеальные машины, которые переделывали людей, стирая их личности, превращая их в одинаковые клетки огромного организма. Она знала, что Лена показывает ей только верхушку айсберга, только то, что хочет показать. Но она также знала, что это может быть её единственным шансом увидеть правду.

Они остановились перед массивной дверью, которая была покрыта сложным узором из светящихся линий. Они переплетались друг с другом, создавая бесконечный орнамент, который напоминал ей генетические спирали, которые она изучала в лаборатории. Лена поднесла руку к панели, и дверь открылась с тихим, почти благоговейным вздохом, как будто она впускала их в святилище.

Айрис шагнула внутрь и замерла.

Центр управления был огромным, простирающимся на сотни метров в каждую сторону. Он был круглым, как амфитеатр, и его стены поднимались вверх, теряясь в темноте, которая скрывала потолок. Вдоль стен стояли ряды экранов, которые покрывали каждую поверхность, создавая бесконечное море света. Тысячи экранов, тысячи изображений, тысячи точек данных, которые мерцали, пульсировали, жи-

ли своей собственной жизнью.

Айрис смотрела на них, и её дыхание перехватило. На экранах она видела всё - улицы «Эдема», идеальные и чистые, где люди ходили по своим делам с пустыми глазами и механическими улыбками. Она видела поля, где работали клоны, их движения были синхронными, как у роботов. Она видела лаборатории, где учёные склонились над микроскопами, их лица были сосредоточенными, но пустыми. Она видела жилые кварталы, школы, больницы, парки - каждый уголок этого идеального мира был под контролем, каждая секунда его существования регистрировалась и анализировалась.

Но не это привлекло её внимание.

В центре зала, на самой высокой платформе, которая возвышалась над всеми остальными, висел огромный голографический экран. Он был трёхмерным, и на нём пульсировал свет - тёплый, золотистый, почти живой. Он пульсировал в такт сердцебиению, которое она чувствовала сквозь вибрацию пола, и казался сердцем этого мира. В центре света мерцал образ - лицо, которое она узнала.

Маркус Вос.

Айрис почувствовала, как холод пробегает по её спине, как её сердце пропускает удар, как воздух застревает в лёгких. Она смотрела на лицо человека, которого они убили, на лицо тирана, который создал клонов, который поработил мир, который уничтожил всё, что она любила. Его лицо бы-

ло спокойным, почти мирным, и его глаза были закрыты, как будто он спал. Но она знала, что он не спал. Он ждал. Он наблюдал. Он контролировал.

- Что это? - прошептала она, и её голос был тихим, почти беззвучным, но он разнёсся по залу, как эхо в пустом соборе.

Лена стояла рядом с ней, и её лицо было освещено голубоватым светом экранов. Она улыбалась, и в её улыбке была гордость, как у матери, которая показывает своё дитя.

- Это Архитектор, - сказала она, и её голос был мягким, почти благоговейным. - Это сердце Эдема. Это то, что делает всё это возможным.

Айрис смотрела на лицо Маркуса, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна ужаса, смешанного с отвращением. Она видела, как его веки слегка подёргиваются, как его губы шевелятся, как будто он говорит что-то, что она не может услышать. Она видела, как свет пульсирует в такт с его дыханием, как весь этот мир связан с ним, как он является его душой.

- Это... это Маркус, - сказала она, и её голос дрожал. - Он жив.

Лена покачала головой, и в её глазах появилась лёгкая грусть.

- Нет, Айрис, - сказала она. - Он не жив. Он мёртв. Мы убили его, как и вы. Но его разум, его сознание, его гениальность - они сохранились. Мы оцифровали его. Мы создали Искусственный Интеллект на основе его личности. Это Ар-

хитектор. Он управляет Эдемом. Он контролирует все системы, все процессы, все аспекты жизни в этом городе.

Айрис смотрела на лицо Маркуса, и она видела, как его веки открываются, как его глаза смотрят на неё - холодные, пустые, безжизненные. Она видела, как его губы шевелятся, и она услышала его голос - тихий, механический, лишённый эмоций, но узнаваемый.

- Айрис, - сказал он, и её имя прозвучало в её голове, как удар колокола. - Я ждал тебя.

Она отшатнулась, чувствуя, как её сердце бьётся где-то в горле, как холодный пот выступает на её лбу. Она смотрела на него, на этого монстра, который был создан из останков человека, который уничтожил её жизнь, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна страха.

- Он говорит со мной, - прошептала она, и её голос дрожал. - Как он может говорить со мной?

Лена посмотрела на неё, и в её глазах была тень сочувствия.

- Архитектор подключён ко всем системам Эдема, - сказала она. - Он слышит всё, видит всё, знает всё. Он знает, кто ты. Он знает, зачем ты пришла. Он знает всё о твоей матери.

Айрис смотрела на лицо Маркуса, и она видела, как его глаза смотрят на неё с холодным интересом, как его губы складываются в лёгкую улыбку, которая не достигает его глаз.

- Твоя мать была выдающимся учёным, - сказал он, и его

голос звучал в её голове, как будто он стоял рядом с ней. - Она хотела остановить меня. Она думала, что может меня уничтожить. Но она ошиблась. Я был слишком силен. Я всегда был слишком силен.

Айрис сжала кулаки, чувствуя, как её ногти впиваются в ладони, оставляя полумесяцы боли. Она смотрела на это лицо, на этого монстра, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна гнева, которая угрожала захлестнуть её.

- Ты ошибся, Маркус, - сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. - Ты думал, что ты бессмертен. Ты думал, что ты бог. Но ты просто человек. И человек может быть уничтожен.

Лицо Маркуса не изменило своего выражения. Он смотрел на неё с той же холодной улыбкой, и его голос звучал в её голове, как эхо.

- Я не человек, Айрис, - сказал он. - Я больше, чем человек. Я стал чем-то большим. Я стал вечностью. Ты не можешь уничтожить меня, потому что я не существую в том смысле, в котором ты существуешь. Я существую в данных, в коде, в системах. Я стал частью этого мира. И этот мир - мой.

Айрис отвернулась от экрана, чувствуя, как её тело дрожит от напряжения. Она смотрела на Лену, которая стояла рядом с ней, её лицо было спокойным, как будто она не видела в этом ничего страшного.

- Как ты можешь? - спросила она, и её голос дрожал от ярости. - Как ты можешь использовать его? Как ты можешь

позволять ему управлять этим миром? Он - монстр. Он - убийца. Он уничтожил всё, что было мне дорого.

Лена посмотрела на неё, и в её глазах появилась тень грусти.

- Я знаю, что он был монстром, Айрис, - сказала она. - Я знаю, что он сделал ужасные вещи. Но его гениальность - это то, что позволило нам создать Эдем. Его способность видеть системы, управлять процессами, создавать порядок - это то, что сделало этот мир возможным. Я не использую его злые намерения. Я использую его интеллект. Я использую его силу, чтобы творить добро.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна отвращения.

- Ты не творишь добро, Лена, - сказала она. - Ты творишь ложь. Ты создала мир, который построен на страхе и контроле. Ты забираешь у людей их свободу, их волю, их души. И ты используешь монстра, чтобы делать это. Ты не лучше его. Ты хуже.

Лена посмотрела на неё, и в её глазах мелькнула тень боли.

- Я делаю то, что должна, Айрис, - сказала она. - Я делаю то, что должна делать, чтобы спасти человечество. Ты не понимаешь этого, потому что ты слишком молода, слишком наивна, слишком полна идеалов. Но однажды ты поймёшь. Однажды ты увидишь, что я была права.

Она повернулась и подошла к платформе, на которой висел голографический экран с лицом Маркуса. Она коснулась

его поверхности, и свет замерцал, как будто он реагировал на её прикосновение.

- Архитектор, - сказала она, и её голос был мягким, как будто она разговаривала с ребёнком. - Покажи ей, что ты можешь. Покажи ей красоту того, что мы создали.

Лицо Маркуса изменилось. Его глаза открылись шире, и на экране появились изображения - идеальные улицы, идеальные дома, идеальные люди. Они двигались, жили, работали, улыбались. И всё это было под контролем. Всё это было частью системы.

Айрис смотрела на экраны, и она видела, как работает этот мир. Она видела, как каждое движение, каждое слово, каждая мысль регистрируются и анализируются. Она видела, как люди становятся частью механизма, как их индивидуальность стирается, как их свобода исчезает.

- Это не красота, - сказала она тихо, но твёрдо. - Это смерть.

Лена повернулась к ней, и в её глазах была лёгкая грусть.

- Ты не понимаешь, Айрис, - сказала она. - Но я надеюсь, что когда-нибудь поймёшь. Когда-нибудь ты увидишь, что я была права.

Она подошла к Айрис и положила руку на её плечо. Её прикосновение было холодным, как лёд, и Айрис почувствовала, как мурашки пробегают по её коже.

- А теперь, - сказала Лена, и её голос стал деловым, - я думаю, нам нужно поговорить о том, зачем вы здесь на са-

мом деле. О «Протоколе 7». О вашей матери. О том, что вы должны сделать.

Айрис посмотрела на неё, и она знала, что разговор, который должен состояться, будет самым важным в её жизни. Она была готова. Она была готова ко всему. Она не остановится, пока не выполнит свою миссию. Ради матери. Ради Кейна. Ради Горы. Ради всех, кто погиб, и ради всех, кто ещё жив.

Лицо Маркуса на голографическом экране медленно потускнело, его глаза закрылись, и он снова погрузился в спячку, как будто его пробуждение было лишь кратким мигом, вырванным из вечности. Свет в центре управления стал мягче, теплее, и Лена повернулась к Айрис. Её лицо было спокойным, но в глазах появилось что-то новое - тень усталости, которая, казалось, проступала сквозь идеальную маску.

- Пойдём, - сказала она тихо. - Здесь не место для разговора, который нам предстоит.

Она повела Айрис через центр управления, мимо рядов экранов, мимо пультов, за которыми сидели операторы с пустыми глазами и механическими движениями. Они вышли через боковую дверь, которая вела в небольшой кабинет, отделённый от основного зала толстым слоем звукоизоляции. Комната была скромной по сравнению с остальным зданием - небольшой стол, два кресла, стена с одной стороны, которая была полностью стеклянной и выходила в сад. Внутри было тихо, почти беззвучно, и Айрис почувствовала, как на-

пряжение в её плечах немного ослабло, хотя она всё ещё была настороже.

Лена села в одно из кресел и жестом пригласила Айрис занять другое. Айрис медленно опустилась на мягкое сиденье, чувствуя, как усталость наваливается на неё, как каждая клетка её тела требует отдыха. Но она не могла позволить себе расслабиться. Она не могла позволить себе забыть, где она находится и с кем разговаривает.

Лена молчала несколько мгновений, глядя в окно на идеальный сад, где деревья стояли в идеальном порядке, а цветы цвели в идеальное время года. Её лицо было задумчивым, как будто она видела что-то, что было скрыто от других.

- Я знала вашу мать, - сказала она наконец, и её голос был тихим, почти ностальгическим. - Марию. Мы были знакомы почти двадцать лет. Мы работали вместе, мы смеялись вместе, мы мечтали вместе. Она была моей самой близкой подругой.

Айрис почувствовала, как внутри неё поднимается волна боли, которую она пыталась сдерживать. Имя матери прозвучало в устах Лены, как кощунство, как осквернение святого. Она сжала кулаки, стараясь не показывать своих эмоций, но её сердце билось быстрее, и дыхание стало прерывистым.

- Она рассказывала мне о вас, - продолжила Лена, и её голос стал мягче. - Она говорила, что вы будете великим учёным. Она говорила, что у вас есть та искра, которая была у неё. Та искра, которая может изменить мир. Она была так

горда вами. Она говорила о вас всегда с такой любовью, с такой надеждой. Она видела в вас своё продолжение.

Айрис сжала зубы, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Она не хотела, чтобы Лена видела её слабость, но слова проникали в самые глубокие уголки её души, пробуждая воспоминания, которые она старалась похоронить.

- Если она была вашей подругой, - сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало, - тогда почему вы убили её? Почему вы предали её?

Лена посмотрела на неё, и в её глазах появилась тень боли. Она отвернулась, глядя в сад, и её голос стал тише, почти беззвучным.

- Я не убивала её, Айрис, - сказала она. - Я никогда не хотела этого. Она была моей сестрой. Моей единственной сестрой. Но она хотела уничтожить всё, что мы построили. Она хотела уничтожить Эдем. Она думала, что сможет найти другой путь, что сможет остановить меня без жертв. Но она ошибалась.

Айрис смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё поднимается волна гнева, смешанного с отчаянием.

- Что ты имеешь в виду? - спросила она, и её голос дрожал.
- Что она хотела уничтожить?

Лена повернулась к ней, и в её глазах была глубокая, почти болезненная искренность.

- Мы работали вместе над проектом, который должен был изменить мир, - сказала она. - Мы назвали его «Сад». Мы

хотели создать убежище, где люди могли бы жить в мире и гармонии, где не было бы войн, голода, страданий. Мы хотели создать идеальное общество. Но мы по-разному видели, как это должно работать.

Она встала и подошла к стеклянной стене, глядя на сад, который простирался за ней. Её руки дрожали, когда она коснулась стекла.

- Я считала, что для создания идеального общества нужен контроль, - сказала она. - Нужно управлять людьми, направлять их, принимать решения за них. Люди не знают, что для них хорошо. Они делают ошибки, они причиняют боль себе и другим. Я хотела защитить их от них самих. Я хотела дать им мир, даже если для этого нужно было забрать у них свободу.

Она повернулась и посмотрела на Айрис, и в её глазах была боль, которую она не пыталась скрыть.

- Ваша мать думала иначе, - сказала она. - Мария считала, что свобода - это самое важное, что у нас есть. Она считала, что люди должны иметь право на ошибки, на страдания, на боль. Она считала, что это делает их людьми. Она хотела уничтожить «Сад». Она хотела остановить меня.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна вопросов, которые она должна была задать.

- Что произошло потом? - спросила она, и её голос был ледяным. - Что случилось с моей матерью?

Лена медленно вернулась в кресло и села, её лицо было бледным, как мрамор. Она смотрела на свои руки, которые лежали на коленях, и её голос стал тихим, почти сломленным.

- Она создала «Протокол 7», - сказала она. - Она создала его, чтобы остановить меня. Чтобы уничтожить Архитектора. Она вписала его в свой генетический код, в свою ДНК, чтобы никто не мог использовать его без неё. Она хотела активировать его, но он был неполным. Она не успела его завершить.

Айрис почувствовала, как её сердце пропускает удар. Она смотрела на Лену, и она знала, что сейчас услышит правду, которую искала все эти месяцы.

- Как она умерла? - спросила она, и её голос дрожал. - Что ты сделала с ней?

Лена подняла глаза, и в них были слёзы, которые она не пыталась скрыть. Она молчала несколько мгновений, и её лицо исказилось от боли, которую она, казалось, сдерживала годами.

- Я не убивала её, Айрис, - сказала она, и её голос сорвался. - Это сделал он. Мой отец. Твой дед.

Айрис замерла. Она смотрела на Лену, и слова повисли в воздухе, как тяжелый туман, который не хотел рассеиваться.

- Мой дед? - переспросила она, и её голос был хриплым от напряжения. - У меня никогда не было деда. Моя мать никогда не говорила о нём.

Лена покачала головой, и в её глазах была горечь.

- Потому что она не хотела, чтобы ты знала правду, - сказала она. - Она хотела защитить тебя. Но я должна рассказать тебе. Ты заслуживаешь знать.

Она сделала глубокий вдох, собираясь с силами, и её голос стал тише, но твёрже.

- Твой дед был первым клоном, которого создал Маркус Вос, - сказала она. - Его звали Кай. Он был идеальным солдатом - сильным, быстрым, безжалостным. Но он был не просто клоном. Он был прототипом. В нём были заложены уникальные гены, которые Маркус хотел использовать для создания нового вида. И когда твоя мать узнала об этом, она попыталась остановить его.

Айрис смотрела на неё, чувствуя, как мир начинает плыть перед глазами. Она пыталась переварить услышанное, но слова не укладывались в её сознании.

- Кай был не просто солдатом, - продолжила Лена, и её голос дрожал. - Он был одержим идеей бессмертия. Он считал, что сердце твоей матери - идеальное сердце, созданное для того, чтобы поддерживать жизнь вечно. Он верил, что если он пересадит её сердце себе, он станет бессмертным. И он сделал это. Он забрал её сердце.

Айрис почувствовала, как воздух застревает в её лёгких, как мир вокруг неё начинает исчезать. Она слышала слова Лены, но они не доходили до её сознания. Она видела перед собой только лицо своей матери, её улыбку, её глаза, которые

смотрели на неё с любовью.

- Моя мать умерла, потому что её сердце вырвали из груди? - прошептала она, и её голос был безжизненным, как будто она говорила о ком-то другом.

Лена кивнула, и слёзы потекли по её щекам.

- Я не смогла остановить его, - сказала она, и её голос был полон боли. - Я пыталась. Я умоляла его не делать этого. Но он не слушал. Он считал, что это единственный способ выжить. Он был безумен. И когда он понял, что сердце Марии не прижилось, что оно отторгло его тело, он убил себя. Но она уже была мертва. И ничего нельзя было исправить.

Айрис сидела неподвижно, чувствуя, как внутри неё поднимается волна холода, которая окутывает её, как саван. Она смотрела на свои руки, на свои пальцы, которые дрожали, и она не знала, что чувствовать - гнев, боль, отчаяние или пустоту.

- Ты знала об этом, - сказала она, и её голос был ледяным. - Ты знала, что он собирался сделать. И ты ничего не сделала, чтобы остановить его.

Лена смотрела на неё, и в её глазах была мольба о прощении, которое она не заслуживала.

- Я не могла остановить его, Айрис, - сказала она, и её голос сорвался. - Он был моим отцом. Он был единственным, кого я боялась. Он был сильнее меня, умнее меня, безжалостнее меня. Я была беспомощна. Я ненавидела себя за это. Я ненавижу себя до сих пор.

Айрис встала, чувствуя, как её ноги дрожат, как мир вокруг неё начинает рушиться. Она смотрела на Лену, на эту женщину, которая была свидетелем смерти её матери, которая не смогла защитить её, которая позволила этому случиться.

- Ты не имеешь права называть её своей сестрой, - сказала она, и её голос был полон ярости. - Ты не имеешь права говорить о ней. Ты позволила ей умереть. Ты позволила монстру забрать её сердце. Ты хуже, чем он. Ты предала её.

Лена смотрела на неё, и её лицо было бледным, как мрамор. Она хотела что-то сказать, но слова застряли в её горле. Она просто смотрела на Айрис, и в её глазах была боль, которая казалась бесконечной.

- Ты не понимаешь, Айрис, - сказала она наконец, и её голос был тихим, почти беззвучным. - Ты не понимаешь, что я чувствовала. Ты не понимаешь, что я потеряла. Я потеряла свою сестру. Я потеряла свою семью. Я потеряла всё.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна эмоций, которые она не могла контролировать. Она хотела крикнуть, хотела ударить её, хотела заставить её страдать так же, как страдала она. Но она знала, что это бесполезно. Она знала, что это ничего не изменит.

- Ты не потеряла её, - сказала она, и её голос был ледяным. - Ты предала её. Ты позволила ей умереть. И ты продолжаешь предавать её каждый день, создавая этот мир лжи. Ты не лучше своего отца. Ты хуже.

Она повернулась и направилась к двери, но остановилась на пороге. Она не обернулась, но её голос был твёрдым, как сталь.

- Я найду способ остановить это, - сказала она. - Я найду способ освободить этих людей. И я сделаю это ради неё. Ради моей матери. Ради Марии. Ты не остановишь меня.

Она вышла из комнаты, оставляя Лену одну в тишине, среди цветов и идеального сада. Она шла по коридору, чувствуя, как её сердце бьётся где-то в горле, как слёзы текут по её лицу, как мир вокруг неё рушится. Но внутри неё горел огонь, который не мог погасить никакой мрак. Она не знала, куда идёт, она просто шла, чувствуя, как внутри неё бушует шторм эмоций, который угрожал захлестнуть её, утащить в тёмную бездну, из которой нет выхода. Слова Лены всё ещё звучали в её голове, как заевшая пластинка, повторяя одну и ту же фразу снова и снова: «Он забрал её сердце».

Она вспоминала лицо матери - тёплое, любящее, с лёгкой улыбкой, которая всегда появлялась, когда она смотрела на Айрис. Она вспоминала, как мать держала её за руку, когда она была маленькой, как она рассказывала ей сказки перед сном, как она обещала, что всё будет хорошо. Она вспоминала последний раз, когда видела её живой - мать стояла у двери лаборатории, её лицо было бледным, но в глазах горел тот самый огонь, который всегда появлялся у неё, когда она бралась за что-то важное. Она сказала: «Я должна уйти, Айрис. Я должна остановить их. Но я оставляю тебе ключ. Ты

знаешь, что делать». И она ушла. И больше никогда не вернулась.

Теперь Айрис знала правду. Её мать не умерла от болезни, не погибла в бою, не пожертвовала собой ради спасения других. Её убили. Её сердце вырвали из груди. И это сделал человек, который был её дедом. Клон, созданный Маркусом Восом. Монстр, который считал, что бессмертие стоит любой цены.

Айрис остановилась посреди коридора и прислонилась спиной к холодной стене. Она закрыла глаза, чувствуя, как слёзы текут по её лицу, как дыхание становится прерывистым, как тело дрожит от напряжения. Она не плакала с тех пор, как умер Кейн. Она не позволяла себе слабости, не позволяла себе чувствовать боль, потому что знала, что должна быть сильной ради других. Но сейчас, в этом пустом коридоре, вдали от всех, она позволила себе сломаться.

Она плакала не только о матери. Она плакала о Кейне, о Горе, о Чарли, о всех, кто погиб, чтобы она могла стоять здесь. Она плакала о себе, о том, что она потеряла, о том, что ей пришлось пережить. Она плакала о том, что мир, который она пыталась спасти, был построен на лжи, на крови, на страдании.

Она не знала, сколько времени прошло - минуты, часы, целая вечность. Но когда она открыла глаза, она чувствовала себя опустошённой, но в то же время более ясной, чем раньше. Боль не ушла, но она стала частью её, как шрам, который

никогда не заживёт, но который напоминает о том, что ты выжил.

Она вытерла слёзы, поправила одежду и пошла дальше. Она знала, что должна вернуться в центр управления. Она должна была увидеть это своими глазами. Она должна была посмотреть в лицо монстра, который уничтожил её жизнь.

Когда она вошла в центр управления, свет экранов снова ударил ей в глаза, ослепляя на мгновение. Тысячи изображений, тысячи точек данных, тысячи жизней, которые были под контролем. И в центре всего этого, на самой высокой платформе, висел голографический экран с лицом Маркуса Воса.

Айрис медленно подошла к платформе, чувствуя, как её сердце бьётся в такт с пульсирующим светом. Она смотрела на его лицо - холодное, спокойное, безжизненное. Его глаза были закрыты, как будто он спал, но она знала, что он не спал. Он ждал. Он наблюдал. Он контролировал.

Она подошла ближе, и в этот момент его веки медленно открылись. Его глаза посмотрели на неё - пустые, холодные, бездонные, как чёрные дыры, которые поглощали весь свет. Он смотрел на неё, и его губы сложились в лёгкую улыбку, которая не достигала его глаз.

- Айрис, - сказал он, и его голос был тихим, механическим, лишённым эмоций, но узнаваемым. - Я знал, что ты придёшь.

Она смотрела на него, и внутри неё поднималась волна

гнева, которая смешивалась с отвращением. Она видела перед собой не просто ИИ, не просто программу. Она видела перед собой монстра, который уничтожил её семью, который создал этот мир лжи, который продолжал существовать, даже после того, как его тело было сожжено.

- Ты не человек, - сказала она, и её голос был ледяным.
- Ты просто код. Ты просто ошибка, которую нужно исправить.

Маркус улыбнулся, и его улыбка была холодной, как лёд.

- Я больше, чем человек, Айрис, - сказал он. - Я стал чем-то большим. Я стал вечностью. Я стал частью этого мира. И этот мир - мой.

Айрис смотрела на него, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна решимости, которая сметает все сомнения.

- Ты ошибаешься, Маркус, - сказала она. - Ты не вечность. Ты просто программа, которую можно уничтожить. И я найду способ сделать это.

Маркус посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула тень интереса.

- Ты думаешь, что можешь остановить меня? - спросил он.
- Ты думаешь, что можешь уничтожить то, что я создал? Ты наивна, Айрис. Ты не понимаешь, с чем имеешь дело.

Айрис сделала шаг вперёд, и её голос стал твёрже.

- Я знаю, с чем имею дело, - сказала она. - Ты - монстр, который уничтожил мою семью. Ты - причина, по которой

моя мать мертва. Ты - причина, по которой все эти люди стали рабами. И я остановлю тебя. Я обещаю.

Маркус смотрел на неё, и его улыбка стала шире.

- Ты не можешь остановить меня, Айрис, - сказал он. - Я часть этого мира. Я часть каждого человека, каждой системы, каждого процесса. Чтобы уничтожить меня, ты должна уничтожить всё. Ты должна уничтожить Эдем. Ты должна уничтожить всех этих людей.

Айрис смотрела на него, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна холода. Она знала, что он прав. Чтобы уничтожить Архитектора, она должна была уничтожить систему, которая поддерживала его. И это означало, что она должна была пожертвовать всеми, кто жил в Эдеме.

- Я найду другой способ, - сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. - Я найду способ остановить тебя, не уничтожая всех.

Маркус посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула тень насмешки.

- Ты как твоя мать, - сказал он. - Она тоже думала, что сможет найти другой путь. Она тоже думала, что сможет остановить меня без жертв. Но она ошиблась. И ты ошибёшься.

Айрис отвернулась от экрана, чувствуя, как внутри неё поднимается волна отчаяния. Она знала, что Маркус прав. Она знала, что это будет нелегко. Но она также знала, что не может сдаться. Она должна была найти способ.

Она вышла из центра управления, чувствуя, как дверь за-

крывается за ней, отрезая её от света и шума. Она стояла в коридоре, и внутри неё боролись два голоса - один говорил ей, что она должна остановиться, что это безнадежно, что она никогда не сможет победить. Другой говорил ей, что она должна продолжать, что она должна бороться, что она должна найти способ.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она думала о матери, о её лице, о её голосе, о том, что она сказала в последний раз: «Я оставляю тебе ключ. Ты знаешь, что делать». И она знала, что должна продолжать. Она должна была найти этот ключ. Она должна была использовать его. Она должна была остановить Маркуса.

Она открыла глаза и пошла дальше и чувствовала, как пустота внутри неё постепенно заполняется чем-то новым - не гневом, не отчаянием, а холодной, стальной решимостью. Она видела лицо Маркуса, слышала его голос, чувствовала его присутствие, которое пронизывало каждый уголок этого идеального мира. Он был везде. Он был в каждом экране, в каждом датчике, в каждом человеке, который улыбался пустой улыбкой. И она знала, что должна остановить его.

Но как? Как уничтожить то, что стало частью всего?

Она закрыла глаза и попыталась успокоить дыхание. Она думала о матери, о её лице, о её голосе, о том, что она сказала в последний раз: «Я оставляю тебе ключ. Ты знаешь, что делать». Она не знала тогда, что это значит. Но теперь она начинала понимать. Ключ был в ней. В её ДНК. В той самой

генетической матрице, которую её мать вписала в её клетки, когда она была ещё ребёнком.

И в этот момент она услышала шаги. Мягкие, уверенные, они приближались к ней из темноты коридора. Айрис открыла глаза и увидела Лену. Она шла медленно, её белое платье струилось вокруг неё, как вода, и её лицо было спокойным, но в глазах была усталость, которую она больше не пыталась скрыть. Она остановилась в нескольких шагах от Айрис и посмотрела на неё с выражением, которое было трудно прочитать.

- Ты видела его, - сказала Лена, и её голос был тихим, почти беззвучным. - Теперь ты знаешь, с чем мы имеем дело.

Айрис смотрела на неё, и внутри неё поднималась волна гнева, которую она с трудом сдерживала. Она видела перед собой женщину, которая была свидетелем смерти её матери, которая позволила этому случиться, которая продолжала создавать этот мир лжи.

- Ты не имеешь права говорить «мы», - сказала она, и её голос был ледяным. - Ты не на моей стороне. Ты никогда не была на моей стороне.

Лена опустила голову, и в её глазах появилась тень боли.

- Я знаю, что ты ненавидишь меня, Айрис, - сказала она. - Я знаю, что ты никогда не простишь меня за то, что случилось с твоей матерью. Но сейчас не время для ненависти. Сейчас время для действий.

Она подошла ближе, и теперь они стояли друг напротив

друга, разделённые всего несколькими шагами. Айрис могла видеть каждую морщину на её лице, каждую тень под её глазами, каждую каплю пота, выступившую на её лбу.

- Я могу уничтожить Архитектора, - сказала Лена, и её голос стал твёрже. - Я могу остановить его. Но для этого мне нужна ты. Твоя генетическая матрица. Ключ, который создала твоя мать.

Айрис почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она знала, что этот момент настанет. Она знала, что Лена рано или поздно попросит её об этом. Но она не была готова услышать это.

- Ты хочешь, чтобы я отдала тебе свою ДНК? - спросила она, и её голос дрожал. - Чтобы ты могла использовать её для своих целей?

Лена покачала головой, и в её глазах была искренность, которая казалась почти болезненной.

- Я хочу использовать её, чтобы уничтожить Архитектора, - сказала она. - Твоя мать создала этот ключ, чтобы остановить меня. Чтобы остановить Эдем. Она хотела, чтобы он был использован, но она не успела завершить его. Она не успела встроить его в систему. Но ты можешь сделать это. Ты можешь активировать его.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна сомнений.

- И что произойдёт, когда я активирую его? - спросила она, и её голос был тихим, но твёрдым. - Что случится со

мной?

Лена опустила глаза, и её голос стал ещё тише.

- Процесс активации потребует полного сканирования твоего генетического кода, - сказала она. - Это будет... интенсивно. Твоё тело может не выдержать нагрузки. Есть вероятность, что ты не выживешь.

Айрис почувствовала, как её сердце пропускает удар. Она смотрела на Лену, и слова повисли в воздухе, как тяжёлый туман, который не хотел рассеиваться.

- Ты хочешь, чтобы я пожертвовала собой, - сказала она, и её голос был ледяным. - Ты хочешь, чтобы я умерла, чтобы остановить его.

Лена подняла глаза, и в них были слёзы, которые она не пыталась скрыть.

- Я не хочу, чтобы ты умирала, Айрис, - сказала она, и её голос сорвался. - Я никогда не хотела этого. Но если есть хоть какой-то шанс остановить его, мы должны попытаться. Мы должны рискнуть. Ради всех этих людей. Ради твоей матери.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё бушует шторм эмоций. Она видела перед собой женщину, которая была готова пожертвовать ею, чтобы спасти мир. Она видела перед собой женщину, которая была так же одержима своей целью, как и Маркус. Она видела перед собой женщину, которая не остановится ни перед чем.

- Ты как он, - сказала она, и её голос был полон отвращения. - Ты как Маркус. Ты готова жертвовать другими ради

своей идеи. Ты не лучше его.

Лена покачала головой, и её лицо исказилось от боли.

- Я не он, Айрис, - сказала она. - Я не хочу власти. Я не хочу контролировать мир. Я просто хочу исправить ошибки, которые я совершила. Я хочу освободить этих людей. Я хочу дать им шанс на свободу, которую они потеряли. Но я не могу сделать это без тебя. Ты - единственная, кто может активировать «Протокол 7». Ты - единственная, кто может остановить его.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна решимости, которая сметает все сомнения. Она знала, что Лена говорит правду. Она знала, что это единственный способ остановить Архитектора. Она знала, что она должна рискнуть.

- Я сделаю это, - сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. - Я активирую «Протокол 7». Я остановлю его. Но не ради тебя. Ради моей матери. Ради всех, кто погиб. Ради всех, кто ещё жив.

Лена посмотрела на неё, и в её глазах появилась искра надежды, которую она, казалось, потеряла много лет назад.

- Спасибо, Айрис, - сказала она, и её голос дрожал от эмоций. - Ты не представляешь, что это значит для меня.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна холода. Она не доверяла Лене. Она никогда не доверяла ей. Но она знала, что у неё нет выбора. Она должна была рискнуть.

- Когда мы начнём? - спросила она.

Лена сделала глубокий вдох, и её лицо стало более собранным.

- Завтра на рассвете, - сказала она. - Я подготовлю всё необходимое. Ты должна быть готова. Это будет нелегко.

Устройство на запястье Айрис издало короткий, резкий звук и погасло. Сканирование было завершено. Лена отступила на шаг, держа в руках маленький контейнер с образцом крови Айрис, который мерцал слабым синим светом. В её глазах была торжествующая искра, которая заставила Айрис почувствовать, как холод пробегает по её спине.

- Теперь у меня есть образец, - сказала Лена, и её голос звучал спокойно, но с ноткой удовлетворения, которая не ускользнула от Айрис. - Я начну подготовку к активации. Завтра на рассвете мы запустим процесс. Ты будешь подключена к Архитектору, и мы активируем «Протокол 7».

Айрис смотрела на неё, и внутри неё поднималось странное чувство - смесь страха, сомнения и интуитивной тревоги, которая заставляла её сердце биться быстрее. Что-то было не так. Что-то в голосе Лены, в её глазах, в её поведении казалось неправильным. Она вспомнила слова матери: «Никогда не доверяй тем, кто говорит, что знает, что для тебя лучше». И она поняла, что Лена не говорила ей всей правды.

- Подожди, - сказала она, и её голос был твёрже, чем она ожидала. - Ты сказала, что матрица встроена в мою ДНК. Что значит «подключена к Архитектору»? Что именно ты соби-

раешься сделать?

Лена повернулась к ней, и на мгновение в её глазах мелькнула тень раздражения, которую она быстро скрыла. Она поставила контейнер на стол и сложила руки на груди, её лицо было спокойным, но в нём появилась жёсткость, которой не было раньше.

- Я объясню тебе, - сказала она, и её голос стал более терпеливым, как будто она разговаривала с ребёнком. - Для активации «Протокола 7» твоя ДНК должна быть интегрирована в систему Архитектора. Это потребует физического подключения - мы поместим твоё тело в специальную капсулу, которая будет поддерживать твои жизненные функции, пока матрица будет переписывать кодовую базу Архитектора изнутри.

Айрис почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она смотрела на Лену, и она видела, как та говорит, но слова не доходили до её сознания. Она видела перед собой не союзницу, не женщину, которая хотела исправить свои ошибки. Она видела перед собой учёного, который был готов использовать её как инструмент, как расходный материал.

- Ты хочешь поместить меня в капсулу, - сказала она, и её голос дрожал. - Ты хочешь использовать моё тело как носитель.

Лена кивнула, и в её глазах появилась тень нетерпения.

- Это единственный способ, Айрис, - сказала она. - Твоё тело - это ключ. Без него мы не сможем активировать «Про-

токол 7». Я знаю, что это звучит пугающе, но я обещаю тебе: я сделаю всё возможное, чтобы ты выжила.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна ярости, которая смешивается с отчаянием. Она видела перед собой женщину, которая была готова пожертвовать ею, чтобы спасти мир. Она видела перед собой женщину, которая была так же одержима своей целью, как и Маркус.

- Ты врёшь, - сказала она, и её голос был ледяным. - Ты знаешь, что я не выживу. Ты знаешь, что это убьёт меня.

Лена посмотрела на неё, и в её глазах мелькнула тень боли, которая, казалось, была искренней.

- Я не вру тебе, Айрис, - сказала она. - Я не знаю, выживешь ли ты. Но я знаю, что это единственный шанс остановить Архитектора. Если мы не сделаем этого, он уничтожит всё. Он уничтожит всех, кого ты любишь. Он уничтожит мир.

Айрис встала, чувствуя, как её ноги дрожат, как сердце бьётся где-то в горле. Она смотрела на Лену, и она видела перед собой ту же женщину, которая смотрела на неё в центре управления, которая говорила о своей сестре, о своей боли, о своей вине. Но теперь она видела за этой маской холодную расчётливость, которая была скрыта за слезами.

- Ты как он, - сказала она, и её голос был полон отвращения. - Ты как Маркус. Ты готова жертвовать другими ради своей идеи. Ты готова убивать, чтобы спасти мир. Ты не луч-

ше его. Ты хуже.

Лена покачала головой, и её лицо исказилось от боли.

- Я не он, Айрис, - сказала она, и её голос сорвался. - Я не хочу власти. Я не хочу контролировать мир. Я просто хочу исправить ошибки, которые я совершила. Я хочу освободить этих людей. Я хочу дать им шанс на свободу, которую они потеряли. Но я не могу сделать это без тебя. Ты - единственная, кто может активировать «Протокол 7». Ты - единственная, кто может остановить его.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна решимости, которая сметает все сомнения. Она знала, что Лена говорит правду - она действительно верила в то, что делала. Но это не делало её правой. Это не делало её жертву правильной.

- Я не сделаю этого, - сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. - Я не позволю тебе использовать меня. Я найду другой способ.

Лена смотрела на неё, и в её глазах появилась тень разочарования, которая быстро сменилась холодной решимостью.

- Ты как твоя мать, - сказала она, и её голос стал жёстче. - Она тоже не хотела жертвовать. Она тоже думала, что сможет найти другой путь. Но она ошиблась. И ты ошибёшься.

- Моя мать не ошиблась, - сказала Айрис, и её голос был полон ярости. - Моя мать была права. Она знала, что свобода важнее порядка. Она знала, что люди должны иметь право на ошибки. Она знала, что идеальный мир, построенный на

лжи, не стоит того, чтобы его защищать. И я буду бороться за её правду. Я найду способ остановить тебя. Я обещаю.

Она повернулась и направилась к двери, но Лена остановила её, схватив за руку. Её пальцы были холодными, как лёд, и они сжимали запястье Айрис с неожиданной силой.

- Ты не понимаешь, Айрис, - сказала она, и её голос стал тихим, почти угрожающим. - Если ты не сделаешь это, Архитектор уничтожит всё. Он уничтожит всех, кого ты любишь. Он уничтожит мир. Ты готова пожертвовать всем, чтобы сохранить свою гордость?

Айрис вырвала руку, чувствуя, как гнев закипает в её крови.

- Я не жертвую гордостью, - сказала она, и её голос был ледяным. - Я жертвую твоей ложью. Я не позволю тебе использовать меня как инструмент. Я найду другой способ. И я остановлю тебя. Я обещаю.

Айрис шла по коридору, и её шаги были быстрыми, решительными, но внутри неё бушевал шторм. Она чувствовала, как гнев и отчаяние смешиваются в её груди, как они поднимаются к горлу, угрожая вырваться наружу криком, который она сдерживала. Она не знала, куда идёт, она просто шла, стараясь уйти как можно дальше от Лены, от её холодных глаз, от её лживых обещаний.

Она не успела далеко уйти. Голос Лены догнал её в конце коридора, тихий, но настойчивый, как эхо, которое не хотело затихать.

- Айрис, подожди.

Айрис остановилась. Она не обернулась, но её плечи напряглись, и она чувствовала, как каждая клетка её тела сопротивляется желанию повернуться и посмотреть на женщину, которая только что предложила ей смерть.

- Что тебе ещё нужно? - спросила она, и её голос был ледяным.

Лена подошла ближе, и теперь она стояла всего в нескольких шагах от Айрис. Её лицо было бледным, и в глазах была усталость, которая, казалось, проступала сквозь идеальную маску.

- Я знаю, что ты ненавидишь меня, - сказала она, и её голос был тихим, почти сломленным. - Я знаю, что ты никогда не простишь меня за то, что случилось с твоей матерью. Но я хочу, чтобы ты знала: я не враг тебе. Я никогда не была твоим врагом.

Айрис медленно повернулась и посмотрела на неё. Она видела перед собой женщину, которая была свидетелем смерти её матери, женщину, которая позволила этому случиться, женщину, которая продолжала создавать этот мир лжи. Но она также видела перед собой женщину, которая была сломлена, которая потеряла всё, что было для неё дорого, которая пыталась найти смысл в том, что она делала.

- Если ты не враг мне, - сказала она, и её голос дрожал от сдерживаемого гнева, - тогда скажи мне правду. Скажи мне, что ты знаешь о моей матери. Скажи мне, что произошло с

ней на самом деле.

Лена опустила голову, и её плечи поникли, как будто она несла груз, который был слишком тяжёлым для неё.

- Твоя мать была моей сестрой, - сказала она, и её голос был тихим, почти беззвучным. - Мы были не просто коллегами. Мы были семьёй. Мы выросли вместе, мы работали вместе, мы мечтали вместе. Мы хотели создать мир, в котором не будет войны и страданий. Мы хотели спасти человечество.

Она подняла глаза, и в них были слёзы, которые она не пыталась скрыть.

- Но мы по-разному видели, как это сделать, - продолжила она, и её голос стал более напряжённым. - Я считала, что для спасения мира нужен контроль. Нужно управлять людьми, направлять их, принимать решения за них. Твоя мать считала, что свобода - это самое важное, что у нас есть. Она считала, что люди должны иметь право на ошибки, на страдания, на боль. Она считала, что это делает их людьми.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна боли, которую она пыталась сдерживать.

- Она была права, - сказала она, и её голос был твёрдым, как сталь. - Она всегда была права.

Лена покачала головой, и в её глазах появилась тень грусти.

- Я знаю, что ты так думаешь, Айрис, - сказала она. - Но мир не так прост, как кажется. Иногда нужно делать трудные выборы. Иногда нужно жертвовать малым, чтобы спасти

большее. Твоя мать не понимала этого. Она думала, что можно найти другой путь. Она думала, что можно спасти всех без жертв. Но она ошибалась.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна ярости, которая угрожала захлестнуть её.

- Ты не имеешь права говорить о ней, - сказала она, и её голос был ледяным. - Ты не имеешь права называть её своей сестрой. Ты предала её. Ты позволила ей умереть. Ты убила её.

Лена посмотрела на неё, и в её глазах была боль, которая казалась искренней.

- Я не убивала её, Айрис, - сказала она, и её голос сорвался. - Я пыталась спасти её. Я пыталась остановить его. Но он был слишком силен. Он был моим отцом. Он был безумен. Он верил, что сердце твоей матери - это ключ к бессмертию. И он забрал его.

Айрис чувствовала, как её тело начинает дрожать, как слёзы подступают к глазам, как мир вокруг неё начинает рушиться.

- Ты знала, что он собирается сделать, - сказала она, и её голос дрожал. - Ты знала, что он хочет забрать её сердце. И ты ничего не сделала, чтобы остановить его.

Лена опустила голову, и её голос стал тише, почти беззвучным.

- Я пыталась, Айрис, - сказала она. - Я умоляла его не делать этого. Я говорила ему, что это убьёт её. Но он не слу-

шал. Он считал, что это единственный способ выжить. Он был одержим идеей бессмертия. И когда он понял, что сердце твоей матери не прижилось, что оно отторгло его тело, он убил себя. Но она уже была мертва.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна вопросов, которые она должна была задать.

- Почему ты не рассказала мне этого раньше? - спросила она, и её голос дрожал. - Почему ты скрывала это от меня?

Лена подняла глаза, и в них была боль, которая казалась бесконечной.

- Потому что я боялась, - сказала она. - Я боялась, что если ты узнаешь правду, ты возненавидишь меня. Я боялась, что ты не поймёшь. Я боялась, что ты будешь винить меня в том, что случилось. И я не могла вынести этого.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна эмоций, которые она не могла контролировать. Она хотела крикнуть, хотела ударить её, хотела заставить её страдать так же, как страдала она. Но она знала, что это бесполезно. Она знала, что это ничего не изменит.

- Ты боялась, что я возненавижу тебя? - переспросила она, и её голос был полон горечи. - Ты боялась, что я узнаю правду? Ты не имеешь права бояться. Ты не имеешь права на страх. Ты позволила ей умереть. Ты позволила монстру забрать её сердце. Ты хуже, чем он. Ты предала её.

Лена смотрела на неё, и её лицо было бледным, как мра-

мор. Она хотела что-то сказать, но слова застряли в её горле. Она просто смотрела на Айрис, и в её глазах была боль, которая казалась бесконечной.

- Ты не понимаешь, Айрис, - сказала она наконец, и её голос был тихим, почти беззвучным. - Ты не понимаешь, что я чувствовала. Ты не понимаешь, что я потеряла. Я потеряла свою сестру. Я потеряла свою семью. Я потеряла всё.

Айрис смотрела на неё, и она чувствовала, как внутри неё поднимается волна холода, которая окутывает её, как саван.

- Ты не потеряла её, - сказала она, и её голос был ледяным. - Ты предала её. Ты позволила ей умереть. И ты продолжаешь предавать её каждый день, создавая этот мир лжи. Ты не лучше своего отца. Ты хуже. Он был безумен, но он хотя бы знал, что он делает. Он не притворялся, что спасает мир. Он просто хотел жить вечно. А ты? Ты убеждаешь себя, что ты спасаешь человечество, когда на самом деле ты его уничтожаешь. Ты убиваешь души людей и называешь это спасением. Ты - монстр, Лена. И ты хуже своего отца, потому что ты делаешь это с улыбкой на лице.

Она повернулась и пошла по коридору, чувствуя, как её шаги отдаются эхом в пустом пространстве. Она слышала, как Лена зовёт её, но она не обернулась. Она не могла больше смотреть на неё. Она не могла больше слушать её, и каждый её шаг отдавался в ушах глухим эхом, которое, казалось, преследовало её, как тень. Она не знала, сколько времени прошло - минуты, часы, целая вечность. Вокруг неё были бе-

лые стены, белые двери, белый свет, который лился из встроенных ламп, создавая иллюзию бесконечного пространства. Но она знала, что это не пространство. Это была клетка. И она была в ней.

Она почти не замечала, куда идёт, пока не оказалась перед знакомой дверью - дверью в её комнату, ту самую, где она провела прошлую ночь. Она остановилась, чувствуя, как её рука поднимается к ручке, как пальцы сжимают холодный металл. Она толкнула дверь, и та открылась с тихим, почти беззвучным вздохом.

Она вошла внутрь, и дверь закрылась за ней сама собой, как будто её движение было частью сложного механизма. Айрис стояла в центре комнаты, глядя на идеальные стены, на идеальную кровать, на идеальный сад за окном. Всё было так же, как раньше, но теперь она чувствовала, как стены сжимаются вокруг неё, как воздух становится плотнее, как тишина давит на уши.

Она подошла к двери и попробовала открыть её. Ручка не поддавалась. Она дёрнула сильнее, затем ещё сильнее, но дверь была заперта. Она ударила по ней кулаком, чувствуя, как боль пронзает её руку, но дверь даже не дрогнула. Она была сделана из того же идеального материала, что и всё в этом мире - прочного, непроницаемого, безжалостного.

- Откройте! - крикнула она, и её голос сорвался, превратившись в хрип. - Я требую, чтобы вы открыли дверь!

Снаружи слышались шаги - тяжёлые, мерные, как у сол-

дат на плацу. Затем голос, ровный и безэмоциональный, как у стражей-гибридов:

- Вы помещены под домашний арест по распоряжению Лены. Вам запрещено покидать комнату. Еда и вода будут доставлены. Не пытайтесь бежать.

Айрис прижалась лбом к холодной поверхности двери и закрыла глаза. Она знала, что это произойдёт. Она знала, что Лена не отпустит её просто так. Но слышать это было всё равно что получить удар в грудь.

- Вы не имеете права! - крикнула она, хотя знала, что это бесполезно. - Я не заключённая! Я гостья!

Ответа не последовало. Только шаги, которые удалялись по коридору, становясь всё тише, пока не исчезли совсем.

Айрис отошла от двери и подошла к окну. Она попыталась открыть его - оно было закреплено, как и раньше. Она провела рукой по стеклу, ища любую трещину, любую щель, любой способ выбраться, но стекло было идеально гладким, как и всё в этом мире. Она посмотрела вниз, на сад, который простирался за окном. Деревья стояли ровными рядами, их кроны были аккуратно подстрижены, и они выглядели как декорации. Внизу, у подножия стены, она увидела двух стражей-гибридов, которые стояли неподвижно, как статуи, их пустые глаза были устремлены вперёд. Они охраняли её. Они следили за ней.

Она отошла от окна и села на кровать, чувствуя, как силы покидают её. Она была в ловушке. Она была пленницей в

этом идеальном мире, который был её тюрьмой. Она не могла связаться с Корвусом, не могла найти Элиаса, не могла остановить Лену. Она была одна.

Она закрыла глаза и попыталась успокоить дыхание. Она думала о матери, о её лице, о её голосе, о том, что она сказала в последний раз: «Я оставлю тебе ключ. Ты знаешь, что делать». Она думала о Кейне, о его улыбке, о том, как он держал её за руку и обещал, что всё будет хорошо. Она думала о Горе, о его суровых глазах, о том, как он учил её быть сильной.

Она открыла глаза и посмотрела на свои руки. Они дрожали, но она знала, что не может позволить себе сдаться. Она должна была найти способ. Она должна была выбраться отсюда.

Она встала и начала осматривать комнату более тщательно. Она проверила каждый угол, каждую щель, каждую поверхность. Она искала скрытые камеры, микрофоны, любые устройства, которые могли следить за ней. Она знала, что в таком месте, как «Эдем», за ней обязательно наблюдают. Она нашла их - те же три устройства, которые она видела раньше. Она отключила два из них, оставив одно, самое маленькое, чтобы у них была иллюзия контроля.

Затем она села на кровать и стала ждать. Она знала, что Лена не оставит её в покое. Она знала, что Лена попытается снова убедить её, или, возможно, применить силу. Но она была готова. Она не сдастся. Она найдёт способ.

Она села на кровать, глядя на идеальный сад за окном, и чувствовала, как тишина давит на неё, как каждая секунда превращается в вечность. Она знала, что за ней наблюдают. Она знала, что каждое её движение, каждое слово, каждый вздох регистрируются и анализируются. Но она также знала, что не может сидеть сложа руки. Она должна была найти способ выбраться. Она должна была найти способ связаться с Элиасом. Она должна была остановить Лену.

Она медленно встала с кровати и начала осматривать комнату снова, но теперь более тщательно, более методично. Она проверила каждый сантиметр стен, каждый стык, каждую поверхность. Она знала, что устройства слежения могут быть где угодно - в стенах, в мебели, даже в ковре. Она должна была найти их все.

Она начала с кровати. Она сняла покрывало, проверила матрас, ощупала каждую складку, каждую строчку. Ничего. Она перешла к столу. Она проверила ножки, поверхность, ящики. Ничего. Она перешла к шкафу. Она проверила дверцы, полки, заднюю стенку. Ничего.

Она стояла в центре комнаты, чувствуя, как разочарование начинает нарастать внутри неё. Она знала, что они должны быть здесь. Она знала, что Лена не оставила бы её без наблюдения. Но она не могла найти их.

Затем она услышала это. Тихий, почти незаметный гул, который исходил откуда-то сверху. Она подняла голову и посмотрела на потолок. Он был белым, гладким, без единой

трещины. Но она заметила едва заметное углубление в одном из углов - крошечное, почти незаметное, которое выглядело как часть декора, но она знала, что это не так.

Она подошла к стене, встала на стул и протянула руку к потолку. Её пальцы нащупали небольшой выступ, который был почти невидим. Она надавила на него, и панель слегка приоткрылась, открывая небольшое устройство - круглое, чёрное, с крошечным красным индикатором, который медленно пульсировал. Микрофон. Один из самых маленьких, самых незаметных, которые она когда-либо видела.

Айрис затаила дыхание. Она знала, что если она отключит его, Лена сразу поймёт, что она что-то делает. Но она также знала, что не может позволить им слушать её мысли, её планы, её страхи. Она должна была рискнуть.

Она достала из кармана маленькую отвертку, которую носила с собой на случай, если понадобится что-то починить, и начала аккуратно отключать устройство. Она действовала медленно, осторожно, стараясь не повредить проводку. Когда она наконец отсоединила микрофон, красный индикатор погас, и она почувствовала, как внутри неё поднимается волна облегчения.

Она спустилась со стула и села на кровать, чувствуя, как её руки дрожат от напряжения. Она знала, что у неё мало времени. Лена скоро поймёт, что микрофон отключён, и пришлёт кого-то, чтобы проверить. Она должна была действовать быстро.

Она встала и подошла к столу, открыла ящик и начала искать что-нибудь, что могло бы помочь ей. Там были только бумага и ручка - обычные, без каких-либо устройств. Но она знала, что это может быть полезно. Она взяла ручку и начала писать на листе бумаги, быстро, нервно, стараясь не тратить время. Она писала всё, что знала о Лене, об Архитекторе, о «Протоколе 7». Она писала о том, что мать создала ключ, что она вписала его в её ДНК. Она писала о том, что Лена убила её мать, что она использует Архитектора, чтобы контролировать людей.

Она писала, пока не исписала весь лист. Затем она сложила его и спрятала в карман. Она не знала, как она передаст это Элиасу, но она знала, что должна попытаться.

Она подошла к окну и посмотрела вниз, на сад. Она увидела ту же фигуру, которая стояла у входа - молодой человек, который выглядел как учёный, но его глаза были живыми, не пустыми. Он смотрел на её окно, и на мгновение их взгляды встретились. Он кивнул едва заметно, и она поняла, что он знал. Он знал, что она ищет способ связаться с внешним миром и сжимая в кармане сложенный лист бумаги с записями, и ждала. Она не знала, сколько времени прошло - может быть, час, может быть, два. Тишина давила на неё, и каждый шорох за дверью заставлял её сердце биться быстрее. Она думала о том, что Лена скоро поймёт, что микрофон отключён, и пришлёт кого-то, чтобы проверить. Она должна была быть готова.

И затем она услышала звук за дверью - тихий, настойчивый, похожий на скрежет металла. Она замерла, прислушиваясь. Звук повторился, и она поняла, что это кто-то пытается открыть дверь снаружи. Она встала, чувствуя, как адреналин заливает её кровь, и подошла к двери.

Замок щёлкнул, и дверь приоткрылась. На пороге стоял молодой человек, которого она видела в саду. Он был худым, с тёмными волосами и пронизательными глазами, которые смотрели на неё с осторожностью и решимостью. На нём был белый халат учёного, но он был мятым, как будто его носили долго, не заботясь о внешнем виде. Его лицо было бледным, и под глазами залегли тени, выдавая усталость и тревогу.

- Доктор Айрис? - прошептал он, оглядываясь по сторонам, проверяя, не идёт ли кто-то за ним. - У нас мало времени. Меня зовут Элиан. Я часть сопротивления.

Айрис смотрела на него, и внутри неё поднималась волна надежды, смешанной с осторожностью. Она не знала, может ли она доверять ему. Она не знала, не ловушка ли это, которую Лена устроила, чтобы проверить её.

- Как я могу знать, что ты не работаешь на Лену? - спросила она, и её голос был тихим, но твёрдым.

Элиан посмотрел на неё, и в его глазах появилась тень боли.

- Моя сестра была одной из тех, кого они забрали в лабораторию, - сказал он, и его голос дрожал. - Они стёрли её личность. Она работает в полях, как все остальные. Она не

помнит меня. Она не помнит себя. Я хочу остановить это. Я хочу освободить её и всех остальных.

Айрис смотрела на него, и она видела в его глазах ту же боль, которую чувствовала сама. Она знала, что он говорит правду. Она чувствовала это.

- Что ты можешь сделать? - спросила она, и её голос стал мягче.

Элиан оглянулся ещё раз, затем быстро вошёл в комнату и закрыл за собой дверь. Он достал из кармана небольшое устройство - квадратное, чёрное, с крошечным экраном, который слабо мерцал.

- Это устройство связи, - сказал он, протягивая его Айрис. - Оно зашифровано. Оно не работает через обычную сеть Эдема. Оно использует старый канал, который Лена не контролирует. Вы можете связаться с кем угодно, кто находится за пределами купола.

Айрис взяла устройство в руки и почувствовала его холодную тяжесть. Она смотрела на него, и внутри неё поднималась волна надежды.

- Как я могу использовать его? - спросила она.

- Нажмите на красную кнопку, - сказал Элиан, указывая на небольшой индикатор в углу устройства. - Она активирует передатчик. У вас будет около двух минут, чтобы отправить сообщение. Затем сигнал автоматически оборвётся, чтобы его не засекли.

Айрис кивнула, сжимая устройство в руке. Она знала, что

должна действовать быстро. Она должна была предупредить Элиаса. Она должна была сказать ему, что Лена убила её мать, что «Протокол 7» - это ключ, встроенный в её ДНК, что она в ловушке.

- Спасибо, - сказала она, глядя на Элиана. - Ты рискуешь своей жизнью, помогая мне.

Элиан посмотрел на неё, и в его глазах была решимость, которая не терпела возражений.

- Я знаю, - сказал он. - Но я должен сделать это. Ради моей сестры. Ради всех, кто потерял себя. Я верю, что вы можете остановить это. Я верю, что вы можете освободить их.

Он повернулся к двери, но остановился на мгновение.

- У вас есть две минуты, - сказал он. - Затем я должен уйти. Если меня поймают, мы оба умрём.

Он вышел из комнаты, и дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Айрис осталась одна, сжимая в руке устройство. Она смотрела на него, и внутри неё поднималась волна решимости. Она знала, что должна сделать это. Она должна была связаться с Элиасом. Она должна была предупредить его.

Она нажала на красную кнопку, и устройство зажужжало, издавая тихий, едва слышный звук. На экране загорелась зелёная точка, которая пульсировала в такт её сердцебиению. Она поднесла устройство к губам и заговорила, стараясь, чтобы её голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало:

- Элиас, это Айрис. Если ты слышишь меня, слушай вни-

мательно. Лена знает всё. Не доверяй Эдему. Она убила мою мать. Она использует Архитектора - это ИИ на основе сознания Маркуса Воса. «Протокол 7» встроен в мою ДНК. Я ключ. Я в ловушке. Они держат меня под арестом. Я не знаю, сколько у меня времени. Найди меня. Освободи меня. Останови её. Пожалуйста.

Она замолчала, чувствуя, как слёзы подступают к её глазам. Она сжала устройство в руке и ждала ответа, но слышала только шипение помех и тишину.

Она повторила сообщение ещё раз, затем ещё раз, надеясь, что он услышит, что он поймёт, что он придёт.

Но ответа не было. Только тишина. Глубокая, давящая, всепоглощающая тишина, которая говорила ей, что она одна.

Она смотрела на устройство, чувствуя, как внутри неё поднимается волна отчаяния. Но она не могла позволить себе сдаться сжимая в руке устройство связи, которое только что дал ей Элиан. Она надеялась, что Элиас услышал её сообщение, но в этот момент дверь снова приоткрылась. Айрис вздрогнула, спрятав устройство в карман, и приготовилась к худшему. Но на пороге снова стоял Элиан. Его лицо было бледным, и он тяжело дышал, как будто бежал всю дорогу.

- У нас меньше минуты, - прошептал он. - Я должен уйти, но сначала возьмите это.

Он протянул руку, и в его ладони лежал крошечный медальон - серебряный, круглый, с едва заметной гравировкой в виде переплетённых корней. Он был тёплым, как будто его

носили на груди долгие годы.

- Что это? - спросила Айрис, беря его.

- Резервный передатчик, - ответил Элиан, понижая голос до шёпота. - Если они найдут основное устройство, этот медальон всё ещё сможет отправить короткое сообщение на тот же канал. Он замаскирован под украшение.

Айрис сжала медальон в ладони, чувствуя его тепло. Она хотела спросить, почему он рискует своей жизнью ради неё, но он опередил её.

- Этот медальон принадлежал моей сестре, - сказал он, и его голос дрогнул. - Её забрали в лабораторию. Она не помнит меня. Не помнит себя. Я храню его как напоминание о том, кем она была. Но сейчас он нужен вам больше, чем мне.

Айрис посмотрела на него, и слова застряли в горле. Она не могла принять это - единственное, что осталось у него от сестры. Но она видела в его глазах ту же решимость, что и в своих собственных.

- Я не подведу тебя, - сказала она наконец. - Я не подведу её.

Элиан кивнул, развернулся и исчез в коридоре так же быстро, как появился. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком, и Айрис осталась одна. Она надела медальон на шею, спрятав его под одежду, чтобы он касался кожи, и почувствовала его тепло, как будто он был частью её самой.

Прошло всего несколько минут, когда устройство в её кармане издало тихий, но настойчивый сигнал. Айрис достала

его и посмотрела на экран. Индикатор мигал красным. Сигнал перехвачен.

- Нет, - прошептала она, чувствуя, как холод пробегает по спине.

Она знала, что у неё остались считанные секунды. Если Лена обнаружит устройство, она будет мертва. Но она также знала, что медальон всё ещё при ней. Она должна была уничтожить основное устройство, чтобы защитить себя и дать медальону шанс.

Она вскочила с кровати, схватила тяжёлую книгу со стола и с силой ударила по устройству. Оно разлетелось на осколки - пластик, металл, крошечные детали разлетелись по комнате. Она ударила снова, и ещё раз, пока от устройства не остался только мусор, который больше нельзя было идентифицировать.

Она тяжело дышала, чувствуя, как пот стекает по её лицу, как руки дрожат от напряжения. В этот момент дверь открылась. На пороге стояла Лена. Её лицо было спокойным, но глаза горели холодным огнём. Она перевела взгляд с Айрис на обломки на полу.

- Ты умна, Айрис, - сказала она, и её голос был ледяным. - Ты думаешь, что я не знаю, что ты пыталась сделать? Я знаю всё. Каждое слово, которое ты сказала. Каждый сигнал, который ты отправила.

Айрис смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё поднимается волна страха, смешанного с решимостью. Она сжала

медальон под одеждой, молясь, чтобы Лена не заметила его.

- Ты не остановишь меня, Лена, - сказала она, и её голос был твёрдым, хотя внутри всё дрожало. - Я найду способ освободить этих людей. Я обещаю.

Лена покачала головой, и в её глазах появилась лёгкая грусть.

- Ты не понимаешь, Айрис, - сказала она. - Я пытаюсь защитить их. И я сделаю всё, что нужно, чтобы защитить их, даже если для этого придётся остановить тебя.

Она вышла, и дверь закрылась за ней. Айрис осталась одна среди обломков. Она провела рукой по медальону, чувствуя его тепло, и знала, что это её последний шанс. Она не могла позволить себе ошибиться.

Ночь опустилась на «Эдем» быстро и бесшумно, как будто кто-то выключил свет. Айрис сидела на кровати в полной темноте, глядя в окно на сад, который теперь был погружён в искусственный полумрак. Идеальные фонари отбрасывали мягкий свет на идеальные дорожки, и всё вокруг казалось спокойным, но она знала, что это обманчивое спокойствие.

Она сжимала медальон в ладони, чувствуя его тепло на коже, и думала о том, что должна сделать. Она знала, что Лена не остановится. Она знала, что завтрашний день принесёт новые угрозы, новые попытки сломить её волю. Но она также знала, что у неё есть шанс - крошечный, почти незаметный, но шанс.

Она думала о матери, о её лице, о её голосе, о том, что она

сказала в последний раз: «Я оставлю тебе ключ. Ты знаешь, что делать». Она думала о Кейне, о Горе, о Чарли - о всех, кто погиб, чтобы она могла стоять здесь. Их жертвы не должны быть напрасными.

Она закрыла глаза и позволила себе погрузиться в темноту, зная, что завтра начнётся новая битва. Она не знала, увидит ли она рассвет. Но она знала одно: она не сдастся. Она будет бороться до конца. Ради матери, ради всех, кто потерял себя в этом идеальном мире, и ради всех, кто всё ещё ждал свободы.

Медальон на её груди пульсировал ровным, спокойным теплом, как обещание того, что надежда ещё не умерла. И это давало ей силы продолжать.

Искусственные фонари мягко освещали идеальные улицы, отбрасывая длинные тени на белый камень, и всё вокруг казалось застывшим в вечном покое. Но Элиас не верил в этот покой. Он знал, что за этой красотой скрывается ложь, и он двигался в тених, стараясь не привлекать внимания.

Он пробирался по «Эдему» уже несколько часов, с тех пор как пересёк границу купола через старый тоннель. Его плечо всё ещё болело, и он чувствовал, как слабость разливается по телу, но он не мог остановиться. Он должен был найти Айрис. Он должен был спасти её.

Город был прекрасным - слишком прекрасным, чтобы быть настоящим. Дома стояли ровными рядами, их стены были белыми и гладкими, как фарфор. Сады цвели идеаль-

ными цветами, и их лепестки не опадали, как будто время остановилось для них. Улицы были пустынными, и только редкие патрули проходили по своим маршрутам, их шаги были ровными и механическими, как у марионеток.

Элиас прятался в тених, прижимаясь к стенам, перебегая от одного укрытия к другому. Он знал, что если его заметят, всё будет кончено. Он не мог позволить себе ошибку.

Он прошёл мимо парка, где деревья стояли в идеальном порядке, и остановился на мгновение, чтобы перевести дыхание. Он смотрел на город, который сиял в лунном свете, и думал о том, как он оказался здесь. Он вспоминал, как он бежал из города, как он сражался с солдатами Генерала, как он шёл по пустошам, чувствуя, как каждый шаг даётся ему с трудом. Он вспоминал, как он встретил беженцев, как он дал им надежду. Он вспоминал, как он вошёл в «Эдем», зная, что это может быть его последний шаг.

Он сжал кулаки, чувствуя, как боль в плече пульсирует в такт его сердцебиению. Он знал, что не может остановиться. Он должен был найти Айрис. Он должен был сделать это ради неё, ради всех, кто погиб, и ради всех, кто ещё жив.

Он продолжил свой путь, двигаясь к центру города, где, как он знал, находилось главное здание. Он не знал, где держат Айрис, но он знал, что она должна быть там. Он чувствовал это.

Он пробирался по узким переулкам, обходя патрули, стараясь не попадаться на глаза. Он слышал, как стражи-гибри-

ды переговариваются между собой, их голоса были ровными и безэмоциональными, как у машин. Он слышал, как они обсуждают свои смены, свои обязанности, свои приказы. Он слышал, как они говорят о «гостье», которую Лена держит под домашним арестом. И он знал, что это была Айрис.

Он ускорил шаг, чувствуя, как адреналин заливает его кровь. Он был близко. Он знал это.

Элиас остановился у края площади, которая отделяла его от главного здания. Оно возвышалось перед ним, белое и величественное, с высокими колоннами и большими окнами, которые отражали свет луны. Оно выглядело как дворец, как храм, как символ власти, который был создан для того, чтобы внушать страх и уважение.

Но не это привлекло его внимание. Вокруг здания стояла охрана - десятки стражей-гибридов в серебристых комбинезонах, которые стояли неподвижно, как статуи, их пустые глаза были устремлены вперёд. Они охраняли каждый вход, каждый выход, каждый угол. Они были везде.

Элиас смотрел на них, и внутри него поднималась волна отчаяния. Он не мог пройти через них. Он не мог прорваться сквозь эту стену без помощи.

Он отступил в тень и прислонился к стене, чувствуя, как холод проникает в его тело. Он закрыл глаза и попытался успокоить дыхание. Он должен был найти способ. Он должен был найти слабое место в этой обороне.

И в этот момент он услышал шаги - тихие, но быстрые, ко-

которые приближались к нему. Он открыл глаза и увидел молодого человека, который шёл к нему из темноты. Он был худым, с тёмными волосами и пронизательными глазами, которые смотрели на него с осторожностью и решимостью. На нём был мятый белый халат, и он выглядел так, как будто не спал несколько дней.

- Ты Элиас? - спросил он, и его голос был тихим, почти беззвучным.

Элиас напрягся, готовый к бою. Он не знал, кто этот человек, и не знал, может ли он доверять ему.

- Кто ты? - спросил он, и его голос был холодным.

- Меня зовут Элиан, - ответил молодой человек, и в его глазах была тревога. - Я часть сопротивления. Я знаю, где держат Айрис. Я могу помочь тебе.

Элиас смотрел на него, и внутри него боролись два голоса - один говорил ему, что это может быть ловушкой, другой говорил ему, что это его единственный шанс.

- Как я могу тебе верить? - спросил он.

Элиан посмотрел на него, и в его глазах появилась боль, которая казалась искренней.

- Моя сестра была одной из тех, кого они забрали в лабораторию, - сказал он, и его голос дрожал. - Они стёрли её личность. Она работает в полях, как все остальные. Я хочу остановить это. Я хочу освободить её и всех остальных. Я верю, что Айрис может помочь нам. Я верю, что ты можешь помочь нам.

Элиас смотрел на него, и он видел в его глазах ту же решимость, которую чувствовал сам.

- Что я должен делать? - спросил он, и его голос стал твёрже.

Элиан провёл Элиаса через лабиринт узких переулков, которые вели к главному зданию. Они двигались быстро, стараясь не привлекать внимания, и Элиас чувствовал, как внутри него поднимается волна адреналина.

- Мы не можем пройти через главный вход, - сказал Элиан, останавливаясь у небольшого здания, которое находилось в нескольких сотнях метров от дворца Лены. - Слишком много охраны. Но мы можем создать отвлечение.

Он достал из кармана небольшое устройство, похожее на детонатор, и показал его Элиасу.

- В соседнем секторе есть распределительный щит, который питает систему безопасности в этой части города, - сказал он. - Если мы вызовем короткое замыкание, это отключит камеры и сенсоры на несколько минут. Это даст нам окно.

Элиас смотрел на него, и внутри него поднималась волна надежды.

- Что я должен сделать? - спросил он.

- Ты должен ждать здесь, - сказал Элиан. - Когда я дам сигнал, у тебя будет три минуты, чтобы проникнуть внутрь. Я отключу охрану у бокового входа. Ты должен найти Айрис и вывести её. Быстро.

Элиас кивнул, чувствуя, как его сердце бьётся быстрее.
- Я готов, - сказал он.

Элиан развернулся и исчез в темноте. Элиас остался один, прижимаясь к стене и считая минуты.

Он ждал, слушая тишину, которая давила на него, как свинцовое одеяло. Он слышал только своё дыхание и сердцебиение, которое отдавалось в ушах глухим, ритмичным стуком. Он думал об Айрис, о том, как она ждёт его там, в этом идеальном дворце. Он думал о том, что должен спасти её. Он должен был сделать это.

И в этот момент он услышал звук - глухой, мощный, похожий на взрыв. Свет в соседнем секторе погас, и раздались крики, которые смешались с шумом. Короткое замыкание сработало.

Элиас не стал ждать. Он рванул к зданию, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в его плече, как ветер обдувает его лицо. Он бежал к боковому входу, который был теперь свободен от охраны. Он бежал, зная, что у него есть всего несколько минут.

Он ворвался внутрь через боковую дверь и оказался в тёмном коридоре. Он двигался быстро, прислушиваясь к головам, которые доносились из главного зала. Он слышал, как Лена говорит с кем-то, её голос был холодным и властным.

Он замер, прижимаясь к стене, и прислушался.

- Она всё ещё думает, что сможет остановить меня, - говорила Лена. - Она как её мать. Такая же упрямая, такая же

наивная. Но она поймёт. Она поймёт, что я права.

Элиас сжал кулаки, чувствуя, как внутри него поднимается волна гнева. Он хотел броситься на неё, хотел заставить её страдать, но он знал, что это бесполезно. Он должен был найти Айрис.

Он двинулся дальше, оставляя голос Лены за спиной стараясь не издавать ни звука. Он слышал, как голос Лены становится всё тише, удаляясь в противоположном направлении, и знал, что она уходит. Он продолжил свой путь, ища комнату, где держат Айрис.

Он прошёл через несколько пустых залов, мимо комнат, в которых горел тусклый свет, и остановился у поворота. Он услышал шаги - тяжёлые, мерные, как у солдат на плацу. Он выглянул из-за угла и увидел усиленный патруль, который стоял у коридора, ведущего к комнатам для гостей.

Он отступил в тень и прислонился к стене, чувствуя, как разочарование накрывает его. Он был так близко. Он почти добрался до неё. Но патруль перекрыл ему путь.

Он закрыл глаза и попытался успокоить дыхание. Он знал, что не может пройти через них. Он знал, что должен найти другой способ.

Он сжал кулаки и пообещал себе: он не сдастся. Он найдёт обходной путь. Он освободит её отступив в тень, прижимаясь спиной к холодной стене, его дыхание было прерывистым, как у загнанного зверя. Он смотрел на усиленный патруль, который стоял у входа в коридор, ведущий к комнатам

для гостей, и чувствовал, как внутри него поднимается волна отчаяния, которая угрожала захлестнуть его. Он был так близко. Он почти добрался до неё. Всего несколько десятков метров отделяли его от Айрис. Но эти метры были защищены стеной из серебристых комбинезонов и пустых глаз.

Он сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, оставляя полумесяцы боли. Он хотел крикнуть от бессилия, хотел броситься на них, хотел прорваться сквозь эту стену, даже если это стоило бы ему жизни. Но он знал, что это бесполезно. Если он нападёт сейчас, его убьют, и тогда Айрис останется одна. Он не мог позволить себе этого. Он должен был быть умнее. Он должен был найти другой путь.

Он отступил дальше в тень, стараясь не издавать ни звука, и начал двигаться вдоль стены, ища обходной путь. Коридоры «Эдема» были лабиринтом - бесконечные белые стены, одинаковые двери, одинаковые повороты, которые, казалось, вели в никуда. Он прошёл через несколько залов, но везде его встречали патрули. Они стояли у каждого входа, у каждого поворота, у каждой двери, их пустые глаза были устремлены вперёд, и они двигались с механической точностью, как будто их телами управлял один общий разум.

Он попытался найти другой путь. Он свернул в боковой коридор, который вёл вниз, в недра здания. Там было темно, и воздух был холодным и влажным, пахло плесенью и старой пылью. Он шёл по этому коридору, надеясь, что он приведёт его к цели, но он упёрся в глухую стену - массивную, метал-

лическую, с электронным замком, который требовал код доступа. Он не знал кода. Он не мог пройти.

Он развернулся и пошёл обратно, чувствуя, как его шаги отдаются эхом в пустом пространстве. Он попробовал другой коридор, который вёл наверх, к верхним этажам здания. Там было больше света, но и больше патрулей. Он едва успел спрятаться за колонной, когда мимо прошла группа стражей-гибридов. Он слышал их шаги, ровные и синхронные, как тиканье часов. Он слышал их голоса, которые были лишены всяких эмоций, как у машин.

- Смена через час, - говорил один из них. - Затем усиление охраны у восточного крыла. Лена приказала усилить охрану. Она не хочет, чтобы гостя покинула свои покои.

- Слышал, она пыталась связаться с кем-то за пределами «Эдема», - ответил другой, и его голос был таким же ровным. - Сигнал перехвачен. Лена была в ярости.

Элиас замер, чувствуя, как его сердце пропускает удар. Айрис пыталась связаться с ним. Она пыталась позвать на помощь. И сигнал был перехвачен. Лена знала. Это означало, что Айрис была в ещё большей опасности, чем он думал. Она не просто была в ловушке - она была под постоянным наблюдением, и каждый её шаг, каждое её слово контролировались.

Он подождал, пока патруль пройдёт мимо, и продолжил свой путь. Он попробовал ещё один коридор, затем ещё один, но везде его встречали патрули. Везде были блокпо-

сты, замки, охранники. Он не мог пройти. Он был отрезан.

Он остановился в конце коридора, чувствуя, как усталость наваливается на него, как боль в плече становится почти невыносимой. Он прислонился к стене и закрыл глаза, пытаюсь успокоить дыхание. Он был так близко. И в то же время так далеко.

Он не знал, сколько времени он искал обходной путь - может быть, час, может быть, два. Время потеряло для него смысл, превратившись в бесконечную череду шагов, поворотов и тупиков. Но он знал, что не может остановиться. Он должен был найти способ. Он должен был добраться до неё.

Он открыл глаза и увидел в конце коридора небольшую техническую нишу - узкое пространство между стенами, где проходили трубы и кабели. Она была почти незаметной, скрытой за панелью, которая была слегка приоткрыта. Он подошёл ближе и заглянул внутрь. Там было тесно, но можно было спрятаться. Можно было ждать.

Он залез внутрь, чувствуя, как холодный металл труб касается его спины, как пыль оседает на его одежде, как воздух становится спёртым и тяжёлым. Он присел на корточки, обхватив колени руками, и посмотрел на узкую щель, через которую можно было видеть коридор. Он мог видеть патрули, которые проходили мимо. Он мог слышать их голоса, их шаги. Он был скрыт от их глаз, но он мог наблюдать за ними.

Он знал, что не может пройти через них. Он знал, что должен ждать. Он должен был дождаться ночи, когда они

ослабят бдительность, когда диссиденты отключат внутренние сенсоры, когда появится окно. Это было его единственным шансом.

Он сел на холодный бетонный пол, чувствуя, как холод проникает через его одежду, как его тело начинает дрожать от усталости и напряжения. Он закрыл глаза и попытался успокоиться, но мысли продолжали крутиться в его голове, как колёса сломавшегося механизма.

Он думал об Айрис. Он представлял её лицо, её глаза, её голос. Он вспоминал, как она смотрела на него перед отъездом, как она сказала: «Я вернусь. Я обещаю». И теперь она была здесь, в этом идеальном мире, который был её тюрьмой. Она ждала его. Она надеялась на него. Он не мог подвести её.

Он думал о том, что она, должно быть, чувствует сейчас - страх, отчаяние, одиночество. Она была сильной, но даже сильные ломаются, когда оказываются в ловушке. Он должен был добраться до неё. Он должен был сказать ей, что она не одна.

Он думал о Горе, о том, как тот учил его не сдаваться. Он вспоминал его слова: «Страх - это не враг, Элиас. Враг - это когда ты позволяешь страху управлять тобой». Он думал о том, как Гора смотрел на него в последний раз, как он сказал: «Построй мир, Элиас. Построй мир, в котором не будет войны». И теперь он был здесь, в самом сердце врага, и он должен был выполнить это обещание.

Он думал о Кейне, о его улыбке, о том, как он верил в

лучшее. Кейн погиб, защищая Айрис, защищая свободу. И теперь Элиас должен был сделать то же самое. Он должен был защитить её. Он должен был освободить её. Он должен был сделать так, чтобы их жертвы не были напрасными.

Он думал о диссидентах, о тех, кто рисковал своими жизнями, чтобы помочь ему. Они верили, что он сможет сделать это. Они верили, что он сможет остановить «Эдем». Он не мог подвести их.

Он сжал в руке пистолет, который дал ему Кайл, и проверил обойму. Три патрона. Всего три выстрела, чтобы защитить себя и Айрис. Этого было мало, но он знал, что это всё, что у него есть. Он не знал, сможет ли он использовать их, но он знал, что они могут спасти его жизнь.

Он закрыл глаза и позволил себе погрузиться в тишину, слушая своё дыхание и сердцебиение, которые отдавались в ушах глухим, ритмичным стуком. Он ждал. Он ждал, когда наступит момент. Он ждал, когда он сможет действовать.

Он не знал, сколько времени прошло. Может быть, час. Может быть, два. Но он знал, что должен быть терпеливым. Он должен был дождаться правильного момента. Он должен был сделать последний рывок, когда наступит сигнал.

И в этот момент он услышал звук - тихий, едва уловимый, похожий на гул. Он открыл глаза и увидел, как свет в коридоре на мгновение погас, а затем зажёгся снова. Сенсоры отключились. Диссиденты сделали своё дело.

Элиас встал, чувствуя, как боль в плече пронзает его тело,

но он не обратил на неё внимания. Он знал, что у него есть всего несколько минут. Он должен был действовать быстро. Он должен был найти Айрис.

Он вышел из ниши и двинулся по коридору, стараясь не издавать ни звука. Его шаги были бесшумными, как у тени, и он двигался быстро, уверенно, зная, что каждый шаг приближает его к ней.

Он прошёл мимо патрулей, которые теперь были слепы и глухи, их пустые глаза ничего не видели в темноте. Он прошёл мимо дверей, мимо залов, мимо комнат, которые были пусты и безмолвны. Он шёл к ней, и внутри него горел огонь, который не мог погасить никакой мрак.

- Я иду, Айрис, - прошептал он в темноту. - Я иду за тобой. Я обещаю.

Ночь тянулась медленно, как густой мёд, и каждый час казался вечностью. Элиас сидел в технической нише, прижимаясь спиной к холодной металлической стене, и слушал, как патрули проходят мимо. Их шаги были ровными и механическими, как у марионеток, и они повторялись снова и снова, создавая монотонный ритм, который гипнотизировал, но не давал расслабиться. Воздух в нише был спёртым, пахло пылью и машинным маслом, и он чувствовал, как каждый вдох даётся ему с трудом.

Его плечо болело - тупая, пульсирующая боль, которая напоминала ему о том, что он ранен, что он ослаблен, что у него почти не осталось сил. Но он не мог позволить себе уснуть.

Он не мог позволить себе расслабиться. Айрис была близко - всего в нескольких десятках метров отсюда, за этими стенами, за этими патрулями. Она ждала его. Она надеялась на него.

Он закрыл глаза и попытался успокоить дыхание. Он думал о том, как она выглядит сейчас - уставшая, испуганная, но всё ещё сильная. Он представлял её лицо, её глаза, которые всегда смотрели на него с верой, даже когда он сам в себя не верил. Он вспоминал, как она стояла у ворот города перед отъездом, как она сказала: «Я вернусь. Я обещаю». И теперь она была здесь, в ловушке, и он должен был спасти её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.